

Татьяна Правдина

*Разговор
со своими*

Правдина

ДЕКОМ

Имена (Деком)

Татяна Правдина
Разговор со своими

«Деком»

2016

ББК 84(2Рос-Рус16)

Правдина Т. А.

Разговор со своими / Т. А. Правдина — «Деком»,
2016 — (Имена (Деком))

ISBN 978-5-89533-363-1

Воспоминания Татьяны Александровны Правдиной знакомят читателя со средой, когда-то казавшейся неотъемлемой частью культурной жизни в России – а теперь ускользающей. Это мир старой московской интеллигенции. И написана она в духе застольных разговоров, что памятно старшему поколению. Татьяна Правдина происходит из знаменитой семьи промышленников Шустовых (освежите в памяти Бунина и Куприна и поймете, о чем речь). Но, в отличие от многих промышленников после революции, Шустовы Россию не покинули. Судьба родителей мемуаристки, Татьяны Шустовой и Александра Правдина, неразрывно связана с трагическими страницами истории страны. Репрессии, лагеря, тяжелые военные годы – семья Правдиных сумела перенести это не сломившись. Сама Татьяна Правдина, востоковед по образованию, жила и работала среди тех, кто составлял цвет московской интеллигенции. Здесь и те, чьи имена стали легендами: Александр Твардовский и Мстислав Ростропович, Орест Верейский и Эльдар Рязанов, – и просто хорошие люди, друзья и родные. И конечно же, особое место в повествовании отведено Зиновию Ефимовичу Гердту, для зрителей – всенародно признанному артисту, а для Татьяны Правдиной – любимому мужу Зяме. Обо всем этом автор рассказывает тем, кого считает «своими», с надеждой, «что своих много».

ББК 84(2Рос-Рус16)

ISBN 978-5-89533-363-1

© Правдина Т. А., 2016

© Деком, 2016

Содержание

От автора	8
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	45
Глава 7	49
Глава 8	52
Глава 9	55
Глава 10	60
Глава 11	64
Глава 12	69
Глава 13	75
Глава 14	79
Глава 15	81
Глава 16	86
Глава 17	87
Глава 18	91
Глава 19	96
Глава 20	101
Глава 21	104
Глава 22	112
Глава 23	119
Глава 24	122
Глава 25	124
Глава 26	128
Глава 27	132
Глава 28	137
Глава 29	142
Глава 30	144
Глава 31	147
Глава 32	151
Глава 33	155
Глава 34	162
Глава 35	165
Глава 36	172
Глава 37	176
Глава 38	179
Глава 39	184
Глава 40	186
Глава 41	189
Глава 42	197
Глава 43	201
Глава 44	211
Глава 45	216

Глава 46	218
Глава 47	222
Послесловие	225
Некоторые мысли – мои и чужие	228

Татьяна Правдина

Разговор со своими

Моей Кате

От автора

Прежде чем начать разговор, люди знакомятся. Я, «автор», конечно же, не писатель, а старая, в нескольких поколениях, москвичка. Родилась в 1928 году, ношу странно-литературно-персонажную фамилию. Выяснила: со стороны отца его прадед – еврей, носил фамилию Варгафтик. Выкрестились и фамилию с идиша, искореженного немецкого, перевели «Wahrheit» – «правда».

В 2001 году издательство ДЕКОМ выпустило книгу «Зяма – это же Гердт!», в создании которой я принимала самое непосредственное участие. Счастливо сложилось, что книга была очень тепло встречена читателями и не единожды переиздавалась. Я не собиралась продолжать свою «книготворческую» деятельность, но и мои близкие, и друзья, и главный редактор ДЕКОМа, услышав мои разговоры – воспоминания, сказали, что их надо записать и выпустить книгу.

Вот поэтому и название: «разговор». А «свои» – это те, с кем легко говорить, те, в ком ты видишь, не обязательно, но хотелось бы, единомышленников. Это люди на одной с тобой волне, кому ты если и не нужен, то хотя бы интересен.

Мое поколение «уходящих натур» в детстве и старше мало что слышало о жизни своих предков, их трудностях и радостях. Было не принято распространяться о прошлом, особенно в семьях «бывших». Но зато и Лев Николаевич, и Антон Павлович были к нам на сто лет ближе, от них и знали о предыдущей жизни.

Всё, что являет собой этот «разговор», – это воспоминания о жизни, со сбитой хронологией и сюжетом.

Извиняйте, если что не так...

Татьяна Правдина

Счастье – это воспоминание.

Виктор Пелевин

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Ф. И. Тютчев

Глава 1

Случайное начало

Случайное начало разговора. – Станция Яя. – Встреча Шуни и Шуры. – Первый брак папы. – Шустовы.

– Прекрати сейчас же, или я тебя выпорю!

Услышав этот вскрик, более похожий на междометие, знакомый многим, имевшим дело с детьми, мой пятилетний внук так на него и отреагировал – спокойным, вальяжным голосом, свидетельствующим о понимании совершенной невозможности исполнения угрозы, спросил: «Баушка, а тебя когда-нибудь пороли?»

Неожиданно отброшенная в его возраст, я вспомнила: «Да, однажды, по-настоящему – ремнем». – «Как?! Расскажи...»

В 1933 году моя мама, Шустова Татьяна Сергеевна (ей был 31 год, и все звали ее так, как звали в гимназии, Шуня = *Шустова* + *Таня*), и я, пятилетняя, уже больше двух лет жили в сибирской деревне на реке Яя. Кроме железнодорожной станции с этим же названием там был лесопильный завод и концентрационный лагерь, из-за которого мы и снимали комнату в деревне у тети Луши.

Тогда, как говорили в сороковые и позже, были «гуманные» времена, и заключенных под выходной день после работы и до середины выходного выпускали из лагеря, если было к кому. Поэтому, не вспоминая декабристок, Шуня после ареста в мае 1931 года моего папы, Правдина Александра Викторовича, тогда же завербовалась в Москве на работу в Сибири в контору лесопильного завода рядом с лагерем, чтобы мужу было «к кому».

* * *

Несомненно, самым счастливым временем для моих родителей было первое десятилетие их совместной жизни, начавшейся в двадцать втором году и длившейся пятьдесят пять лет, так и не став «законным» браком – они не зарегистрировались, не обвенчались и ушли из жизни в один и тот же семьдесят седьмой год.

1921

Четверка гребчих, Шуня – первая справа. Тренер – Анатолий Переселенцев

Москва, Яхт-клуб, команда гребчих. Шуня сидит в первом ряду вторая слева

Пятерка теннисистов. Шура – крайний слева

В год их пятидесятилетнего «греха», за пять лет до их ухода, мы с Зямой (моим мужем, Зиновием Гердтом) праздновали этот, для нас все-таки золотой,

юбилей. Я уговаривала маму пойти в ЗАГС и зарегистрировать брак. Главным моим доводом было, что дадут справочку и можно будет в магазине «для новобрачных» купить туфли. «Не говори глупостей, – говорила она, – я должна проверить чувства».

А тогда, весной двадцать второго, они встретились в поезде Москва – Петроград. Две группы спортсменов, теннисисты и гребцы академической гребли, ехали на соревнования – тогда еще не разыгрывалось первенство Советского Союза (он образовался в декабре того же года), а главными были встречи Москвы и Петрограда. Среди теннисистов был мой папа, Шура Правдин, один из ведущих игроков Москвы. Двадцатисемилетний, высокий, загорелый с ранней весны темным загаром, с обаятельным взглядом, всеми обожаемый. Среди гребчих – Шуня, двадцатилетняя чемпионка Москвы в одиночке (лодка «Скиф») и в восьмерке, совсем не красавица, но привлекавшая внимание стройной английской фигурой и немислимой детской чистотой («скрипучестью» – рассказывал мне папа), сохранившейся до конца дней.

Команда московских теннисистов, второй слева в первом ряду – А. Правдин. 1922

* * *

Шура в это время был женат и имел двоих сыновей, семи и двух лет, но хорошим мужем и отцом не был – женился не по любви, а по долгу, приказал отец, Виктор Михайлович, который сам был женат тремя церковными браками. Александр Викторович окончил юридический факультет Московского университета, хорошо работал, но все свое свободное время и страсть отдавал спорту – футболу, хоккею, боксу, главным образом теннису. Был видным в Москве молодым человеком, в которого все влюблялись. Не миновала этого и первая кра-

савица Москвы Лидия Энгельгардт. Узнав о свершившемся грехе, отец приказал жениться, сохранилась даже фотография шикарной свадьбы.

Единственная, увы, неудачная свадьба. В центре – Шура, невеста – Лида Энгельгардт, Виктор Михайлович Правдин – отец, сзади – отец Лидии

Ему двадцать, Лиде двадцать один – более неподходящих друг другу людей трудно найти: он – спортивный, веселый, гуляка, она – красавица без улыбки, скучно и безрадостно несущая свою красоту. Только те браки удачны, в которых соединившиеся люди живут на одной волне, то есть помимо любовников могут стать друзьями. Ведь дружба счастливее любви – она не бывает несчастной, невзаимной, иначе это не дружба.

* * *

Спустя несколько лет после развода Лидя вышла замуж за тихого Семена Герасимовича и была вполне счастлива. А папе моему тоже повезло, что он выбрал Шуню.

Шустовские дети – Катя, Боря, Таня (Шуня), Лиза

Она же, дочка очень богатого капиталиста Сергея Николаевича Шустова из знаменитой компании водок и коньяков «Шустов и сыновья», была воспитана, при гувернантках и горничных, необыкновенно демократично. С детства всех детей (был брат и две сестры) приучили все делать самим – и постель оправлять, и пыль вытирать, и в гимназию не возили на выезде, который имелся, а ездили на конке. Давали денег на дорогие места, но Шуня брала дешевые, чтобы на сэкономленные деньги покупать конфеты – черно слив в шоколаде, так как дома сладкого до пятичасового чая получить было нереально. И спортом занимались, и три языка (английский, немецкий, французский) по-настоящему знали.

Поэтому, когда, как говорила мама, «случилась» революция и семья вместо двенадцати комнат стала жить в двух – в одной отец с братом, в другой Шуня с сестрами (их мама умерла в том же году) – все было воспринято совершенно спокойно и считалось справедливым.

«Шустовская реклама»

Шуня поступила в Московский университет, но через год вынуждена была уйти – надо было зарабатывать. Отец, Сергей Николаевич, оставался работать на бывшем «своем» заводе в Москве, так как рабочие завода вошли с ходатайством к Ленину, и его не тронули, оставив директором завода. До 1933 года, когда дедушка скончался, мама ходила к нему на работу брать справку, что он не «лишенец», потому что с фамилией «Шустова» жить было достаточно сложно.

Семья Шустовых. Третья слева – Шустова Александра Гавриловна, моя бабушка, дед Сергей Николаевич – крайний справа. 1916

Сначала работала в архиве – переводила царские письма: царь и царица переписывались по-немецки и по-английски. Рассказывая об этом, говорила, что было очень скучно, так как Николай Второй, по ее словам, был мелкий обыватель, лирически рассказывавший, как прошел завтрак и что подавали, а царица – просто холодная немка. Затем всю жизнь работала на разных канцелярских должностях, печатала на машинке (и латиницей).

Справки

Сравнение жилищно-коммунального хозяйства
№ 909 дома № 7 по Боровицкому
Ступинскому переулку настоящим
удостоверяет, что гр. Мухомова
Фатима Сергеевна проживала
в вышеупомянутом доме
в кв. № 8 с 1908 г. по ноябрь 1923 г.
и что в актах и текущих
делах Жилищно-коммунального хозяйства
никаких данных о личности
гр. Мухомовой в отношении
Советской власти не имеется.

№ 62
20 июля 1924 г.

Председатель Сравнения
подпись (чл. РКП партбилет № 122430
домашн. теле 4-86-23)

Член Сравнения
подпись (чл. РКП партбилет № 130303
подпись (чл. РКП партбилет № 120899)

Такую справку Шуны брала каждые три года

Глава 2

Возвращаясь к началу

Палаты Шуйского. – Друзья родителей. – Няня Дуня. – Процесс Промпартии, арест папы. – Станция Яя. – Школа в Большом Вузовском. – Подруга Таня Калиш.

Вернувшись из Петрограда, родители были уже вместе, но жить было негде: у Шуры – квартира в Мансуровском переулке, где жена с детьми, у Шуни – комната в коммуналке, где две сестры. Но – друзья! Друг Шура Цоппи находит в переулке в центре Москвы, недалеко от места, где живет сам, полуподвал в доме – палатах Шуйского, который стоит и сегодня. С электричеством и изразцовой печкой, водой и канализацией в нежилой части подвала, но зато без соседей! Там прожили до 1970 года – столетия Ленина – когда стали переселять из подвалов. Я там родилась, родила свою Катю и жила до тридцати лет.

Дом Шуйского. Родной дом. И доска – свидетельство его древности

Поэтому в дни смерти родителей (мама – 5 апреля, папа – 16 сентября 1977 года) хожу не на кладбище, а к своему родному дому...

В этот подвал в качестве приданого Шура принес барометр, а Шуня привезла из барской квартиры на Страстном бульваре спальню своей мамы и буфет (его пришлось бросить при выезде из подвала в новостройку). Было очень уютно, но сыро – около лестницы даже выросли грибы.

Барометр «Имущественный вклад в новую семью А. В. Правдина»

Как я уже сказала, первые – с двадцать второго по тридцать первый – годы были самым счастливым временем их жизни. Работали, зарабатывали, был НЭП – все было. Занимались спортом, был широкий круг московской интеллигенции: дружили актеры и спортсмены, особенно с ваханговцами, вторым МХАТом: подруга – красавица Бакланова, подруга и Варя Обухова, сестра знаменитой певицы Надежды Андреевны Обуховой, актриса Малого...

Всеми семейными обязанностями занималась Шуня: следила, чтобы вовремя платились алименты, определяла старшего папиного сына Виктора в Алферовскую гимназию, в которой когда-то училась сама и которая считалась самой прогрессивной.

Вероятно, гимназия такой и была – за ответы не ставили оценок. И так было ясно, кто чего стоит, а достоинство учеников низкой оценкой не унижалось. Здание стоит и сегодня на высокой набережной Москва-реки

напротив Киевского вокзала, много лет в нем находится районный суд. Я была в нем по защите одного сотрудника своей редакции, а в наши дни прошел процесс над Ходорковским... одолевает печаль!..

Мама вела дом с помощью строгой Маши, работавшей ранее в шустовской семье, которая крахмалила пижону Правдину рубашки (утром и вечером надевал свежие), запекала в тесте окорок на Пасху – блюла традиции зажиточного русского дома. Но выдержать рождение ребенка не захотела, и поэтому в 1928 году появилась няня Дуня, не Арина Родионовна, но по душевному складу и преданности – чисто русское явление.

Когда ребенку (мне) исполнилось два месяца, молока не было, Шуня пошла работать, а няня Дуня, взяв под мышку сверток с дитем, ходила в молочную кухню. И довольно рано, когда я начала разговаривать, то все родительские друзья использовали мою – естественно, взятую от Дуни – лексику: «Съешьте еще кусочек!» – «Не могу, отрываю». Или, вернувшись из зоопарка: «А у бегемота вонишша!»

Так длилось три года с моего рождения до Шуниного отъезда со мной в Сибирь. Дуня вернулась в деревню, а в тридцать пятом, когда мы вернулись из Сибири, прислала нам свою дочку Нюшу. Нюша пробыла у нас до начала войны и тоже должна была вернуться в деревню, потому что карточек, ни продовольственных, ни промтоварных, временно прописанным (сегодня – «зарегистрированным») не давали. И с карточками-то было не очень сытно, а без них полностью невозможно.

* * *

В двадцать девятом году прошла первая кампания против «врагов народа» – процесс Промпартии. Ни народ, ни его «прослойка» – интеллигенция, судя по рассказам, не поняли, началом чего это было. В 1931 году мой отец Правдин, успешно работавший во внешнеторговой организации Восгосторге по торговле с Ираном, был в командировке в Баку. И 6 мая был арестован и перевезен в Москву. Событие было столь невероятным, что вызванная к следователю гражданская жена Шуня разговаривала с ним строго и повелительно: разбирайтесь побыстрее с вашим недоразумением, начинается сезон, Александр Викторович должен тренироваться, а то будет не в форме.

А с ним в те «гуманные» времена разговаривали доверительно: вы ведь советский человек, должны нам помочь, расскажите, как в полночь вы встречались с иранскими торговцами, и т. д., и т. п. Призывали к патриотизму, уверяя: как только он напишет то, что потом называли «романом», он будет немедленно отпущен. И через два месяца Бутырской тюрьмы он был отправлен в концлагерь на станции Яя, в Сибири.

Вот мы вернулись к тому, как меня пороли. Папа в лагере, мама на работе в конторе завода, хозяйка тетя Луша занята коровой и кухней. Поэтому я, пятилетняя, в черной, сшитой из овчины шубе-сборчатке, в морозную, но тихую сибирскую зиму гуляю одна по деревне. Подхожу к почте, оттуда летом на телеге, которую везет лошадь, развозят почту (и в лагерь тоже). Зимой лошадь тянет кибитку, стоящую на санях. Я прицепляюсь сзади кибитки на полозья саней, она черная, и я в черной шубе... Никто не заметил. Въехали в лагерь, я сошла с саней, и тут же подлетел охранник:

– Ты откуда, что тебе?

– Мне папу, Правдина...

Поднялся крик, и, хоть прошло уже более восьми десятков лет, помню папу, седого (в 38 лет!), выскочившего из барака в одной рубашке... Наверное, его любили, потому что я тут же оказалась за воротами. А когда через день папа пришел к нам, меня пороли... Понять родителей можно: в лагере было много малолеток (детей зеков, родившихся в лагере), могли бы оставить разбираться.

«Гуманные» времена кончились: в декабре тридцать четвертого убили Кирова, зеков перестали выпускать, но мы продолжали жить на Яе в надежде на возврат былых порядков. Шуня даже отдала меня в деревенскую школу, куда я проходила полтора месяца до нашего отъезда. Делать мне там было нечего, так как к тому времени я, вероятно, вследствие скучной и беспризорной деревенской жизни, свободно читала, писала, считала... Но зато я знаю, как происходит обучение всех классов, с первого по седьмой, в одной комнате и одним учителем.

Потепления не произошло, и даже хуже – зеков начали отправлять в более строгие лагеря: папу отправляли в Коми, в Воркутинский лагерь, за Котлас, под город Чибью. Перед отправкой дали свидание в пересыльной тюрьме города Мариинска. Там я и видела папу в последний раз перед перерывом в шесть лет, до 1941 года, когда его выпустили. Не говорю «освободили», потому что начался период жизни семьи, к которому определение «свободный» применить трудно.

Шуня с Таней. Посёлок Яя. Лето 1934

Шуня со мной, семилетней, вернулась в Москву, устроилась с помощью друзей на работу, устроила меня в школу, именно «устроила»: был уже ноябрь, и вообще тогда семилетних не брали – взяли «условно», то есть с тем, что моя успеваемость не будет входить в зачет класса. Но после зимних каникул в зачет взяли: хвастаюсь – училась я лучше всех.

* * *

Эта школа № 327 находилась наверху Большого Вузовского переулочка (и сейчас там же), была известной в Москве, как несколько лет назад школа № 45 – Мильграмовская. Ее черный вход выходил в наш, Малый Вузовский. И меня туда водила (ходу пять минут) девочка Таня Калиш, старше меня на три года. Она была дочкой наших соседей по двору. Чуть выше наших Шуйских палат был дом начала века, где в большой коммуналке на высоком первом этаже, занимая три комнаты, жила семья Калишей – Шлезингеров. Дружило младшее поколение – Таня и я. А когда папа вернулся после реабилитации, стали общаться и старшие. Танин папа – Василий Калиш был постоянным участником субботнего преферанса, организуемого моим папой. В папиной записной книжке на букву «п» была запись: «партнеры».

Таня не только проводила много времени со мной – играли у нас или у них, но и в школе очень опекала. Вместе с ней меня опекал весь ее класс! Давали книжки читать, водили на каток...

Война. Все разъехались. Но они (Танин класс) связь поддерживали, и после победы собрались и решили регулярно встречаться. Замечательно это осуществляли в течение многих лет.

Однажды, я уже замужем за Гердтом, мне звонит Таня и говорит, что они собираются в очередной раз, и все попросили позвать меня. Удивившись, но и очень обрадовавшись, оставляю Зяме телефон (так у нас было заведено для спокойствия) Майки Печенник, у которой собирались в этот раз. Она продолжала жить, где жила, и мне было легко – я в детстве там бывала!

Взяв какое-то количество выпивки, я прибыла. Удивительно, но через четверть века узнавали друг друга! Звоню, Майя говорит, что просят меня. Конечно, Зяма:

– Спроси, можно, я приду?

– Тут лифта нет, а этаж третий!

– Неважно, мне очень хочется, интересно!

Конечно, все радуются, им тоже интересно, Гердт живьем!

Когда Зяме хочется, и третий этаж берется без особого задыхания!

Люди одного круга – великое дело. Хоть Зяма старше не только меня, но и их. Общение на одной волне, как будто он тоже из нашей предвоенной жизни. Он вдруг говорит Григорьеву (имя забыла): «Давай поменяемся рубашками!» И тот соглашается, под общий хохот меняются. Полная чепуха, но ведь запомнилась!..

С Маей Печенник общалась до ее ухода, а ее прелестная дочка... живет там же и 9 Мая всегда звонит.

Глава 3

Опять мама и папа

Открытки в лагерь. – Шуня и начальник лагерей Мороз. – Папа выходит из лагеря. – Бабушка Мария Зиновьевна и тетя Женя. – Меня крестили...

То, что папа остался жив и не стал неполноценным депрессивным человеком, произошло не только благодаря спортивной закалке, но главным образом благодаря Шуне. Все десять лет, проведенные в заключении, он не был оторван от дома: три с половиной года в Сибири она была рядом, а когда перевели на Воркуту, каждый год ездила на свидание – иногда давали на два часа, иногда даже на сутки. А в тридцать девятом не дали вообще, и она, проехав на поезде, потом на катере, потом на грузовике, стояла на пригорке – их гнали на работу, и он ее видел...

Шуня, Таня. 1937

Тем не менее самым героическим в ее жизни я считаю то, что в течение семи лет, неукоснительно, через день (!) она писала ему письма, в которых была вся жизнь дома. Это были не письма, а открытки – чтобы цензорам не надо было делать лишних движений, опытом было доказано, что открытки лучше доходили. А когда в тридцать седьмом от папы перестали приходить разрешенные ему письма, она, естественно, ужасно волнуясь, разными путями узнала,

что в Москву приезжает начальник Воркутинских лагерей Мороз. Подумав, где бы он мог остановиться, она решила, что это гостиница "Москва".

И в воскресное весеннее утро, взяв меня, девятилетнюю, пришла в гостиницу «Москва» (тогда можно было войти). Спокойно спросила: «В каком номере товарищ Мороз?» – ей называют. Помню, как сейчас: поднимаемся на второй этаж, стучим – и на разрешающий ответ входим. Большая комната в ярком утреннем свете, двое мужчин – один за письменным столом, второй бреется около раковины.

– Здравствуйте, кто из вас Мороз?

– Я, – отвечает тот, за письменным столом.

– Я жена заключенного Правдина, он жив?

Очевидно, сраженный полной неожиданностью – центр Москвы, тишь да гладь, яркое солнце, молодая женщина, девочка – отвечает:

– Да.

– А почему от него нет писем?

– Он в строгом изоляторе.

– Спасибо.

И мы уходим. Главное она узнала: жив!

Думаю, сегодня только люди моего поколения могут понять, сколько отваги надо было иметь, чтобы так действовать. Дальше только неустанные усилия: адвокат, письма, заявления – и удалось вытащить его из изолятора. Выяснилось, что в него папу посадили в конце зимы по приказу именно Мороза. Тогда в Коми искали нефть (потом, спустя полтора десятилетия, ее нашли!) и бурили в разных местах. Правдин как грамотный был бригадиром на одной из установок. Для охлаждения буровой машины нужна вода, ее брали из близлежащей реки. Зима в тот год была чрезвычайно морозная, и река промерзла до дна. Бурение остановилось. С инспекцией приехал Мороз – «Саботаж!». Изолятор, натравливание собак... Кстати, чекистская машина катилась, захватывая и своих: через год Мороза расстреляли.

* * *

В начале тридцатых в лагерях была система зачетов: за хорошую работу, бывало, считали день за два. У папы было много «зачетов», и он должен был бы выйти задолго до окончания срока. Но все это отменили, и он вышел ровно через десять лет. Он, понимая нищенское существование семьи – за эти годы было продано все, что оставалось от прежней жизни, а Шуня работала как проклятая, растила ребенка, посылала посылки, ездила на свидания с ним – предложил, что останется вольнонаемным, чтобы получать большие «северные».

Таня – пионерка. 1940

Но мудрая Шуня, слава богу, не позволила это сделать: когда началась война, всех вольнонаемных заключили обратно в лагерь. И 6 июня сорок первого (!) мы встречали его на Ярославском вокзале: Шуня, я, тетя Женя – папина сестра Евгения Викторовна и бабушка Мария Зиновьевна, его мама, с которой он не виделся двадцать лет...

Откуда двадцать? А так: оставленная мужем, несмотря на церковный брак, с двумя детьми, которыми, надо отдать ему справедливость, он занимался до конца своих дней, бабушка, вполне еще молодая, вышла замуж за Петра Михайловича Ярцева. Была с ним счастлива и в двадцать первом году вместе с мужем и другими литераторами-интеллигентами Серебряного века уехала сначала в Киев, а потом они эмигрировали за границу. Когда муж умер (в это время они были в Болгарии), стало ясно, что нужно возвращаться. Благодаря невероятным усилиям тети Жени в 1933 году она приехала в Москву.

Сын уже два года как был в лагере. Познакомилась с новой его женой Шуней и новенькой пятилетней внучкой. Ужасно, но ничего не знаю и никогда не узнаю, ведь мы с ней очень дружили, не только о ее жизни за границей, но и о ее детстве, молодости, ее родителях – они же мне прабабушка и прадедушка! – о том, как вышла замуж за папиного отца... Знаю только, что

в детстве жила в Киеве. Когда переехали в Москву, не знаю. Только одно и помню, что девичья ее фамилия была Хмельницкая. Она рассказывала, как в гимназии, когда ей делали замечание, говорили: «А это памятник не вашему ли родственнику стоит?» – имелся в виду памятник Богдану Хмельницкому. Но удивительно, недавно мне попала книга Бориса Зайцева, большого русского писателя, запрещенного в сталинские годы, наконец изданного у нас, о котором мне рассказывала мама, высоко о нем отзываясь. И в этой книге, в рассказе «П. М. Ярцев» – подробный рассказ о Петре Михайловиче и его жене – моей бабушке¹.

Сегодня трудно себе представить, что даже у себя дома нельзя было разговаривать о чем бы то ни было, связанном с границей. И тете Жене, и Шуне стоило больших трудов объяснить бабушке, что переписываться с ее старшим братом, живущим в Америке, категорически нельзя!

---

¹ Борис Зайцев. Улица святого Николая. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1989.

Шуня

Бабушка полюбила Шуню, конечно, была ей благодарна за сына и очень нежно относилась ко мне. С разрешения Шуни втихаря крестила меня в церкви на Большой Никитской – напротив консерватории. Мне было шесть лет, я это помню.

Все происходило очень быстро: был священник, ему помогал маленький старичок, бабушка и я. Никого больше, никаких крестных. Полили на макушку водичкой, помазали лоб и прочитали молитву. Бабушка все время крестилась сама и крестила меня. Надели крестик, но дома сняли: могли увидеть чужие, и он остался у бабушки, куда девался потом – не знаю.

Родители – и папа, и мама – не были атеистами, но и верующими тоже не были. Они выросли в начале века в семьях, я бы сказала, «деловых»: папин отец Виктор Михайлович Правдин – сын женившегося на русской, вероятно, выкрестившегося еврея Варгафтика (так что во мне одна восьмая еврейской крови тоже есть!), был видным процветающим юристом; мамин – Сергей Николаевич Шустов, чей дед Леонтий пришел в Москву из Рязанской губер-

нии, – стал крепким купцом, а его отец Николай Леонтьевич основал ликерно-водочно-коньячную, ставшую знаменитой, Шустовскую фирму. Все они были православными, по праздникам ходили и водили детей в церковь, пекли куличи и даже постились в строгие дни постов, но, конечно, истинно верующими не были, поэтому к советскому атеизму отнеслись спокойно.

Во время войны мы с мамой в нашем подвале оказались в лучшем положении, чем люди в хороших домах с центральным отоплением. Топить перестали, а у нас были печка и дрова в сарае во дворе. Но все поставили буржуйки, выведя трубы в форточки, и дрова из сарая стали воровать. Поэтому мы выкинули из подвала кухонный, еще шустовский, длинный-длинный стол, покрытый целиковой настоящего мрамора доской – чтобы на его место положить дрова. Из него вынули формы для куличей, сложенные как матрешки – штук десять, размером от граненого стакана до почти ведерного. Их тоже выкинули, так как было полное ощущение, что они никогда не понадобятся.

Иконы в родных домах были только у бабушки. Мне повезло: я независтлива и очень жалею завидующих людей – совершенно лишняя область для страданий. Но, если откровенно, бесконечно завидую двум категориям людей: истинно верующим (за всю жизнь встретила только с тремя) и музыкантам... Считаю верхом бестактности вопросы интервьюеров – «Вы верующий?» Все равно, что спросить о способе супружеской близости...

Возвращаясь к началу разговора о порке. При моем рассказе была и мама внука, моя дочка Катя, которая сказала: «Ты никогда мне об этом не рассказывала!» – «Но ты никогда и не спрашивала», – ответила я.

И опять я думаю: а я спрашивала? Даже маму – о рано ушедшей из жизни ее маме ничего толком не знаю... Не расспросила и папу о его бурной юности. Дивный эпизод знаю от тетки Жени: отец послал его, восемнадцатилетнего, в Лондон обучаться бизнесу, снабдив для этого приличной суммой. И первое, что он сделал по приезде в Англию, – заплатил внушительные деньги за участие в теннисном турнире. Ну, что? Золотая молодежь! А мы все недовольны своими молодыми!

Глава 4

Возвращение папы

Виктор Шнейдеров. – Папа Адольф и мама Юля. – Война. – Завидово. – Лидия Семеновна Баланеско. – Поиски работы для папы. – Шок от «родственника». – Шуня у генерала. – Работа в Мичуринске. – Дом Сидоровых. – Еда.

Встретив папу 6 июня сорок первого года, отвезли его к нашему другу Виктору Шнейдеру.

Почему не домой? Потому что все бывшие политзаключенные по пунктам 58-й статьи – у папы были пункты 6 и 7, шпионаж и контрреволюционный заговор – не имели права находиться на территории больших городов, тем более в столице. Уголовников это не касалось.

Виктор Шнейдеров – друг родителей со спортивной юности, сын замечательных Адольфа Матвеевича (пол-Москвы звало его папа-Адольф) и Юлии Густавовны Шнейдеровых, младший брат ставшего впоследствии очень известным кинорежиссером Владимира Шнейдерова (фильм «Джюльбарс» видели все). Старшие, вероятно, были потомками обрусевших немцев. Но тогда в их широком «тесном кругу» ни национальная, ни даже материально-социальная принадлежность никого не интересовала и, конечно, антисемитизм не полыхал. Важными были лишь интересы: спорт, театр, дружеские связи.

Теннисистки Софья Мальцева, Ольга Ольсен и Адольф Матвеевич Шнейдеров

До революции и во время нэпа Адольф Матвеевич занимался какой-то коммерческой деятельностью, был, как и Шустовы, среди видных руководителей Яхт-клуба (находился на Стрелке, на Москва-реке, где теперь громоздится церетелиевский Петр) – то есть был не богачом, но «в достатке».

«Мама Юля». Юлия Густавовна Шнейдерова, мать Виктора

Жили на Малой Никитской, в просторной по тем временам квартире на первом этаже, куда каждый подвыходной, а позже – в субботу, без приглашения приходили к накрытому столу старшие – друзья Папá Адольфа и Мамы Юли и следующие поколения – сыновья с действующими и бывшими женами (все дружили), соответственно друзья их поколения, и дети, дети всех.

Этот дом – одно из самых светлых воспоминаний моего детства. Шуня водила меня туда с тридцать пятого года (моих семи лет) и до начала войны. Взрослых было велено называть по имени (без «тетя», «дядя») и на «ты». Володя Шнейдеров приводил туда и актеров, которые у него снимались. Сильнейшее впечатление – крошечная корейка (из «Джувльбарса») распустила волосы – и они были до полу...

Итак – Виктор Шнейдеров. Был хоть и из мелкой, но буржуазной семьи и совсем еще юным стал яростным комсомольцем: вступил в ЧК и вместе с Виктором Кином² устанавливал на Дальнем Востоке советскую власть... Затем работал в Москве и в 1937 году был, естественно, арестован. Были выбиты зубы, отбиты почки и печень, но по приходе в 1938 году

---

² Кин Виктор Павлович (1903–1937) – настоящая фамилия Суровкин; русский писатель, автор романа «По ту сторону» о Гражданской войне на Дальнем Востоке; в 1937 году расстрелян.

Берии был полуживой, но выпущен. Выходили, остался больным на всю жизнь; ему было в это время сорок лет. Очень обозлился, но продолжал быть наивным – вернулся в НКВД, считая, что сможет бороться за справедливость. Стал абсолютно бесстрашен и без минуты колебаний взял бывшего зека к себе пожить. Напоминаю, это было 6 июня 1941 года...

Все близкие скинулись и решили послать Шуню и Шуру недели через две-три отдохнуть в Крым. 22 июня утром Костя Масс повез папу на ВДНХ: показать, чего достигла советская власть кроме лагерей, и покормить мороженым – папа его обожал. Когда он это мороженое доедал, в 12 часов дня выступил Молотов – объявили войну. Тут же вернулись, и стало ясно, что в Москве оставаться нельзя. Вечером мы с мамой провожали папу на Ленинградском вокзале на сто первый километр, в Завидово – куда до этого сразу после возвращения он съездил, зарегистрировался в НКВД и снял комнату в деревне.

Туда же через неделю меня и мою жесткошерстную девочку-фокстерьера Дорьку отвезла мама. Так что первую бомбежку Москвы 23 июля видела в виде красного зарева. Было значительно страшнее, чем потом, когда во время бомбежек была в Москве.

Мне было тринадцать, я до этого не виделась с папой более шести лет, и, естественно, было необходимо время для узнавания и привыкания. Я обязана считать, но и сама так думаю, что я человек счастливый: даже с детства, в самые-самые трудные моменты Господь-судьба посылает мне замечательных людей.

* * *

В Сибири – мне пять лет – хозяйка тетя Луша, не старая, совсем деревенская женщина. Как сейчас помню, умная и очень по-русски добрая. Когда идет доить корову, берет меня с собой и велит пить молоко, набирая его в кружку прямо из вымени: полезно, как материнское, теплое, не процеженное. Жалеет и самого зека, и жену его, и малую дочку...

И, конечно же, Лидия Семеновна Баланеско, которая была с нами рядом до конца своих дней. Она приехала из Москвы в нашу сибирскую деревню чуть позже нас, в 1933 году. У нее в лагере был муж. Мама была единственной москвичкой на станции Яя, они, естественно, сразу же познакомились. Лидия Семеновна пережила страшную трагедию. Была замужем за румыном Баланеско (у него в фамилии было «у»), были сын и дочка. Случился ужас, по разным причинам все (!) умерли в течение одного года. Она начала сходить с ума. И тогда смолodu влюбленный в нее двоюродный брат повез ее в путешествие на Алтай. Поженились, его арестовали, сослали в Сибирь...

Лидия Семеновна привязалась к маме и ко мне на всю жизнь. Жила рядом, не работала, а занималась мною. Рассказывала, когда гуляли в тайге, содержание всех опер и пела арии из них... Когда мужей перестали выпускать в деревню, а потом и перевели в другие лагеря, Лидия Семеновна, как и мы, вернулась в Москву. Жила, по счастью, недалеко от нас и бывала у нас постоянно. Ее мужа перевели в лагерь города Углич, где он и погиб. В Москве ею занималась мама, а после маминого ухода из жизни я. Возила продукты, а позже, когда она стала совсем старенькой, готовую еду. А жившие рядом с ней родственники не помогали совсем. Взять ее к себе мы с Зямой не могли, в тот момент было некуда. Устроили в лучший в то время дом для престарелых. Опять же счастье! По закону мы, не родственники, не имели права оплачивать пребывание престарелого человека. «Почему?» – «Можете в любой момент отказаться!» Но дивная работница этого дома поняла, что мы не откажемся...

Лидии Семеновне уже было девяносто три года, и она пробыла в этом «лучшем» кошмаре совсем недолго. Когда ее не стало, хоронить ее выпало нашему зятю Валере Фокину, потому что мы были на гастролях в Японии... По приезде должны были осуществить и осуществили завещанное: развеять прах. Оказалось – очень трудно! Не завещайте такого никогда...

Лидия Семеновна Баланеско с семьей

А здесь, в Завидове, деревенская женщина – хозяйка, у которой живем, полностью поняла ситуацию и помогла мне необыкновенно: во время бомбежки крепко держала, обняв, и все время сближала меня с папой, обучая заботиться о нем. Научила топить русскую печь, варить в ней в чугуне пшеничную кашу, считать малые деньги... Правильно поступают люди,

ведущие дневники: помню ее и всегда буду помнить, облик вижу, а имени вспомнить не могу... кажется, Наталья...

По приезде в Завидово папа сразу пошел в военкомат, проситься в армию (ему сорок шесть лет, брали и старше). Ему отказали, но послали на две недели на рытье окопов.

Я осталась с – будем так ее звать – Наташей. Телефона не было, мама раз в три дня присылала поддерживающие телеграммы: «Шибза (так она меня ласково звала), дорогой мой, держись, скоро увидимся...» Папа вернулся, на работу никуда не брали, решено было искать в округе. Поехали на станцию Редкино (следующая за Завидовым), а оттуда прошли восемь километров до ТОС (торфяная опытная станция), где работал инженером Гриша Натансон, муж маминой младшей сестры Лизы. До этого я его знала, хотя сестры общались мало. Мама была одна, папа был в лагере, а Лиза объявлялась только тогда, когда что-нибудь было надо. Но тут адрес дала... Когда мы нашли дом и на наш стук вышел Гриша, случилось то, что никогда не забуду: его объятые страхом лицо и крик «Уходите, уходите сейчас же!» «Дай Тане воды» (был разгар июля, и мы прошли длинную дорогу), – сказал папа. – «Нет, уходите!..» Мы повернулись, и через несколько домов женщина, работавшая в огороде, вынесла к забору нам ведро воды...

Через три года Лиза, Гриша с дочкой Леной возвращались в Москву из эвакуации, куда уехали осенью сорок первого. Им надо было где-то остановиться, так как их комната была еще занята. Мама пустила их к нам, но меня отослала к тете Жене и бабушке, понимая невозможность нашей встречи.

* * *

Вернулись в Завидово, и через несколько дней через милицию папе предложили место в конторе колхоза в довольно близкой деревне. Перебрались втроем: папа, я и фокстерьер Дорька. Но через шесть дней папу вызвали в НКВД и дали предписание уехать в течение 24 часов. Он должен был указать, куда он поедет, учитывая при этом все минус-пункты. Он указал Рязань, так как для ее достижения надо было проехать через Москву.

Москва была уже на военном положении, и для въезда в нее нужен был пропуск, но деревенские энкавэдэшники об этом не думали. На Ленинградском вокзале нас встречали Шуня и тетя Женя. Мы являли собой, как я теперь понимаю, довольно странную компанию: высокий, красивый, не старый, но совершенно седой мужчина, загорелая девочка-подросток с породистой собакой и две молодые явно москвички... Бог есть – может, поэтому нас не остановили. Плюнув на все, поехали домой, и на следующий день умная и смелая Шуня пошла в главное милицейское управление к генералу по паспортизации Москвы и Московской области. Посмотрев папины бумаги, он сказал, что «они идиоты, все минусовики не имеют права жить в областях, находящихся на военном положении, в Рязанской в том числе». И даже, естественно, по Шуниной просьбе выдал за своей подписью бумажку, в которой были названы «чистые» области, среди них – Тамбовская.

* * *

Москва – большой город, но есть группы, вернее, круг людей, постоянно общающихся. Я уже говорила, что театральная, спортивная и музыкальная Москва составляла такой круг. Руководитель замечательного ансамбля скрипачей Большого театра Юлий Реентович (с родителями знаком не был!) сообщил, что в городе Мичуринске (Тамбовской области, ранее и теперь город Козлов) живет после лагерей его тетка, Софья Александровна, у которой по приезде можно поставить чемодан. Так и поступили. «По велению» Шуни Александр Викторович пошел прямо в НКВД, сказав, что все равно «с улицы» его, с его бумагами, на работу

никто не возьмет. И действительно, они направили его в контору Облторфсоюза, в которой нуждались в грамотных людях и где он, неплохо образованный в Московском университете и в семье, благополучно проработал тринадцать лет, вплоть до реабилитации, когда смог вернуться в Москву. Он был чрезвычайно полезен руководству этого учреждения, так что даже посылали изредка в командировку в Москву.

Прожив в Мичуринске три дня у Софьи Александровны, с ее помощью снял комнату у стариков Сидоровых. Эти люди тоже из числа тех, кого в трудные минуты посылает небо и кого я буду помнить до конца моих дней. Старик (так мне тогда казалось, наверное, ему было около шестидесяти – в армию не взяли) Иван Васильевич работал на местном спиртзаводе. При всей его порядочности дом был полная чаша. Хозяйка, его жена Мария Петровна, дивная, хваткая, добрейшая русская женщина, с помощью кормов с этого завода держала корову, свиней, кур-гусей...

Форма № 30

С П Р А В К А

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

27 июня 1957 г.
№ 4н-01959/57
Москва, ул. Воровского, д. 13.

Дело по обвинению ПРАВДИНА Александра Викторовича, работавшего до ареста – 9 июня 1931 года – ответственным исполнителем В/О "Востгосторга", пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 6 июня 1957 года. Постановление Коллегии ОГПУ от 3 октября 1931 года в отношении ПРАВДИНА А.В. отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ПОМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ *М. П. Русаков*
/М. РУСАКОВ/

ак

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
1-й спецотдел

Выдана гр-ну ПРАВДИНУ Александру Викторовичу,
1895 года рождения, уроженцу гор. Москвы
судимому Коллегией ОГПУ З.Х.-1931 г.

„31“ июля 1946 г.
№ 48/4-34251
г. Москва

по ст. 58-6 и 58-7 УК РСФСР в ИТЛ
сроком на десять лет (год) в том, что он отбыл наказание
„5 мая“ 1941 г. и указанная судимость, вместе со всеми связан-
ными с ней ограничениями, с него снята по постановлению Особого совещания при
Министре Внутренних Дел Союза ССР от „27 июня“ 1946 г.

Спецотдела МВД СССР
№ 58-ий отделения
С.Г.

Когда мы, мама и я, получив, наконец, пропуск на выезд и въезд в Москву, приехали в Мичуринск, то первое, что меня потрясло, был кипящий самовар, в котором по всей его окружности варились яйца, а на столе стоял огромный сладкий (на сахаре, а не на сахарине) бисквитный пирог, не говоря о твороге, ветчине... С ума сойти! Мы не голодали, но есть хотелось всегда: на иждивенческую карточку (мою) триста граммов хлеба, на служащую (мамы) – четыреста, но она почти сразу после начала войны стала донором, и в те месяцы, когда сдавала кровь, получала рабочую карточку – пятьсот граммов. Еще у нас было некоторое подспорье из Мичуринска: когда удавалось туда съездить, привозили постное масло, купленное на деньги от продажи спичек. В Москве кооператоры стали делать спички не в коробках, а пачечки с обламывающимися спичечками (такие много позже я увидела более аккуратно сделанные фирменные, в дорогих гостиницах и ресторанах в Европе). Они были недороги, мама их покупала и продавала по три рубля на базаре в Мичуринске. Торговкой дочка капиталиста была той еще: однажды был очень большой спрос, и вокруг нее образовалась толпа покупателей. Кто-то крикнул: «Дай за пять, возьму все», на что она без паузы отвечала: «Дороже трех не отдам!»

Недавно кто-то меня спросил: «Вот ты много где была, на разных континентах и в разных странах, какое самое большое удовольствие от еды у тебя было в жизни?» Я вспомнила жареных голубей в Каире, суши в Токио, устриц в Париже, сардины в Лиссабоне, всю грузинскую еду и много чего еще и поняла – самый большой восторг от еды у меня был в сорок третьем году, когда мама, приехав из Мичуринска, привезла постное масло, сварила мороженой картошки, поставила ее и это масло и сказала: «Ешь сколько хочешь!..»

Глава 5

Ближайший друг

Константин Иосифович Масс. – Юрий Георгиевич Ломов-Оппок. – Шуня в Спортпромысле.

О Константине Иосифовиче я, конечно же, должна рассказать. Он был близким, настоящим другом моих родителей. Опять возникает досада – никогда не пришло в голову спросить: когда и как познакомились. Думаю, благодаря спорту. Сам Костя Масс, «Масик», так его звали «вся Москва», сильным спортсменом не был. Увлеченно играл только в теннис, участвовал в дачных соревнованиях, но без больших достижений. Толстый, грузный, но веселый и подвижный, был обожает всеми. Являлся фактически председателем Федерации тенниса страны.

Константин Осипович Масс

Константин Иосифович (чаще писали Осипович) был женат на Верочке, Вере Анатольевне. Но все, и дети, звали ее Верочка. Она была не просто любима, но обожаема Масиком. Все считали это справедливым: красавица, в молодости снималась в немом кино, обаятельная,

расположенная к людям. Редкостно гостеприимный Костя лучше всех играл в преферанс. Игра в доме происходила регулярно. Верочка всех поила, кормила, радовалась всем.

«Человек необыкновенной доброты, с неиссякаемым чувством юмора и большим гражданским мужеством»³. Это я повторяю слова Юрия Георгиевича Ломова-Оппокова.

Ю. Г. Ломов-Оппоков больше других имеет право судить о К. И. Массе, так как знает его с раннего детства. Отец Юры – видный революционер и государственный деятель – был другом семьи Масс. Когда в 1938 году его расстреляли, Константин Иосифович принял самое деятельное участие в устройстве опеки над Юрой. Он хотел взять его сам, но отдавали только родственникам. Эти хлопоты были в те времена смелым, трудным, даже опасным актом. И до конца своих дней Масс не оставлял заботой Юру и его старшую сестру Нину, хлебнувшую вместе с их мамой после расстрела отца лагерей. У Константина Иосифовича и Верочки своих детей не было, и, конечно, Ломовы-дети их заменили.

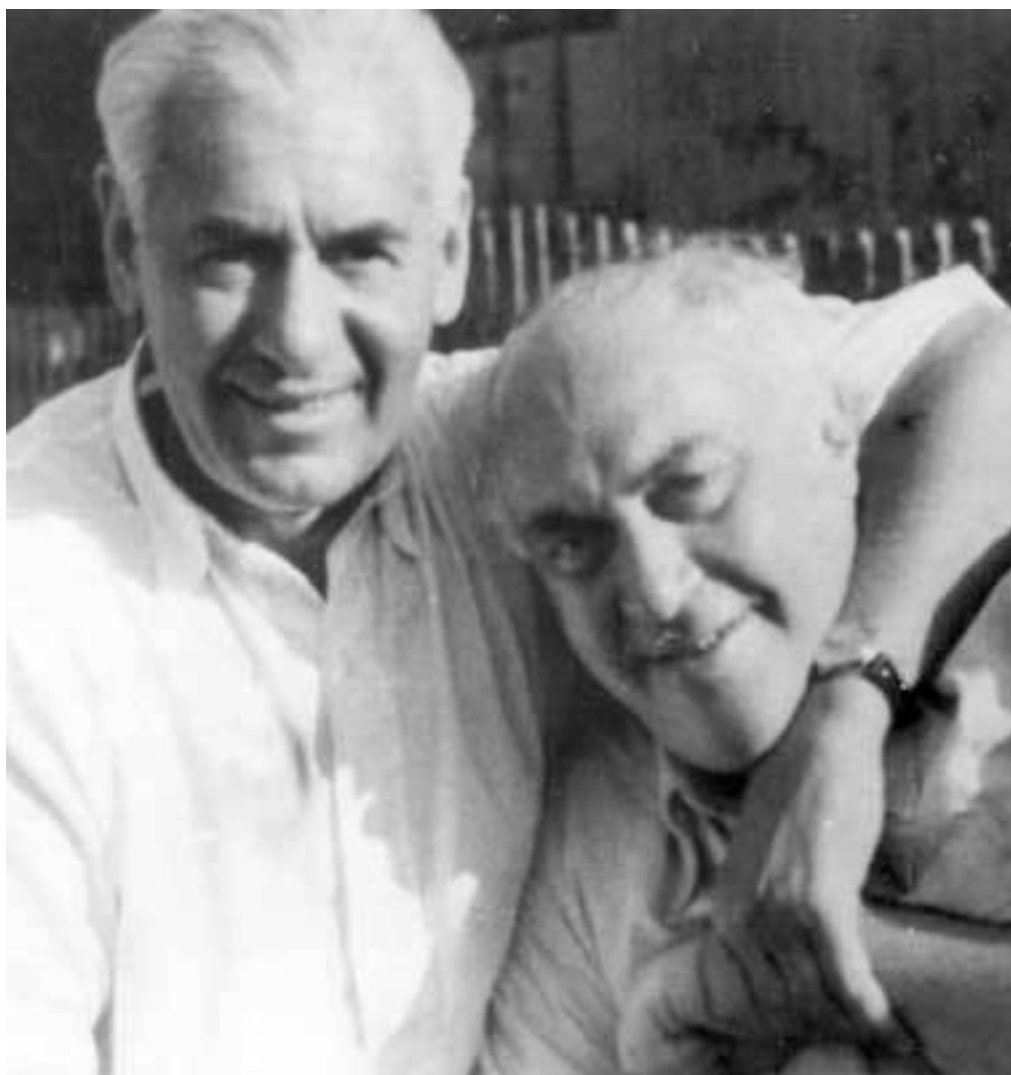
Юра прошел фронт, стал доктором, крупным хирургом-стоматологом. Конечно же, увлеченный теннисист. Дружим всю жизнь. Не раз и я, и Зиновий Ефимович бывали его пациентами... С годами общаться сложнее – стареем, но помним и любим друг друга...

Работал Масс начальником управления Спортпромнаба. Это было главное учреждение по материальному обеспечению всех спортивных зрелищ. Особенно спортивных парадов, которые регулярно проводились в дни государственных праздников на Красной площади.

Почему сказала: настоящим другом? Потому что во вполне неблагоприятных обстоятельствах оставался верным.

---

³ Ю. Г. Ломов-Оппоков. Незаменимые. – М.: Литературная Россия, 2013.

А. В. Правдин и К. О. Масс

Шуня

Регулярно помогал Шуне деньгами на посылки ссыльному папе и на поездки на свидания с ним. В конце войны взял ее на работу – при отсутствии каких бы то ни было «аттестатов», дипломов – в качестве товароведа в свой Спортпромснаб. Видел ее абсолютную порядочность, безукоризненную грамотность и умение быстро понимать суть дела. Она работала очень увлеченно и результативно. Даже не раз получала грамоты за успешную деятельность. Конечно, этому способствовало то, что сама была спортсменкой. Понимала смысл соревнований во всех видах спорта, поэтому и работала с душой. Именно Костя Масс и был тем начальником, который рассказал маме о приходе кагэбэшников, когда я собралась выходить замуж за сына их коллеги... Об этом я еще расскажу.

Глава 6

Немцы под Москвой

Сегодня 16 октября 2015 года... – Москва в 1941-м. – Поход в булочную. – Подполье. – Восьмой класс. – Ира Горелик. – Букинистический на Лубянке.

Воспоминания, конечно, это особая часть нашей жизни. Иногда очень приятные, о каких-то радостных моментах, иногда – иначе. Я уже скоро двадцать лет живу одна. И, естественно, область воспоминаний увеличивается.

Вот и сегодня не могу целый день выкинуть из головы 16 октября 1941 года... Всего пятый месяц с начала войны. Вернулись из Завидова в Москву, папа обустроивается в Мичуринске, мама работает в канцелярии какого-то геологоразведочного управления.

Школы не работают. Поэтому я, самая свободная, топлю печку, стою в очередях за отовариванием карточек, даже что-то самое простое (каши) варю. Это потому, что с начала войны наша Нюша, как я уже говорила, должна была вернуться в деревню.

Так вот. 16 октября утром звонит мама (телефон еще работает, снимут позже у всех, кроме высокого начальства). И говорит, что скоро придет домой и чтобы я далеко не уходила. Потом она объяснит: ее управление уезжает в эвакуацию, мы с ними не поедem, потому что денег нет, не говоря о каких-либо драгоценностях (все немного, что было от шустовского дома, ушло на поездки к папе в лагерь, обучение меня немецкому языку и просто на элементарно сносную жизнь). Папа в Мичуринске, можно хоть съездить. А здесь у нас крыша над головой. Как всегда – права и мудра!

У меня сегодня одна забота – купить хлеб. Выхожу, на улице дивная погода, тепло, даже солнечно, как и сегодня, через 74 года. Поэтому решаю пойти во «вкусную» булочную. Это рядом со станцией метро «Кировская», там своя пекарня, и поэтому очередь идет быстро – хлеб подают постоянно, не надо ждать привоза. Но при выходе со двора я застываю... В нашей переулке не очень давно построен высокий дом, и в нем располагается ЦСУ (Центральное статистическое управление). И над ним, и по всей округе, сколько хватает глаз, в ясном небе, как огромные черные вороны, летает жженая черная бумага. Все-таки иду – хлеб-то нужен.

По дороге вижу очень много людей, везущих коляски, самодельные тачки, с рюкзаками с вещами,двигающихся к площади трех вокзалов. Над всем этим такая же черная жуть.

Отоварив хлеб, решаю вернуться домой не по бульвару, а через Кировскую улицу (теперь и раньше Мясницкую), чтобы зайти в магазин – «обожаемое Чаеуправление». Этот дом, стоящий напротив Главного почтамта, построен был еще до революций купцом Перловым в «китайском стиле». Его так и называли Перловский, как гастроном номер один – Елисейевский. В нем всегда очень вкусно пахло, потому что там продавали восточные сладости, чай и кофе в зернах, который для желающих там и мололи в огромной машине. Поэтому даже если и ничего не покупать, то просто подышать этими запахами!

Но... вхожу, народу мало, продают песочный пирог с вареньем. Чтобы купить хоть двести граммов, надо отдать карточку на сто (!) граммов сахара. И вдруг говорят, что продают без карточек! На все имеющиеся у меня деньги покупаю этот пирог. И продолжаю, естественно, его жуя, в дивном настроении идти по Кировской. Тогда на углу Кировской и Комсомольского переулка был «Детский мир». Зашла и увидела: за одним из прилавков стоял продавец, немолодой мужчина, и торговал валенками. Отрывал «промтоварные единички» (карточки) и получал деньги. Меня это, несмотря на немыслимую дефицитность товара, не взволновало, потому что у нас с мамой были дивные, деревенские, ручной валки валенки, присланные няней Дуней и Нюшей. И вдруг продавец начал выкидывать валенки из-под прилавка прямо стоящим в

очереди людям. Крикнул: «Чего там, берите так!..» Конечно, началась свалка, а я выскочила в ужасе из магазина...

Пирог с вареньем без карточек, валенки задаром и летающая над городом жженная бумага мое настроение резко изменили. Побежала домой. Мама еще раз объяснила, почему мы не эвакуируемся, а про жженую бумагу сказала: «Жгут документы».

То, что немцы, подойдя к Химкам (десять километров от Москвы), в нее не вошли, отношу к счастливейшему для себя и для всех россиян чуду. Наверное, у них была плохая разведка и степени оголенности города они не знали. Слава богу, наши опомнились, были переброшены сибиряки, и немцев отогнали.

А в октябре НКВД готовил подполье. У нас появился упомянутый мной выше Виктор Шнейдеров, привел людей, которые стали в нашем подвале поднимать доски пола и рыть подполье. Туда потом привезли и положили жестяные, размером с небольшой чемодан, коробки. Чем они были наполнены, не знаю до сих пор – через полгода их вывезли. Была ли это взрывчатка, или мука – значение имело только то, что это против немцев. Так объяснила мне мама, сказав, что, если надо, «в подполье можно будет прятать евреев». Глубинные россияне, капиталисты, воспитали настоящую интеллигентку, не думающую об обиде на советскую власть, а только, простите за пафос, о России. Ее квартиру и выбрали для подполья, взяв на вооружение фамилию: Шустова, дочка капиталиста, естественно, в глазах немцев, обижена на советскую власть и патриоткой быть не может...

Мама устроилась на работу в контору какой-то промкооперации, а я проводила время в очередях, «отоваривая» карточки, топила печку, возила на трамвае поленья дров в рюкзаке на Малую Бронную тете Жене и бабушке, у которых батареи отопления лопнули и стояла железная буржуйка, выведенная трубой в форточку. Школы все еще не работали, но в конце февраля сорок второго года открылись консультационные пункты для школьников седьмых и десятых классов (выпускников неполной средней и средней школ), я как раз должна была быть в седьмом. Обучение шло вполне толково: в месяц проходили путем консультаций три предмета, сдавали экзамены и переходили к следующим трем. А в середине сентября открылись школы, и я начала свой восьмой класс.

Ира Горелик. 1945

В этом классе я встретила с двумя людьми, ставшими моими друзьями на всю жизнь, хотя проучились вместе мы всего полгода: в январе сорок третьего после зимних каникул по повелению Сталина школы были разделены на женские и мужские. Ира Горелик, моя главная подруга, оказалась в другой школе – делили еще и по изучаемым иностранным языкам (у нее был французский, а у меня немецкий). Это не помешало нам не только в школьные годы, но и всю жизнь не расставаться.

Самая долгая разлука была, когда я уехала на три месяца с Зямой (его театром) на гастроли в Японию. Мы жили с Ирккой совместно, совсем-совсем открыто, не скрывали друг от друга ничего, за всю жизнь ни разу не поссорились! В восемнадцать лет она вышла замуж за небесного Илюшу, что никак не помешало нашей дружбе, просто мне прибавило близкого человека.

Девочками (мне четырнадцать, ей пятнадцать, тогда мы были более детскими, чем сегодняшние девочки) обе страдали от отсутствия сладкого и, когда бывали деньги, покупали в гомеопатической аптеке лекарства – маленькие, размером с крупу, сахарные шарики. Большим их прописывали по пять-восемь штук на прием, а мы опрокидывали в рот целую коробочку, штук пятьдесят. А потом стали продавать мороженое на сахарине, жуть полная, но пачка большая, стоила двадцать рублей.

Денег не было, но соображали... Пошли к Ирке домой, они с мамой (папа незадолго до этого ушел из жизни) там не жили, так как отопление лопнуло, батареи являли собой глыбы льда, поэтому до лета жили у родственников. Пустыня жуткая, но книги в шкафу стоят – берем, как сейчас помню, книгу, которую тогда еще не читали: «Опасные связи» Шодерло де Лакло. Сдаем в букинистический на Лубянке (недалеко от Политехнического музея, теперь этих домов нет, стоит Соловецкий камень). Недели через две получаем деньги и жрем мороженое, подтверждая слова Черчилля о том, что народ, который в тридцатиградусный мороз ест мороженое, победить нельзя.

Деньги кончаются, идем ко мне. Во все времена папиного лагеря Шуны, естественно, продавала все, что было стоящего из бывшего барского дома: столовое серебро, остатки украшений и тому подобное, но не дотронулась ни до одной книги, а их была целая, очень серьезная библиотека. Помню кожаные корешки... Очень много Пушкина, в том числе однотомник, изданный к столетию гибели, за которым я, тогда девятилетняя, выстояла длинную очередь. И отдельно изданная «Пиковая дама» с иллюстрациями, почему-то прикрытыми папиросной бумагой. Решаем, что «Пиковая дама» есть во всех сборниках, и несем продавать. Дают огромные, по нашим понятиям, деньги, и притом сразу. Мучимая непривычным для себя поступком, через некоторое время отдаю маме остатки денег и признаюсь в содеянном. «Какая же ты дуреха, сказала бы, я бы какую-нибудь дала, а это... таких книг всего десять штук – и во всех написанные от руки иллюстрации...» – сказала мама.

Но она была невероятная женщина: в пятьдесят пятом году в наших «палатах Шуйского» делали капитальный ремонт с временным выездом жильцов и вывозом всех вещей. Мы все вывезли (папа уже вернулся, был в почете в своем «Спартаке», и нам дали помещение около спортивного зала), но книг было столько, что пришлось их упаковать в огромные железные сундуки (кто-то дал), запереть и оставить. Однажды мы с мамой пришли посмотреть, скоро ли мы сможем вернуться. Войдя, увидели, что все эти сундуки разрезаны автогеном, и ни одной книжки, ни одного альбома с фотографиями – нет. После короткой паузы тихим, но без тени слез голосом Шуны сказала: «Хорошо хоть “Пиковую даму” продала...»

Бывают профессии: учитель – учительница, уборщик – уборщица, портной – портниха, и т. п.; но архитектор, дизайнер, доктор, врач – женского рода не имеют: докторша, врачиха – это жена доктора, врача. Думаю, что и слово «друг» должно употребляться таким же образом. По-моему, в слове «подруга» дружбы меньше... Ирка и я были друзьями, душевно зависели друг от друга, не расставались пятьдесят семь лет.

И когда в 1999 году она уехала в Штаты к сыну – было истинное горе... Ее не стало через пять лет, хоронили в могилу мужа Илюши привезенную урну... Продолжаю ее любить, скучаю по ней, дружу с ее детьми – Витей и Машей, тоже уже дедушкой и бабушкой, испытывая их передряги (хоть это и бессмысленно), как свои. Они – мое наследство от Ирки...

Глава 7

Сталинград наш!

Юра Крутиков. – Наш класс. – Дочка врага народа. – Экзамены в ВУЗ. – Жизнь в военной Москве.

Второй мой друг из школы, Юра Крутиков, умный, редкостно способный и творческий, был, конечно, со странностью: когда повзрослели, стало ясно, что просто он иной ориентации. В школе он был в меня влюблен – писал стихи, стремился быть рядом и одновременно писал любовные стихи и Вове Демьянову, истинно в меня влюбленному на протяжении многих лет. Мне было пятнадцать, им – шестнадцать. Смотря на сегодняшних детей, понимаю, насколько они быстрее взрослеют. Я была наивна до крайности, но, слава богу, открыта и все рассказывала бабушке (папиной маме), с которой очень дружила. Я, естественно, знала, как возникают дети, но о гомосексуализме понятия не имела. Бабушка очень деликатно объяснила, что бывает такое странное явление и очень часто это бывает природным – как цвет кожи, волос и прочее. Я удивилась, но особого впечатления на меня это не произвело, так как, имея довольно много поклонников, ни в кого не влюблялась, даже накоротко – была весела и свободна до двадцати двух лет, когда влюбилась так, что не дай бог... Расскажу потом.

* * *

Война... Бомбежки, люди по тревоге шли в бомбоубежища и станции метро. Но, твердо веря в судьбу, Шуня мне не позволяла никуда ходить, так как наш подвал в доме XVII века с трехметровой толщиной стен и сводами был тоже вроде убежища, а если вдруг... то хотя бы паники не было. Я очень огорчилась, так как в бомбоубежище в соседнем доме собирался весь двор, с кем до этого играли в лапту и прятки, и было весело, но слушалась и там ни разу не была. И где бы ни находилась, шла домой.

Осенью сорок второго открылись школы, в каждом районе их было немного, в начале следующего года разделились на женские и мужские, но общаться продолжали. Тогда же Сталин ввел погоны в армии (до этого, кто не знает, были петлицы), начал приглядываться к церкви и использовать ее, в школы стали внедрять «куртуазность». Мы из своей женской ходили учиться бальным танцам (падеспань, мазурка – сорок третий год!) в мужскую школу.

Ира Горелик, Таня Правдина, Юра Крутиков – друзья до конца дней

«Женский» класс в те времена был непривычен: не надо было кого-нибудь стесняться. Ходили в юбках, брюк еще не было. Зимой сидели в рейтузах, а весной, не задумываясь, задирали подола, подтягивая чулки на резинках (колготок тоже еще не было).

У некоторых возникали романы, тогда им собирали что-нибудь надеть для похода на свидание. Раза три в месяц ходили на разгрузку леса на Котельническую набережную (высотки еще не было). Бревна с баржи грузили на машину, и их везли в школу для печки в столовой, а мы тоже возвращались туда же, потому что нам давали «завтрак»: пончики с повидлом, забываемые!

Я была веселая, спортивная, дружила с половиной класса и была на «высокой» общественной должности: председатель Учкома (ученический комитет). Но... начался прием в члены ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи). О том, что можно не вступать, и в голову прийти не могло: заре навстречу! И вдруг меня, жутко любимую общественницу, не принимают!.. Дочка врага народа... Считаю, что в этом был даже плюс: шоково, но глубоко и на всю жизнь просветило мозги. Думаю, даже до цинизма.

Так, когда я окончила школу и решила поступать в Московский институт востоковедения, выяснилось, что туда принимают только членов партии и комсомола, то я спокойно и с радостью приняла предложение стать членом ВЛКСМ совершенно иным способом. Мать моей школьной подруги была очень опытным акушером-гинекологом и, на мое счастье, незадолго до этого делала аборт инструктору (или – ше?) райкома комсомола, которая несложным приемом «записала» меня в комсомол. Это членство дало право подать документы для поступления в институт.

Вообще, несмотря на огромный конкурс и дополнительные препоны (преимущественный прием мужчин и прием пришедших из армии с минимальными оценками), мне со сдачей экзаменов повезло. Первым, поскольку ВУЗ был языковой, был иностранный язык. Я, выученная дома, довольно свободно говорила по-немецки. Для принимавшей экзамен

преподавательницы, судя по всему, это было сложнее, и она с ходу поставила мне пятерку.

Дальше – сочинение. Готовясь к школьному выпускному сочинению, я написала на длинненьких шпаргалках подробнейший, выверенный, с цитатами опус на придуманную мной тему: «Горький-гуманист». Писала же выпускное на «свободную тему»: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы». Первая тема, написанная мелом на доске на экзамене в институте: «Горький-гуманист». Шпаргалки были со мной – соответственно вторая пятерка. А третий – история – уже вышел как-то сам собой. Казалось бы, максимум баллов, но... собеседование на мандатной комиссии. Спрашивали главным образом, по каким статьям мой папа отсидел десять лет. В результате – нет мест на отделении, на которое я подавала, – арабском. Выбрала его потому, что, решив сделать специальностью восточный язык, узнала: на нем говорит шестнадцать стран в мире. На следующий день приехала забирать документы, чтобы быстро подать их в МГУ на химический факультет – экзамены туда были позже, конкурс небольшой, а я единственное, что в школе знала прилично, кроме языка и литературы, так это химию – благодаря учительнице от бога Наталье Георгиевне Гололобовой. И вдруг – вы приняты! Оказалось, что членом этой мандатной комиссии был декан арабского отделения профессор Баранов Харлампий Карпович. После окончания заседания этой комиссии он сказал: «эту девочку я беру». Он был очень весомой фигурой в институте, и перечить ему не стали. А я еще думала, что Бога нет!

Немцев от Москвы отогнали, воздушные тревоги стали реже, но еще не прекратились. В городе работали два театра – оперетты и филиал Большого. Мы ходили туда чуть не два раза в неделю, стоило недорого, и билеты легко было купить – народа в Москве в эти годы было значительно меньше. Иногда представления прерывались: «Граждане, воздушная тревога!» Можно было пойти в метро, а можно и остаться в театре. Покупали билеты чаще всего в ложи бенуар и в такие минуты составляли стулья и ложились при приглушенном освещении спать. «Отбой!» – и спектакль продолжался.

Жили, конечно, трудно, но весело. Телефонов не было (сняли практически у всех). Поэтому собирались, приходили мальчишки, танцевали под патефон. С течением времени стало как-то легче: победили под Сталинградом, наши, наконец, пошли в наступление. В честь взятия городов были салюты – бегали смотреть. Стали понемногу возвращаться уехавшие в эвакуацию.

Глава 8

Победа! Строгий выговор

Брось портфель! – Красная площадь. – Парад Победы. – Институт востоковедения. – Подстава. – Учеба в Ростокинском проезде. – Агитатор на выборах.

И, наконец, сорок пятый год! Девятое мая! Победа! И мой день рождения – семнадцать! Равным по размеру счастья был только день, когда я родила свою Катю. По иронии судьбы он пришелся на 22 июня – день начала войны. На мои возмущения по этому поводу замечательная старшая акушерка смеялась, говорила: «Потерпи».

Мама должна была 9 мая возвратиться от папы из Мичуринска, а три дня, что ее не было, у меня ночевала школьная подруга Оля Степанова. Радио у нас не работало, и мы с Ольгой выдвинулись в школу. Когда мы подошли к низу Колпачного переулка, спускавшегося от Маросейки, в середине которого и была наша 329-я школа, то нам навстречу, с горки, со всех ног неслась моя Ира. Она бежала и кричала только одно: «Брось портфель! Брось портфель!»

Ничего не понимая, я подчинилась, бросила, и тут налетела Ирка, которая, услышав о Победе, в свою школу не пошла, а побежала ко мне. Так я узнала о Победе...

Мама приехала, привезла еды, которую тут же и съели за праздничным столом! С тех пор 9 мая два праздника – до конца моих дней.

Всей большой компанией – девочки из класса, наши мальчики и часть взрослых – пошли на Красную площадь. Площадь была заполнена людьми так плотно, как в автобусе или трамвае. В результате у меня свалилась туфля, потерялась, и я, чтобы не хромать, сняла вторую и шла в чулках. Ведь если ты в счастье – не простудишься!

Вот уж когда было действительно всенародное единство, счастливые лица людей, радующихся друг другу!

* * *

Парад Победы (когда к мавзолею бросали немецкие знамена) и демонстрация после него происходили 24 июня. Мы, женская школа, тоже шли, очень веселясь, в этой демонстрации. Пошел дождь, мы были в это время у Ильинских ворот, рядом с Политехническим музеем. Казалось бы, великий момент, а вспоминаются дурацкие мелочи: все были одеты по-летнему, зонтиков не было. Дождь был сильный, все промокли, но хохотали до упаду: на одной из наших девочек было «трофейное» немецкое платье из синтетики, которой мы еще не знали, и вдруг, намокая, оно стало съеживаться, уменьшаясь в размерах. Так что бедная Галя оказалась в мини-перемини, а это тогда было совсем невозможно. Укрывали ее, обвязывая шарфиками и кофточками. Так и провели по Красной площади!

Оканчивающих школу в сорок пятом было немного, и для всех нас в Колонном зале был устроен концерт. Там я в первый раз среди артистов увидела Гердта. Он выступал с пародиями, очень понравился. Но если бы кто-нибудь тогда сказал мне, что через пятнадцать лет этот человек станет для меня самым-самым близким на долгие годы – как бы я смеялась!

Кончаем школу, поступаем в институты. Совершаю судьбоносную ошибку – не следуя зову подруги Лели Цитрин, уговаривавшей меня поступать вместе с ней в медицинский, а иду в Востоковедение на свой арабский. Ира поступает в Московский университет на юридический. Общий наш друг Юра Крутиков – в Военный институт иностранных языков, на английский.

Учеба в комсомольско-партийном ВУЗе была совсем непростой, главным образом из-за состава группы. Её составляли мужчины, пришедшие с войны, их было человек шесть, еще двое мальчиков после школы, один москвич, а второй – худенький-худенький мусульманский татарчик из Казани. И четыре девочки – я, моя одноклассница и две чуть постарше нас.

Не называю имени своей подруги, которая из-за меня пошла на арабский, потому что мы учились в одном классе, очень близко дружили, и в институте, и позже во взрослой жизни, и вдруг в очень тяжелую для меня минуту она *намеренно* сделала подлость.

Она была очень сильной в нашей профессии, и поэтому я ей полностью доверилась. А именно: тогда я делала «левую» работу, для заработка, – переводила с арабского для Международного отдела ЦК большую статью.

И тут случилась катастрофа с дочерью (расскажу позже), я, естественно, была при ней. Позвонила в ЦК и сказала, что работу сделать не смогу. Мне ответили, чтобы я отдала перевод кому угодно, за чью работу распишусь. Вот я и попросила свою подругу. Накануне дня сдачи работы, после больницы, я заехала к ней и взяла перевод. Дома просмотрела его и, наверное, опять же только в силу молодости, меня не разбил инфаркт – в середине текст был перевернут, причем специально! Я просидела всю ночь, его поправляя... Когда получила за него деньги, по почте перевела ей. Она все поняла – никаким образом не возникла. С тех пор мы расстались. Я отходила очень долго...

Наш Институт востоковедения находился, по тогдашним понятиям, почти на окраине, в здании бывшего ИФЛИ – замечательного Института философии, литературы и истории, который незадолго до этого закрыли по «идеологическим» причинам. Из него вышли замечательные погибшие «военные» поэты Павел Коган, Николай Майоров, Сева Багрицкий и наш друг Дезик (Давид) Самойлов, с которым мы не раз вспоминали аудитории нашей альма-матер.

Мне, жившей в центре Москвы в переулке на бульварном кольце, надо было доехать на трамвае до станции метро три остановки, потом на метро до станции «Сокольники», а оттуда шесть остановок опять на трамвае до Ростокинского проезда и пройти минут десять до института. Все это занимало – если и торопиться, по эскалатору бежать, а не ехать стоя, и уходящие трамваи догонять – не меньше полутора часов. Поэтому прогулы утренних общепотоковых лекций (по политэкономии, марксизму-ленинизму, истории и т. п.) были частыми. Староста группы, раскосый татарин Малюта Гатауллин, с удовольствием эти прогулы отмечал и сдавал в деканат. Туда вызывали, объявляли выговоры, но не отчисляли – хорошо училась по языкам.

Через несколько лет по окончании института Малюта (которого, естественно, мы звали Скуратовым) пришел ко мне домой, звать меня поступать в аспирантуру, каялся за то, что в институте гнобил, и говорил: «Я тогда темный был». Даже реферат, нужный для поступления, предлагал за меня написать...

В аспирантуру я не пошла и всю жизнь занималась только практикой – переводила в обе стороны, редактировала переводы, преподавала язык, работала и устным переводчиком. Удивительно, но с разговорным языком было сложнее всего: носителей языка в Москве, да и в стране, практически не было. Поэтому языковая устная практика была с редкими делегациями, которые вполне радостно принимали нашу литературную речь. Языки, арабский и английский, конечно, были основой, которая держала. Но помимо прогулов жизнь вполне была осложнена общественной работой. Мы ведь комсомольцы. Выборы – мы все агитаторы.

Институт востоковедения, III курс, арабский сектор. Таня Правдина – четвертая справа

Наш институт располагался в самом конце Сокольнического парка. Там, в двух трамвайных остановках от нашего Ростокинского проезда, была фабрика «Богатырь» (что делала, не помню). И небольшое, в виде бараков, рабочее поселение. В одном из бараков мой участок. Хожу, знакомлюсь, что-то рассказываю, прошу прийти отметить и на выборы. Еще прошу прийти к началу выборов – в шесть часов утра! Такая установка. Один пожилой рабочий говорит, что у него в этот день смена кончается в пять утра. «Посплю часок и в полвосьмого приду, не бойся, не подведу!» Понимает, что должна быть стопроцентная явка. Человек какой-то трогательный, настаивать не могу...

Ночую в институте, в половине шестого – на участке. Все пришли, очередь. Нет только моего дяденьки. Председатель агитбригады – секретарь комитета комсомола, студент моего же арабского отделения Игорь Беляев говорит: «Иди, буди». Объясняю, что не могу этого сделать, человек сам через час придёт, я уверена. «Иди, иначе пожалеешь!» – говорит мне «начальник». Я не иду, дяденька приходит, я спокойна. И напрасно!

Через неделю после выборов на общеинститутском комсомольском собрании – отчет об участии в избирательной кампании и проведении выборов. Следующий вопрос – персональное дело – «поведение агитатора Правдиной». Краткое изложение и предложение исключить из рядов ВЛКСМ. Осуществление этого влечет за собой обязательное исключение из института! Сажу ни жива ни мертва. Меня в институте знают и Ближневосточный, и Дальневосточный факультеты, потому что играю хорошим номером в институтской сборной волейбольной команде. Спорт – великое дело! Встают несколько человек и предлагают заменить исключение на «строгий выговор с занесением в личное дело». Голосуют: проходит, практически единогласно, выговор. Не патологично ли – все поздравляют! По дороге до трамвая слезы каплют...

Механически я выбыла из комсомола через семь лет по возрасту (исполнилось двадцать восемь) с так и не снятым выговором. Виновнику моих слез после того собрания Игорю Беляеву руки не подавала, хотя встречаться приходилось. Он после окончания института вместе с Примаковым, с которым я была довольно близко дружна, работал корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке.

Глава 9

Уже работа

Переводческий факультет. – Диплом. – Разговор на Лубянке. – Работа в издательстве. – Преподавание в институте. – Десяти томник В. И. Ленина. – «Осторожно – сионизм!» – Интереснее, но еще труднее.

После пятого курса часть студентов, у кого хорошо с языками, оставили продолжать учебу на шестом курсе – организовали переводческий факультет. Попадаю. Группа маленькая, шесть человек: моя подруга, я, наш мусульманчик, еще двое и Валид Атамали, ставший моим, а после и Зямыным другом до конца своих дней. Его жена Неля, замечательный врач-гинеколог-хирург, и сегодня для меня очень близкий человек. Нуждаемся друг в друге.

* * *

На шестом курсе проходим месячную практику: я в Совинформбюро, Валид в издательстве. Оканчиваем институт, кроме гос экзаменов – диплом.

Недавно нашла его черновик: перевод на арабский язык статьи И. Сталина «Перспективы Китайской революции». Жутко вспомнить!

Никакого распределения на работу нет, ищите сами. Особого спроса на арабистов нет. Приглашают на Лубянку. Я в панике, в КГБ работать не могу и не буду! Что говорить, как отказываться?

ي ستالين

عن مستقبل الثورة في الصين

الخطاب في اللجنة الصينية لري كاي في ٣٠ نوفمبر ١٩٦٦

ايها الرفاق!

قبل ان انتقل الى الموضوع اري من الواجب
على ان افعل منه ليس لمواد الملاحظة بالمسألة
الصينية اللازمة لوصف الثورة الصينية وصفاتنا
وانني لا اضطر بذلك ان اقتصر فقط ببعض
الملاحظات العامة ذات صفة مبدئية التي لها اتصال
مباشر بمسألة اتجاه الثورة الصينية المبدئية
ويوجد من عندي اوضاع يتروك
والاوضاع ميوق وبياناتين بينسان و ملائقات
رافين بالمسألة الصينية. و اظن ان كل هذه الوثائق
بالرغم من فضائلها نافضة في لثة لم تيسر فيهم بصفة
الاساسية
الاشياء الى هذه النواحي
و اظن ان
مبداً من اللازم قبل كل شئ يجب ان يتعمق بهذه التفاصيل
وبذلك ستكون الملاحظات في الوقت نفسه صفة انتقادية

Черновик дипломной работы

Мама, наивная, но гениальная, говорит: «Во-первых, прикинься дурочкой и скажи, что совсем не умеешь держать тайну, маме рассказываешь все-все, да и не только ей...» Сажу в кабинете на Лубянке напротив дяденьки в штатском. Перед ним папка, он в нее заглядывает, и я понимаю, что в ней абсолютно все про меня. Следую маминому совету, он подписывает мне пропуск и со словами: «Если надумаете, позвоните», отпускает!

* * *

Подруге находят блат и устраивают на иновещание на радио. Валида берет в ВОКС (Все-союзное общество культурных связей), а он рекомендует меня в Издательстве литературы на иностранных языках, где проходил практику. Там была арабская секция в иранской редакции. Работы настоящей не было, издавали от силы две книжки в год – классиков марксизма-ленинизма. Моя дипломная работа и оказалась Валидовой рекомендацией: «Вот я вам не гожусь, а вот моя коллега...» Взяли на самую низкую должность – помощник редактора, оклад соответствующий – шестьсот тридцать рублей. Однако оказалось, что работа была никакая до такой степени, что можно и язык забыть! Но радость – мне звонят из института: наш декан и профессор Баранов рекомендует взять меня преподавателем. В издательстве дают разрешение на совместительство, и я начинаю преподавать на третьем курсе. Самое трудное – преподавать на первом, когда не знают ничего. Моя же трудность была в том, что мои студенты меньше года назад были моими младшими, но однокашниками.

Я иногда оговаривалась: например «Тима» вместо Тимошенко, но он вместе со мной играл в волейбол (в мужской, естественно, команде) за институт. Все, вместе со мной, хохочем.

Через два года это кончилось – наш институт закрыли, влив его в МГИМО (Институт международных отношений) и сократив численность студентов и преподавателей.

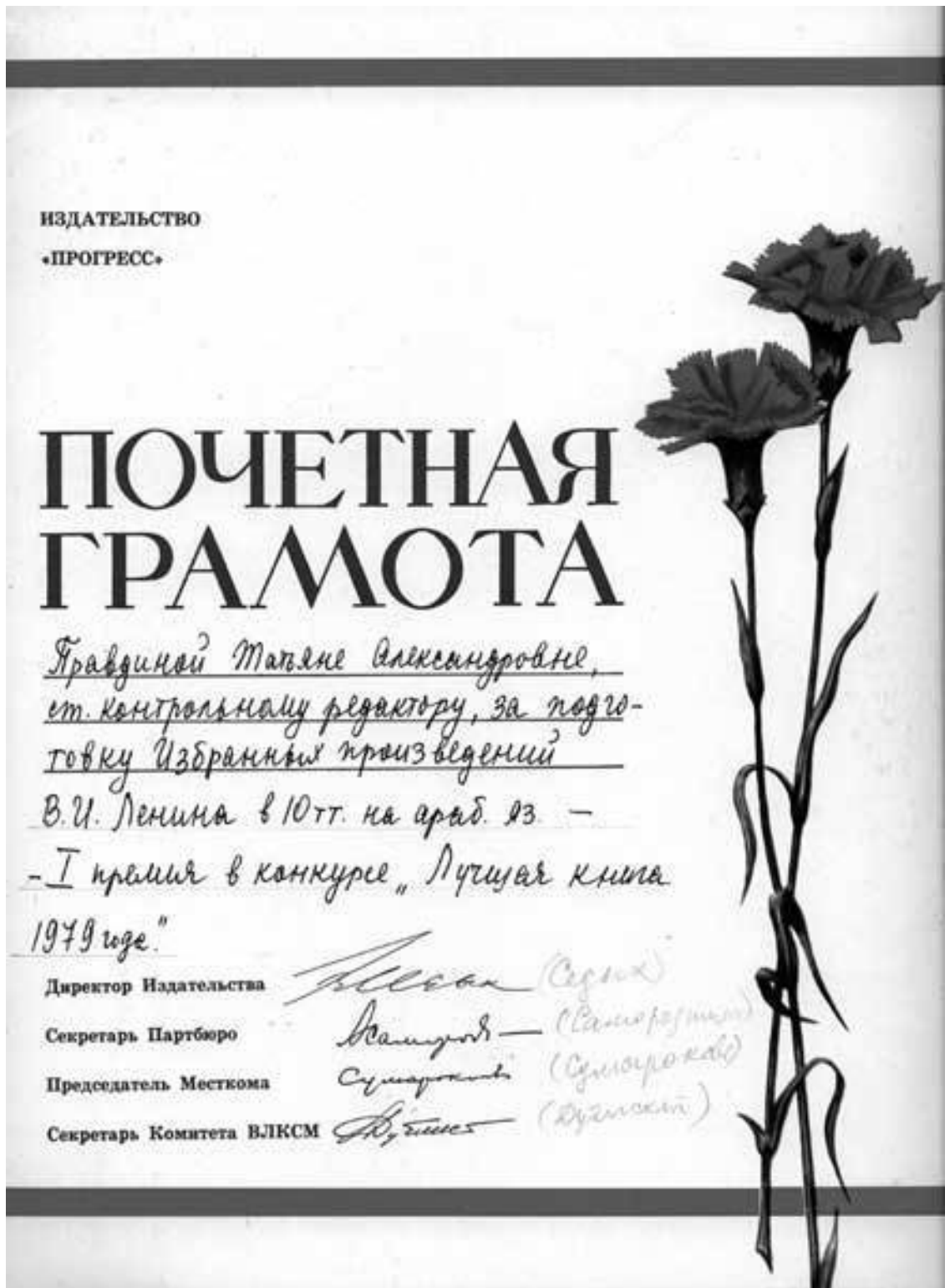
* * *

Так я и провела всю свою рабочую жизнь (с перерывом в три года, когда уходила преподавать на курсах иностранных языков Министерства внешней торговли) в этом издательстве. Издательство литературы на иностранных языках стало называться «Прогресс», направленность была в основном: классики марксизма-ленинизма, публицистика, пропаганда. Имею грамоту за «лучшую книгу года» – 10-томник В. И. Ленина на арабском языке.

Шикарная жизнь, ведь правда? Человеческая память устроена в какой-то мере правильно: сначала забывается все ненужное, остальное все-таки позже. Сегодня процитировать Ленина, кроме, конечно: «Учиться, учиться, учиться», могу только: «Лотерея – это обман народа!»

Тем не менее, когда переводишь, в текст вгрызаешься и в мозгу царапины остаются... Конечно, Владимир Ильич являл собой считающееся невозможным сочетание «гения и злодейства». Излагал свои убеждения очень логично. Был прекрасно образован, всех аспектов касался, глубоко их изучив... Вспоминаю «Аграрную программу». Когда работала над ней, думала – повешусь! Ощущала полную никчемность собственной деятельности: это и по-русски читать дико трудно, а арабам понять тринадцать (!) форм землевладения уж точно невозможно.

Но смешно, много лет спустя в ресторане в Швейцарии, в Цюрихе, услышала от переводчицы: «Здесь часто бывал ваш Ленин. Он как раз в это время писал какую-то работу про сельское хозяйство. Видите, в этом зале – перекладина, он для разминки на ней подтягивался».

«Жутко вспомнить!»

Бывали и разные казусы. Мне дали работать с книгой «Осторожно – сионизм!». Автор Иванов. Стыдная, жуткая жуть! И тут я вспоминаю, что этот Иванов был в гостях у моих знакомых, надрался и, взяв стакан с коньяком, влил его собаке – дивному ирландскому терьеру – в пасть. Я не задержалась, тут же дала Иванову по морде, а хозяин его выгнал.

Пошла к главному редактору, сказала, что, по-моему, имею право отказаться от работы над материалом, автору которого дала крепкую пощечину. Главный редактор был интеллигент. Дал разрешение!

* * *

А потом издательство – о, счастье! – разделилось на «Прогресс» с той же тематикой и «Радугу» – художественная литература. Можно не гадать – я ушла в «Радугу». Жить стало интересней: все-таки – Шукшин, Чехов, Достоевский и еще многие светлые имена. Но труднее стало во много раз. Перевод всегда приблизителен, и хороший перевод – это когда достигнута максимальная близость. Особенно трудны в переводе, конечно, стихи, но и пьесы. Русский язык для перевода чрезвычайно труден, особенно если художественное произведение высокого качества. В каждом слове – смысловая интонация.

Я вместе с очень образованным носителем языка (попросту – арабом из Египта) переводили чеховские пьесы. В «Трех сестрах» есть сцена, где Маша в какой-то момент произносит: «Да». И ты, читая, понимаешь, что это не «утверждение» или «согласие», а, скорее всего, «раздумье» или даже «разочарование», «сожаление». Мой бедный Бакр ничего подобного почувствовать не мог, я объясняла, но и сама, пользуясь семейным положением, заставляла Гердта читать мне это место в пьесе, чтобы выбрать интонацию... В арабском языке достаточно слов «да», но ни одно передать наше «да» не могло! Из положения с трудом, но вышли: взяли одно слово, не просто «да», надеюсь, что интонация возникла...

Вообще русский язык – чудо (Тургенев нам это давно объяснил)! Конечно, он есть выражение духа, теплокровности российской, но и безалаберности этой же нации. Сколько исключений из правил! А когда спрашиваешь, как объяснить? Ответ: никак, «категория языка», просто запомнить. Всю жизнь радуюсь, что мне его учить не надо!

Глава 10

Знакомство с Гердтом

Поездка, изменившая жизнь. – Театр Образцова. – Зиновий Ефимович Гердт. – Перевод «Волшебной лампы Алладдина» и «Необыкновенного концерта».

В начале 1960 года, даже не знаю кто, рекомендовал меня администрации кукольного театра имени Образцова в качестве переводчика для поездки на гастроли в арабские страны. Мне позвонил главный администратор театра Наум Борисович Левинсон – и первое, что он меня спросил, удивив до крайности, было:

– Какого вы роста?

– Сто шестьдесят, – оторопев, сказала я, – при чем это?

Он продолжал:

– Дело в том, что, помимо спектаклей, вам придется переводить творческие выступления Сергея Владимировича и стоять рядом с ним на сцене. Вы когда-нибудь видели Образцова? Вы не выше него? Он не любит, чтобы переводчица (переводчиков он не признает) была выше него ростом.

– Думаю, не выше.

Когда я, волнуясь ужасно, вошла в кабинет Левинсона, он встретил меня дивной администраторски-развязной фразой:

– Подходит! В женщинах я разбираюсь лучше, чем в профсоюзном движении. Идемте!

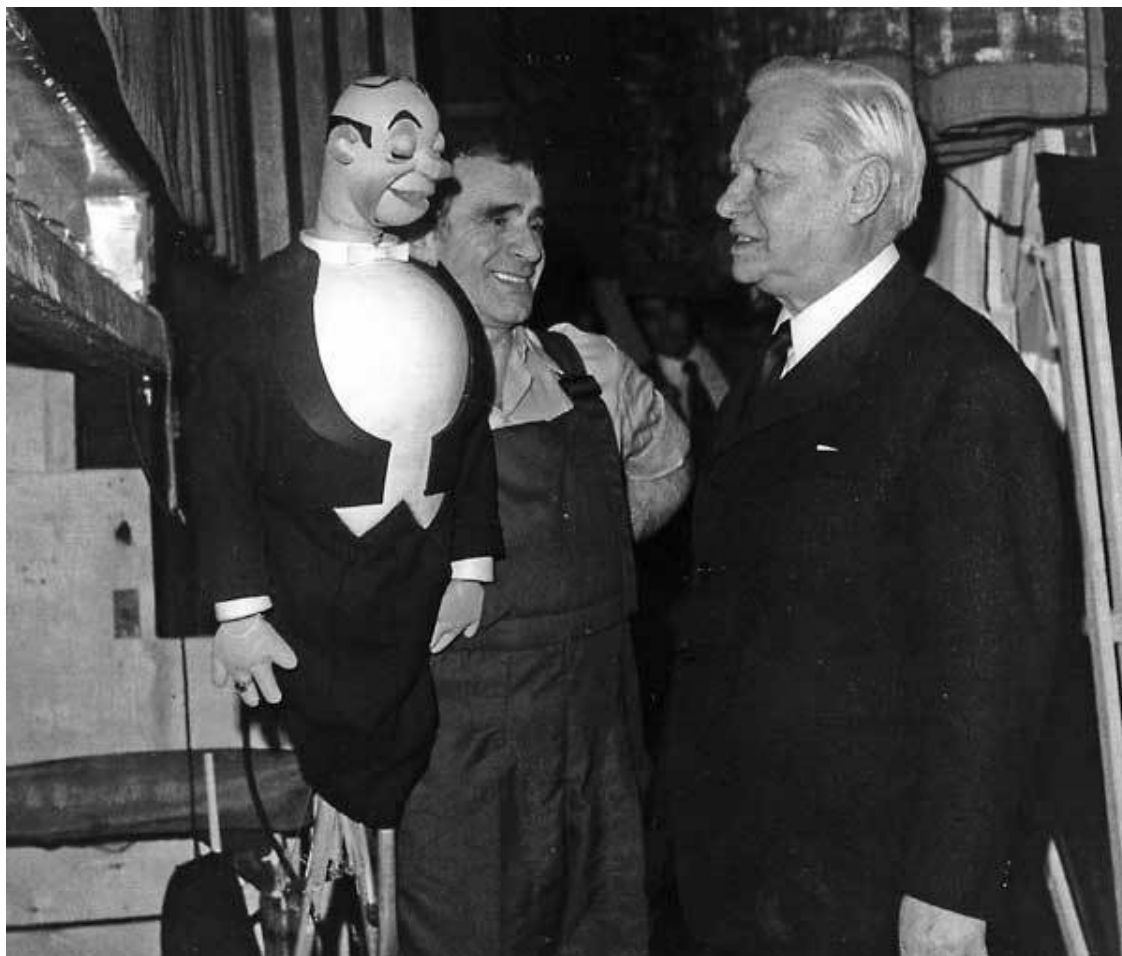
«Чуть выше? Но я ведь на каблуках...» Таня с С. В. Образцовым

И повел меня к Образцову. Образцов взглянул на меня благосклонно, по-видимому, убедившись, что я точно ниже ростом, и повел, сказав:

– Идемте знакомиться!

Вышли в фойе еще старого, немислимо уютного и обожаемого мною театра, где сидела вся «вторая» группа, которая и ехала на гастроли. Образцов:

– Познакомьтесь, это Зиновий Ефимович Гердт, с которым у вас основная работа.

З. Гердт с Апломбовым и С. Образцов

Пожимаем руки. Глядя прямо в глаза, Гердт произносит первые слова:

- Дети есть?
- Да.
- Кто?
- Дочка.
- Сколько лет?
- Два года.
- И опять:
- Подходит!

Первое ощущение – как у девочки (хотя мне уже почти тридцать два) из интеллигентной семьи – развязность, артисты! Как Зяма потом говорил сначала мне, а потом и публично, что в ту минуту, когда он меня увидел, внутри него был голос, который сказал: эта женщина будет моей женой.

Работа над переводом началась еще в Москве. Театр вез на гастроли два спектакля: «Волшебную лампу Алладина» и «Необыкновенный концерт». Получив текст «Лампы», я переводила его дома. Канонического же текста роли конферансье не было, а в «Необыкновенном концерте» единственный постоянно говорящий персонаж – это конферансье. Именно эту роль и предназначалось играть Гердту (он уже сыграл ее на нескольких иностранных языках) на арабском языке. Поэтому почти каждый вечер, когда Гердт не был занят в театре, я приходила к ним домой, и мы работали. Говорю «к ним», потому что Зиновий Ефимович уже восемь

лет как был женат на очень красивой женщине Кате Семерджиевой (носила фамилию первого мужа). Они снимали комнату в коммунальной квартире в Столешниковом переулке, ожидая окончания строительства своей однокомнатной кооперативной. Гердт диктовал текст, я переводила, произносила вслух, а он повторял его и записывал русскими (естественно!) буквами, делая свои, придуманные им пометки для произношения. Так шла работа, иногда прерываемая чаепитием.

Ничто не предвещало революции. Гердт перестал быть богемным, был серьезен и внимателен, провожал до машины, на которой за мной приезжал муж. Расскажу о нём, как обещала.

Глава 11

Становлюсь взрослой

Становлюсь взрослой... – Безумная любовь. – Семья Маркаровых. – Девять лет замужества. – Гастроли с Гердтом. – Огурцы и стихи. – Свидание у райкома партии. – Зяма и Шуня.

Прожив, как теперь понимаю, легко и весело почти до двадцати двух лет, я влюбилась так отчаянно, что не приведи Господь. Маркаров, Эдуард Аркадьевич, приехав из Тбилиси, учился на моём арабском отделении тремя курсами младше. Вместе со своим другом Женей Примаковым (потом ставшим академиком и видным политиком Евгением Максимовичем) он увидел меня не в институте, а летом сорок девятого года на теннисном корте в Гаграх. И осенью, с начала его второго, а моего пятого курса, приступил к плотному ухаживанию...

Бог наказать захочет – разум отымет. Так и было – ни о чем не думала – ни о том, какой характер, ни кто мама-папа, ни к чему привык. А следовало бы: вся семья – работники КГБ, папа – подполковник, мама – капитан, муж сестры – не помню звания. Я в тот момент, а это 1950 год, ещё дочка врага народа (реабилитировали папу только в 1954 году), так что и для той семьи далеко не подарок. Но Тбилиси – мальчик хочет! Поэтому роман был недолгим – весной пятидесятого поженились.

Когда я объявила, что выхожу за него замуж, среди родственников, друзей, знакомых не было ни одного человека, который не хватал бы меня за руки, умоляя этого не делать. Даже мой (и его) профессор Харлабий Карпович спросил меня: «А что говорит ваша мама?» А мама, видя безнадежность ситуации, спросила только: «Он обижать тебя не будет?» И поставила только одно условие: «Ни я, ни папа никогда не будем в доме у Маркаровых, они к нам – пожалуйста, а мы – никогда». Позже я узнала: в момент нашего романа к маме на работу, то есть к её начальству, приходили из КГБ и интересовались нашей семьёй. Мамин начальник был друг и ей об этом рассказал. Так что она, как всегда, была полностью права.

Мой свекор, Аркадий Моисеевич Маркаров, тбилисский армянин, был следователем. После двадцатого съезда был изгнан из КГБ и отправлен на пенсию. Слава богу, о подробностях его тбилисской деятельности я узнала много позже, но интуитивно испытывала полную к нему неприязнь. Он, естественно, не выносил меня еще больше, но вынужден был терпеть. А я мстила ему, рассказывая антисоветские анекдоты... Свекровь же, Вера Михайловна, любила меня и была ласкова и заботлива. И, самое удивительное, не осудила, а даже поняла мой уход от ее сына.

Она поразительно доказала это года через три после развода: пришла к нам домой навещать внучку – Катю. Я была на работе, а в ванной в тазу была замочена для стирки Зямина пижама. Она ее выстирала, а кроме того, зная, что мы обожаем грузинскую еду, приготовила сациви.

Я прорыдала девять лет замужней жизни: Эдик был патологически ревнив. И я, будучи до идиотизма верной и порядочной, пребывала в постоянном состоянии доказывания этой верности. Все это любовь подтачивает, и когда на десятом году нашей жизни я была в очередной раз оскорблена и унижена, совершенно мгновенно и шоково я объявила мужу, что никогда ему не изменяла, но с сегодняшнего дня ощущаю себя свободной, его не люблю и женой ему больше никогда не буду. Он не понял, что наступил предел, и, надеясь, что все рассосется, не уходил под предлогом, что «некуда». Так и длилось. Поэтому, уезжая с театром, я была совершенно свободной, как в ранней молодости, от любви и влюбленности, как говорится, «готовенькой».

Эдуард Маркаров. «Понятно же, что влюбилась!»

Во время гастролей на глазах всей группы Гердт оказывал мне совершенно определенное внимание, за что даже поимел разговор с «сорок первым» (так называли сопровождавшего гастролью театра кагэбэшника – в группе обычно бывало сорок человек). Это был скорее выговор с угрозой, на который Зиновий Ефимович смело и решительно сказал: «Не ваше дело».

Во всех странах, где гастролировал театр, – в Египте, Сирии и Ливане – работали знавшие меня по институту арабисты. Естественно, забирали меня в мое свободное время (и, конечно, с радостью и Гердта) и возили по разным интересным местам: поздно вечером, когда нет туристов, к сфинксу и пирамидам, в модный огромный ресторан «Сахара-сити» в пустыне, ресторан на яхте короля Фарука... По инструкциям, полученным нами еще перед отъездом, ни Зяма, ни тем более я не имели права ходить в эти «злачные» места. Совершенно осмелевший Гердт, когда мы танцевали на этой яхте в приглушенном свете под музыку пианиста, тихо наигрывавшего *La vie en Rose*, говорил: «Я в последний раз за границей, вы в первый и последний,

плюньте!» (мы были тогда еще на «вы»). Он абсолютно закусил удила, ни на кого не оглядывался, ни на театральных, ни на посольских, ухаживал – наотмашь! Жившая со мной в номере актриса Вика Смирнова говорила: «Такого Гердта мы еще не видели!» Узнав от нее, что я больше фруктов люблю огурцы, через день их приносил...

Но сгубили меня не огурцы, а стихи, стихи (продолжавшиеся – какое счастье! – всю нашу совместную жизнь), и, конечно же, общая реакция на все: людей, события, искусство. За целую жизнь разошлись один раз – мне понравился фильм «Чистое небо»: «Ты, наверное, заболела!» Посмотрев для проверки еще раз, поняла – он прав.

Наверное, от того, что роман протекал так публично (наедине перешли на «ты», а на людях были на «вы»), в поездке завершен он не был. Единственное – расставаясь, договорились через день встретиться. Назначили встречу недалеко от моего издательства (оно около метро «Парк культуры») на Садовом у Киевского райкома партии, рядом с высоткой МИДа – теперь в этом особняке, естественно, банк. Было это 28 апреля 1960 года. Я, выйдя из издательства, пошла пешком, и передо мной открылась дверь подъехавшего «москвича». «Как в детективе», – сказала я. «Ничего подобного, я – свободный человек». Оказалось, приехав с аэродрома и проводив всех гостей (тогда за границу ездили редко и было принято устраивать встречу), Зяма сказал жене: «Я полюбил другую женщину». «Таню?» – спросила она. «Да». Он понимал, что всаживает нож. Но, на его счастье, нож не вошел: «А квартира?» – спросила жена. «Она твоя».

Подъехал свободный человек

Мы поехали на холостяцкую квартиру приятеля Зямы, который дал ему на неделю ключи, и с тех пор тридцать шесть лет не расставались.

* * *

Зяма к этому времени был уже достаточно широко известным артистом. А ничто так быстро не становится сладостно обсуждаемым, как события «личной жизни» любимцев публики. Поэтому у моей мамы раздался звонок писателя-сатирика Бориса Ласкина, с которым я была знакома (а Зяма со своей стороны тоже), и он сказал: «Я очень хорошо отношусь к

вашей дочке и поэтому считаю своим долгом сказать: Гердт очень любит жениться, а ведь у Тани ребенок...» Это действительно имело место: кроме двух зарегистрированных браков было несколько проходных, недолгих, но настоящих – суп варили общий. Обо всех Зяма рассказал, некоторые были вполне достойными. Несколько лет спустя мы встретились в каком-то застолье с Ласкиным, и Зяма напомнил ему его звонок, сказав: «Просто когда ты надевал штаны и уходил – я женился».

Таня и Катя. 1957

Действительно, вспоминая сегодня стремительность развития событий и ставя себя на место мамы, опять восхищаюсь ею: за десять лет до этого она только спросила меня: «А он тебя обижать не будет?», а теперь сказала, что «конечно, волнуюсь, уж очень все скоропалительно». Выслушав эти ее слова, я вышла к Зяме, который ждал меня у ворот (мы куда-то шли) с вполне ясно-печальным выражением лица.

– Что?

– Да вот мама...

Взяв меня за руку, Зяма тут же велел вести его к родителям. Удивленная Шуня открыла дверь. Сняв кепку, с порога Зяма сказал: – Я обещаю вам, я буду жалеть вашу дочь.

Пауза.

– От такого сложного монолога я устал. Можно чаю?

И мы сели пить чай. И, удивительно, было ощущение, что это совсем не в первый раз! Когда спустя полчаса мы с ним уходили, я спросила у мамы: «Ну что, теперь тебе спокойнее?» – «Абсолютно», – сказала она.

Она как-то сразу его приняла и испытывала всю дальнейшую жизнь полное к нему доверие. Восхищалась его поглощенностью поэзией, вкусом, дивным чувством меры в актерском

искусстве. Он же ее заобожал безмерно! Рассказывал о ней на своих творческих выступлениях. – Мама моей жены, – говорил он, наступала пауза.

– Вы правильно вычислили – это теща. Но в русском языке это слово несет негатив, а в моем случае совсем наоборот – подарок судьбы.

Попав в первый раз через год нашей жизни, 25 января, на наши с мамой именины, был восхищен обществом – этих представителей старой московской интеллигенции он не знал. При очень взрывном характере Зяма от Шуни выслушивал критические замечания с полным благоговением. Как-то в ее присутствии, будучи, как он сам про себя говорил, «глубоко легкомысленным», сказал: «Это стоит всего тысячу». «Зямочка, – сказала Шуня, – если можно, эту фразу без “всего”, ведь полно людей, для которых это очень весомо». Он согласился немедленно, сказав, что и для него это также вполне еще существенная сумма.

Когда Гердта спрашивали, какое у него хобби, он говорил: Собираю ангелов. Это люди без чувства юмора.

Шуню он включал в их число. Обожал рассказывать, как она воспринимает анекдоты: «Начинаю – у молодого человека умерла жена. Тут же Шуня перебивает, говоря: “Как может быть смешно, если у *молодого* человека *умерла* жена?!” И я понимаю, что у нее в первый же момент возникает мысль: он женится, у детей мачеха... Или: в аптеке провизор говорит молодому человеку: “Для того чтобы получить цианистый калий, недостаточно фотографии вашей тещи, нужен еще и рецепт...” Шуня: “У него была такая страшная тёща, что он решил отравиться, и, дурак, пришел без рецепта?” Умираем от хохота, и я говорю: “Такая позитивная идея ему в голову не приходила...”»

Она тоже иногда совершала неожиданные поступки. Когда Зиновий Ефимович начал выступать со своими вечерами (чаще всего они имели название «Рассказ о профессии, о друзьях, о себе»), он довольно долгое время меня и близких друзей на них не пускал. Как-то он вернулся со своего вечера в Бауманском университете. Раздался звонок – Шуня, поговорив со мной, попросила Зяму. Он, покраснев и захохотав, закричал: «Вы там были?!» Она ему сказала: «Зямочка, стихов хотелось больше, но все замечательно!» Оказалось, никому не рассказывая, попросила свою подругу, внук которой был студентом Бауманского, купить билеты на Зямин вечер.

Глава 12

А жизнь течет...

Ухожу от мужа. – Любовь к вождению. – Поездка с Изаконами. – Семья. – Зяма-Паниковский. – «Народный» артист. – Историю надо знать.

Во время нашего полуплатонического «гастрольного» романа мы ни разу не говорили о дальнейшей жизни, не обсуждали семейные дела каждого: Зяма знал, что я с мужем рассталась, но живем вместе. Никаких обещаний друг другу не давали, только лишь назначили свидание.

На время моей поездки с театром Катю вместе с нянькой Расей поселили у моих родителей, муж жил у своих. Встретив меня на аэродроме, он повез меня к «нам» домой. Приблизительно за полгода до моего отъезда мы получили комнату в 23 квадратных метра в коммунальной квартире на Ленинском проспекте. Поскольку я женой ему быть перестала, то я несколько раз порывалась уехать с Катей обратно в подвал к родителям. Он благородно говорил (повторяю, в душе надеясь, что все обойдется), что если уж уходить, то ему.

Приехали с аэродрома, никаких гостей в силу напряженки в семье не было, и я с ходу сказала, что завтра после работы я сюда уже больше не приеду. Так и было. На следующий день, придя в редакцию на работу, после ежедневной пятиминутки я сделала «личное сообщение»: «Ушла от мужа». Еще буквально через два дня после такой же пятиминутки сделала опять «личное сообщение»: «Соединяю свою жизнь с Гердтом». Естественно, все хохотали, но снялись какие-либо пути к сплетням и пересудам.

Театр ехал на гастроль в (тогда еще) Ленинград, Зяма отправлялся туда на машине и умолял на майские праздники поехать с ним. Мама отпустила! А Зяма обещал дать руля!

За всю жизнь большей материальной мечты, чем иметь свой автомобиль, у меня не было. Ни шуб, ни «брюликов» не хотелось. В первом браке у нас была «Волга», тогда роскошь безумная, но тбилисский «мальчик хочет», и родители обеспечили. Я стремилась за руль, но мне было вполне справедливо сказано: получи права, а там посмотрим. В издательстве организовали курсы вождения, и я, никому не говоря, на них поступила. Были лекции, а практика вождения с инструктором на грузовике проходила во время обеденного перерыва. На грузовике же был и экзамен. Я сдала с первого раза. Кроме сдачи экзамена надо было представить медицинскую справку. Выдавали эти справки тогда в единственной поликлинике. Приехав туда, я увидела очередь мужиков человек в двести. В этот момент я была еще кормящей мамой и кровь из носа через два часа должна была быть дома. Заняв очередь, пошла в ее начало и двигалась к своей, надеясь встретить кого-нибудь знакомого. Никого; проходя, увидела – артист Гердт. Подойдя к своему месту, поняла, что придется уходить. Но один из стоящих мужчин вдруг сказал: «Ребята, среди нас одна женщина, неужели мы ее не пропустим?!» Когда я много лет спустя рассказала Зяме эту историю, он прореагировал восхитительно: «Дура, подошла бы, на два года раньше были бы вместе».

Вместе с нами на своей машине поехали в Ленинград Зямыны друзья Наташа и Гора (Гораций) Изаконы, первые, с кем меня познакомил Зяма. Они были дружны с Зяминой женой, но меня сразу приняли. Может быть, потому, что были со мной как бы одной профессии, их специальностью было – у него английский, у нее французский. Доехали до Великого Новгорода. В гостинице в один номер нас не пустили – штампы в паспортах были обязательны.

Как и обещал, Зяма посадил меня за руль, но ехать приказано было со скоростью не больше семидесяти километров.

На бензоколонке Гора сказал:

– Поезжай чуть быстрее, хотя бы девяносто!

Я:

– Он не позволяет!

– Но он же засыпает, а ты давай!

Действительно, Зяма задремал, дорога пустая (это было пятьдесят шесть лет назад!), я и прибавила. Не размыкая век, было сказано:

– Остановись, меняемся.

– Но никого же нет, и Гора просил.

– А я тоже просил!

– Или я поеду, или я вообще выхожу!

– Не валяй дурака!

Но я, забрав свой чемоданчик, тогда еще отдельный, и туфли (когда села за руль, надела кроссовки), вышла из машины и перешла на другую сторону шоссе – в сторону Москвы. Зяма сел за руль и уехал. Не заплакала, но крушение мира ощутила. Подумать, как добираться до Москвы, не успела, так как прошло минут семь, он подъехал:

– Садись, черт с тобой!

Когда догнали ждавших нас Изаконов, они рассказали, что люди, видевшие нас в Новгороде и тоже ехавшие на машине, увидев их, остановились и сказали, что, проезжая километрах в пятнадцати от этого места, они видели машину «ваших друзей, но она почему-то стояла в сторону Москвы».

Поехали.

– Так можно и подкаблучником стать, – сказал Зяма.

– Тебе с твоим опытом это не грозит, да и мне подкаблучник не интересен.

Это с виду я такая решительная, как какая-то партийка, а на самом деле лучше всех знает мама, когда сердится и говорит обо мне: «Тверда, как студень».

Однажды в издательстве меня встретила видная дама, заведующая английской редакцией, с возмущенными словами:

– Ты меня вчера ужасно подвела!

Мы были просто знакомы, никаких общих дел у нас не было, поэтому, естественно, обалдев, я сказала:

– Каким образом?

– Вчера было заседание партбюро (она была его членом), готовили состав нового бюро к выборам, я предложила твою кандидатуру, все согласилось, только твой Саша (мой друг и заведующий моей арабской редакцией Александр Давидович Самородницкий) сказал: “Я тоже «за», но ничего, что она не член партии?” Я представить этого не могла!»

Когда я сержусь или чем-нибудь огорчаюсь, мой внук, сегодня уже совсем взрослый мужик, дает мне совет, который давал и мальчиком: «Баушка, оглядывайся!»

* * *

Действительно, все познается в сравнении. Мы, конечно же, были счастливой семьей. Все Зямины друзья меня приняли, у нас сложились свои отношения, и после Зяминого ухода из жизни мы продолжали быть вместе. К сожалению, они чуть старше меня, тоже ушли...

А Зяма принял моих, тоже дружил с ними самостоятельно. Они, естественно, его обожали, а сегодня, когда и их нет, их дети со мной, любят и помнят его.

Кроме того, мы вовремя встретились: ему сорок четыре, мне тридцать два. Уже некоторый опыт, совсем взрослые, не молоденькие, но еще молодые. И для любовного романа, и для защиты друг друга – семья.

Слава богу, человеческая память так устроена, что светлые минуты в ней крепче, наверное, для сохранности жизни. Поэтому, говоря о Зяме, мне и хочется рассказывать о таком.

* * *

О Гердте-артисте написано много, полно и хорошо. Возражаю, когда говорят «великий» (теперь все через одного великие), но очень ценю, если замечаю наличие духа великих. В Булате Окуджаве был пушкинский дух, в Зяме – чаплинское начало. Он, не кокетничая относительно себя, искренне считал, что планка может быть и выше.

Проба, сделавшая Гердта Паниковским

Поддался Швейцеру, пойдя на Паниковского, поставив условие, что он не будет таким, какой Паниковский у Ильфа и Петрова – противный, ничтожный, которого не жалко. Он и сделал, как хотел: Паниковский был жалкий, но трогательный до слез. И Швейцер, и зрители оценили. Как во всяком человеческом действии, так и в игре артистов бывают разные высоты мастерства. Первое, что у меня возникает при слове «Чаплин», – кадр из «Огней рампы», когда он показывает «вишню», а потом, по просьбе, сакуру, «японскую вишню». Он показывает не дерево, а душу этого дерева. Чудо! Для меня у Зямы такой эпизод из «Золотого теленка»: Шура Балаганов (Куравлев) и Паниковский (Гердт) с гирями. «А вдруг они не золотые?» – встревоженно говорит Шура. «А какими же им быть?» – отвечает Паниковский. И лицо не артиста, а этого самого несчастного Паниковского выражает знание, что, конечно же, не золотые, и одновременно детскую веру в чудо – а вдруг золотые! С ума сойти!

Паниковский. Режиссер М. Швейцер и З. Гердт на съемках «Золотого тельца». «Надо, чтобы Паниковского жалели», – убеждает Гердт

Поэтому действительно был любим людьми разных социальных слоев, возрастов, национальностей...

Звали «Зямой», и это он ценил больше всех званий и орденов, приравнивая к военным наградам. Письма приходили потрясающие, конечно, про «тембр», однажды – «хочу ребенка от этого тембра» и т. п.

Как-то мы приехали на Усачевский рынок. При входе работяга, таскавший ящики, остановил Зяму, взяв за плечо, и сказал: «Спасибо тебе за все, что делаешь». У меня дыхание перехватило – вот это «народный»! Это было время, когда если ты чувствовал себя «дома», то есть и был, не думая об этом, патриотом, то, естественно, хотел этот дом защищать и обустроить по-честному. Поэтому я ходила на митинги, а Зяма даже выступал на стороне, так сказать, «ельцинцев». Была целая группа безусловно порядочных людей, действовавших, естественно, не без ошибок. Сегодня все забыли: не было бы Ельцина и понимавшего что идет на жесткие меры и понят не будет, умницы и таланта Гайдара – не было бы сегодня даже в глухой провинции полных магазинов.

Когда кончилась война, страшнее которой ни Россия, ни все человечество не знали (это не мое, а крупных историков заключение),

казалось, что уж, конечно, жизнь изменится! После четырех лет действительно героического противостояния настоящему врагу и победы над ним с потерей людей в два раза больше, чем противник, было немыслимо представить, что террор против своего народа может продолжаться. Но увя... Ведь он начался не в тридцатые годы, как многие считают. Всем лень взглянуть на самое начало – и восемнадцатый, и двадцатые, и Троцкий, и Ленин давали распоряжения о расстрелах, без суда, с легкостью. Короткий нэп (новая экономическая политика), а затем закручивание по новой...

День рождения З. Герда во время съемок «Золотого телька»

Глава 13

Я стала выездной

Поездка с Арамом Ильичом Хачатуряном. – Характеристика. – Разговор в ЦК. – Каир. – Репетиции, концерты. – Витя Пикайзен. – Армяне и Хачатурян. – Фрак Арама Ильича.

Возвращаюсь к хронологии. После первой в жизни поездки за границу с образцовцами в 1960 году вдруг в начале шестидесят первого получаю приглашение поехать переводчиком с Хачатуряном. У него гастроли в Египте и Ливане. Едут: Арам Ильич, его жена – тоже композитор, Нина Макарова, скрипач Виктор Пикайзен. Несмотря на очень плохой слух, конечно же, соглашаюсь. Но нужно опять оформление: характеристика, медсправка, анкета. За короткое время жизнь моя несколько изменилась. Я в разводе, проживаю с Гердтом в съемной квартире. И работаю уже не в издательстве, а в Министерстве внешней торговли на курсах иностранных языков. Поэтому характеристику мне должно выдавать партбюро министерства, имеющее права райкома партии.

Прихожу на заседание. До этого выучиваю имена зарубежных руководителей компартии и другие столь же необходимые данные о политической жизни. Сидят человек пятнадцать полусонных мужиков, один задает анкетные вопросы. Затем вдруг спрашивает: «Правильно нам сообщили, что вы сама в разводе, а живете в гражданском браке с женатым мужчиной?» Дивное преобразование проснувшихся членов этого бюро. Все полны внимания. Рассказываю, что моему разводу ничто не мешало, а Гердт (понимаю, что имя «женатого мужчины» им известно) этого оформить не может. Сразу несколько человек: «Почему?!» Объясняю, что должен передать квартиру оставленной жене. А до того, как квартира не закончена строительством, это оформить нельзя. Просто ждем. Все оживлены чрезвычайно и с полным интересом обсуждают, даже сочувствуя, наше проживание в съемном жилье. Ни одного вопроса по текущей политике задано не было!

* * *

Документы поданы: меня спрашивают, не боюсь ли я лететь через Франкфурт, что-то у них с билетами. Не боюсь, начинаю складывать чемодан... Вдруг звонит Зяма – я на работе. Говорит, что звонили и сообщили, что я не еду, так как у меня неправильное семейное положение... Прихожу домой, убираю вынутый чемодан и не очень огорчаюсь, просто противно. Через два дня звонит милая дама, занимавшаяся оформлением поездки, и просит меня пойти в ЦК, кабинет такой-то, инструктор имярек. Я говорю, что никуда не пойду, потому что за это время в моем положении ничего не изменилось. Она слезно молит пойти ради нее – если я не приду, у нее будут неприятности... Иду.

В антракте репетиции. Музыканты Каирского оркестра. Таня, Арам Ильич Хачатурян. 1961

Вхожу, и первое, что после «здравствуйте и присаживайтесь» говорит мне средних лет мужчина:

– Ну, что там у вас с Гердтом происходит?

Произносит это, обращаясь явно к бляди. Я, полная злости, пережившая отказ в поездке, неожиданно твердо с ненавистью произношу:

– Мы с вами знакомы полторы минуты, а вы задаете мне вопрос, на который не все близкие друзья имеют право.

Это надо было видеть! Он вскочил, весь в улыбке:

– Что вы, что вы! Вы не так меня поняли! Мы пригласили вас как специалиста, чтобы посоветоваться: дело в том, что в поездке участвует Пикайзен, так как там с еврейским вопросом?

Злобно отвечаю, что «там с еврейским вопросом» тише, чем у нас.

– Спасибо большое, удачной работы...

Прилетаю в знакомый мне уже Каир. Поселяют в роскошный номер – в ванной помимо всего еще и бассейнчик! Оказывается, Хачатурян и вся его компания – гости министра культуры: проживание и вся еда – бесплатно. Заказывай, что хочешь!

* * *

На следующее утро везут в концертный зал. Там знакомимся с Арамом Ильичом, его очаровательной женой Ниной и Витей Пикайзенем. Начинается репетиция. Оркестр Каирской филармонии. Состав невероятный: арабы, югославы, несколько других европейцев. Я честно признаюсь Хачатуряну, что со слухом у меня неважно. Он говорит, что это роли не играет, было бы хорошо с языком. Конечно, Арам Ильич, помимо того что он действительно великий композитор, жуткий трудяга-музыкант. Во время репетиций взмокает так, что рубашку надо менять не раз. Но зато разношерстный оркестр становится на глазах единым. Я не хуже Арама Ильича взмокаю, переводя его указания на арабский, а для югославов – на английский с рус-

ским. Хачатурян: «Таня, скажите духовым, что они каши в рот набрали!» Духовые – арабы. Я: «Арам Ильич, у арабов каши нет, скажу похожее!» – «Ладно!»

Концерты проходят с огромным успехом. Кроме скрипача Вити Пикайзена приезжает пианист итальянец Сержио Пертикаролли. Слава богу, по-английски говорит! Общаемся.

* * *

После Каира – Бейрут. Выходим из самолета, автомобиль около него. Садимся, Арам Ильич, Нина и я. И в один момент толпа армян, стоявшая на летном поле, прорывается к машине и поднимает ее на руки. Я кричу: «Арам Ильич, скажите своим, чтобы немедленно поставили нас на место, у меня ребенок!» Прожившему почти всю жизнь в Москве Араму Ильичу с армянским не очень легко, но минута критическая, и он что-то все-таки кричит!

Вообще армяне в диаспоре – это нечто! В Каире в нашем шикарном отеле «Карлтон» (как «Хилтон»!) на лестнице, ведущей к номеру Хачатурянов, постоянно стояла вереница армянских женщин с кульками домашней еды – для маэстро. После концертов везли ужинать в какой-нибудь ресторан на открытом воздухе. Длинный стол, в центре сажают Хачатуряна. А мы – по бокам. Перед этим столом бесчисленное количество столов с сидящими армянами, не сводящими глаз со стола длинного. Когда такое было в первый раз, я сказала, что есть при таком количестве глаз невозможно! Арам Ильич приказал смотреть на него и стал с полным восторгом наворачивать потрясающую пищу! Удивительно, но научилась!

Нина рассказывала, что такое же творилось в Латинской Америке. А я все говорила, что теперь точно знаю, что такое «царь».

Бейрут. Угощают армяне

Пресса публиковала массу восторженных слов, фотографии. Без конца брали интервью. Обычно за кулисами перед концертами. Было смешно: Арам Ильич, корреспондент с диктофоном и я, а из соседней гримерки со скрипочкой под подбородком, продолжая пикировать, просовывается Витя. Ему скучно разыгрываться и любопытно, о чем говорят.

Мои подопечные выучили арабское выражение на египетском диалекте: «муш мумкин» – «нельзя, невозможно». Арам стал так в одно слово звать Пикайзена, особенно во время интервью: «Мушмумкин, исчезни...»

Конечно же, были и на телевидении. После него я как-то шла одна по базару, из одной лавки выскочил хозяин-армянин, схватил меня за руку и затащил к себе. Это была лавка сумок.

– Выбери себе, что тебе нравится! – сказал он.

– Почему? У меня денег нет!

– Нет, бесплатно!

– С какой стати?

– Ты работаешь с нашим маэстро! Я хочу сделать тебе подарок!

Конечно, дура, я засмузилась, но он все-таки маленькую театральную сумочку мне всучил! Цела.

В Бейруте выступали в концертном зале ЮНЕСКО. Хачатуряна представляли видные деятели культуры. Я о них знала, и мне было, конечно же, очень интересно увидеть их живьем. Для Хачатурянов была приглашена и пела Фейруз, очень знаменитая в тот момент. Хачатурян говорил, что ему очень интересна и важна эта поездка, потому что он задумывает создание произведений, отражающих арабскую культуру и эмоции, которые редко были положены на музыку.

Когда вернулись из Бейрута в Каир, египетские армяне сшили для Арама Ильича фрак из какого-то немислимой тонкизны сукна. Перед последним концертом он надел его уже в номере и зашел ко мне продемонстрировать. «Как?» – Я не задумываясь: «Если застегнуть молнию на ширинке, шикарно!». Мы уже подружились, так что такое было возможно.

Что говорить? Такая встреча – еще один подарок Неба...

Глава 14

Претензия к большевикам

Домработница Нюра и ее сестра Паша. – Нянькина картошка. – Нянька заболела. – Академик Савельев. – Перед операцией. – Теплокровная страна.

У меня к большевикам туча претензий, но главная среди них – это то, что они сумели русского крестьянина отучить от земли. Я счастливая, на протяжении жизни встречаются мне люди, среди совершенно разных слоев, положений и возрастов, замечательные! Я об этом уже говорила, а сейчас, в связи с «землей», расскажу еще об одном.

В нашей семье при разном ее составе – один муж, другой – всегда все работали. Поэтому всегда же в доме были в «раньшее время» называемые прислугой, а в советское, то есть мое, домработницы. Последней, не приходящей, а живущей, была Нюра. У нее в деревне за Тулой была старшая сестра Паша. В деревне старшую зовут «нянькой». И мы – Зяма, я, Катя – вслед за Нюрой так ее и звали. Каждое лето Нюра в отпуск ездила к сестре, а потом или я, или Зяма ехали в деревню, завозя туда пропитание: сахар, муку, консервы, и т. п. – не было ничего! Привозили оттуда Нюру и сказочную картошку, которую выращивала Нянька. Все, кто бывал в доме, помнят ее вкус до сих пор, подавали как отдельное блюдо. Нянька жила одна. Мужа убили на войне, а сын Ваня, которого вырастила без чьей-либо помощи, в одночасье в двадцать лет умер.

Пришла телеграмма: Нянька заболела, свозили в Тулу, сказали «рак» и вернули в деревню. Рванули, поехали, привезли... Куда, к каким врачам класть? Звоним всюду, используем «тембр», и вдруг: «Да, Зиновий Ефимович». Зяма: «У нас есть нянька...» – «Это уже по-русски, везите...» Оказывается, Первая градская больница, академик (!) Савельев! «Буду оперировать сам». Готовят к операции, температура 39...

* * *

Сиж у нее, она очень печальная.

– Боишься операции?

– Нет, просто, понимаешь, я и помереть не боюсь, только я ведь хотела рядом с Ваней лежать...

Как меня Господь догадал не уговаривать, что все будет хорошо! Я просто сказала:

– Я тебе обещаю, если что – свезу, положу рядом с Ваней.

У нее просветлело лицо, улыбнулась и сказала:

– Но вот еще – ведь сентябрь, картошка-то не выкопана!

Я:

– Нянька, твою мать, какая картошка?! Тебе бы вместо Брежнева быть!

И тут она сказала серьезно и с болью:

– Ты что? Я сажала, а Она же рождает! – О земле она говорила, как о дочери...

Естественность, с которой это было вымолвлено, меня потрясла, помню и сегодня. Мы все очень часто говорим: живая природа. Но для нас это все-таки неодушевленный объект. А для нее, вне каких-либо сомнений, земля была «живое вещество». С картошкой проще: договорилась, соседи выкопали.

* * *

Операция длилась шесть часов, ассистировавший профессор сказал: «Если бы кто-нибудь из нас оперировал, закончили бы через сорок минут». То есть – разрежали бы и зашили. А академик простоял шесть часов, вышел мокрый. Мы ждали. Сказал: «Что Бог пошлет, не знаю, но помирать будет легко». Через девять лет (!) положили рядом с Ваней...

Она была неграмотной, ставила крестик вместо подписи. Но благодаря ей я поняла и почувствовала, что Россия правда страна удивительная. Безалаберная, нескладная, но до чего теплокровная!

Что говорить...

В последнее время, разговаривая с Катей и другими близкими мне детьми (они тоже уже бабушки-дедушки), наконец поняла, что они, несмотря на кажущуюся небольшой отдаленность от моего поколения, совсем, совсем иначе представляют нашу жизнь тогда. И довоенную, и после. Я счастлива, что они живут иначе, и не хочу, чтобы та жуткая жизнь, которая досталась в несравненно большей, чем мне, степени моим родителям, вернулась и выпала на их долю. Но твердо знаю, что для этого надо понимать, что же за жизнь была тогда.

Глава 15

Круг родителей

Опять: мама, папа. – Спортсмены. – Теннисный клуб. – Папин журнал. – Такси в аэропорт.

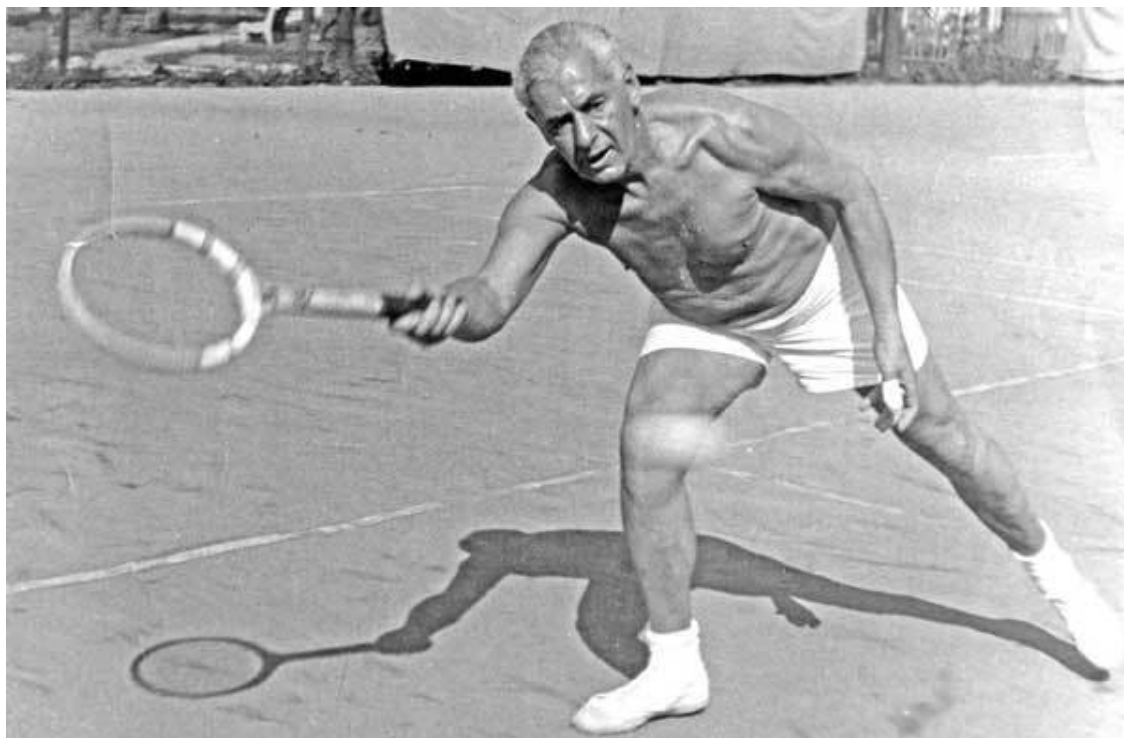
Я, научившись по совету внука оглядываться, отчетливо понимаю, что, конечно же, я очень счастливый человек. Во-первых, у меня были замечательные родители. В «Синей птице» Метерлинка есть сцена царства неродившихся душ. Их по очереди то и дело вызывают родиться, и они с тревогой ждут. К кому они попадут? Я попала необыкновенно удачно. Особенно повезло с мамой. Я уже писала о ней, но хочу еще добавить.

Она прививала мне, конечно, не нотациями, а просто своим примером, умение не завидовать, не жаловаться, не бояться. Сколь это удалось, не мне судить, но, во всяком случае, научить меня не бояться ей удалось. За резание «правды-матки» не раз получала по мозгам. В те жуткие годы очень немногие люди обладали этими качествами.

Правдин ещё не седой. С партнерами по теннису

Вокруг все были неимущие. Не жаловались же только бывшие богатые, из тех, которых хорошо воспитали и обучили. Они и были интеллигентами. Порядочными людьми.

«Спартак», Ширяевка. Опять на корте

Прожив детство в богатых домах, умели с достоинством сносить все тяготы: жить в тесноте, мыться в любых условиях, не впадать в отчаяние от нехватки еды и ее качества, научились шить платья из занавесок... Умели работать. Думали о себе гораздо меньше, чем о тех, кто рядом. Дружили по-настоящему, целыми жизнями, компаниями. Весело, умея радоваться малому. У большинства денег всегда было в обрез, а те, кто был удачливее и богаче, вели себя на равных и старались быть широкими.

* * *

Это все я говорю, конечно, субъективно о «своих», то есть о «круге» своих родителей. Он сложился в Москве еще в двадцатые – тридцатые годы: такие среднего достатка, работающие, образованные, интеллигенты, артисты, технари, просто служащие и т. п. Почти все – занимающиеся спортом. Мама благодаря семейной причастности к Московскому яхт-клубу была замечательной гребчихой, занималась академической греблей. Гребла в двойках, четверках, восьмерках, а в 1923 году была даже чемпионкой СССР в нескольких видах судов. В теннис неплохо играла. А папа, имея университетское юридическое образование, успешно работал на бирже и все свободное время проводил в спорте. Занимался всем – боксом, хоккеем, футболом... Но главное – теннисом. Рассказывал с восхищением о СКС – Сокольническом клубе спорта. Часто говорил, убеждая всех заниматься спортом, что вернулся «целым» после десяти лет лагерей не только благодаря помощи жены – Шуни, но и истинной спортивности, выработанной предыдущей жизнью. А потом, уже вернувшись окончательно после лагеря и многих лет невозможности жить в Москве – так сказать, «реабилитированным», – с головой окунулся в теннисный мир. Многие, многие годы возглавлял теннис в клубе «Спартак», даже принимал участие как игрок, естественно, в силу возраста, не первых номеров, в межклубных соревнованиях в составе спартаковской команды.

На теннисе. Приобщает внучку

Очень много сделал для создания истинно «клубной» атмосферы на теннисных площадках спартаковского стадиона «Ширяево поле» в Сокольниках. Мой Институт востоковедения находился тоже в Сокольниках. И я, пользуясь «блатом», привела (в прямом смысле – из института ходили пешком) несколько своих приятелей-студентов в этот теннисный клуб. Зимой площадки заливали, и папа заставлял всех нас вставать на коньки и играть в хоккей с мячом!

Он так обожал теннис, что стремился всячески его популяризировать: начал собирать материалы о теннисе в мире – переводил (сам!) статьи из английских, французских и немецких изданий, и о теннисе во всех наших республиках и т. п. Перепечатывал это все на машинке, конечно, в очень ограниченном количестве экземпляров. Но вскоре издательство «Советский спорт» спохватилось и стал издаваться журнал «Теннис» – скромный, без цветных фотографий, на недорогой бумаге, но пользовавшийся спросом. Сегодня это шикарное гламурное издание, не знаю, кто выпускает.

Работа над журналом «Теннис»

Когда теперь смотрю (к сожалению, только по телевидению) соревнования на Ролан Гарросе и Уимблдоне, каждый раз радуюсь участию «наших». Конечно, больше, если с успехом. И думаю: вот папа был бы счастлив, что и у нас его обожаемый теннис на совершенно мировом уровне. Но я при этом все время злюсь, что построили олимпийский Сочи, а не теннисные, и вообще спортплощадки, при каждой школе и во всех дворах и парках. Был бы спорт доступен (в Штатах бейсбольные площадки на каждом углу), разбоя и хулиганства было бы меньше (интеллигентские иллюзии!)...

Однажды Миша Львовский, наш друг, поэт и драматург, должен был ехать в аэропорт (куда-то лететь) и вызывал такси. Диспетчер сказала, что машин нет и часа два не будет. Этот тишайший человек вдруг стал громко кричать: «В Москве, столице мира, нельзя вызвать такси?!» На что явно умная

диспетчер ровным голосом спросила: «Вас только это не устраивает?» Миша сразу успокоился. Так и я в вопросах спорта...

Глава 16

Общий омут

Время идет... – Первый дом – съёмные комнаты. – «Зови гостей, ведь винегрет у нас есть».

Начали совместную жизнь. Конечно, вероятно, мы оба, если посмотреть с сегодняшних позиций, были вполне рискованными людьми: соединиться, а потом и официально, в третий раз жениться на молодой (но не молоденькой) бабе с ребенком, еще и с нянькой для него, даже не думающей о том, чтобы бросить работу и заниматься семьей и домом – действительно, в омут головой. И я, отдав десять самых молодых лет кошке под задние ножки, сменив сумасшедшую влюбленность на полную неприязнь – правда, достигнув главного в жизни – родила дочку, составляющую и сегодня для меня смысл жизни, – тоже несколько ныряла в омут. Но! Оказалось, риск – благородное дело, омут был один и тот же! Совпали...

Благодаря этому ругались мы, только когда ехали в одном автомобиле и один из нас был за рулем. А настоящие трудности, как вижу сегодня, переносили огорчаясь, но не впадая в отчаяние, – спасал юмор.

* * *

Самым сложным было отсутствие собственного жилья. Вернувшись из арабских стран, встретившись через день у Киевского райкома, как я уже рассказывала, и поехав на холостяцкую квартиру друга, поняли, что живем «вместе». Обожаемая тетя Женя помогла снять на три летних месяца комнату рядом с их квартирой на Малой Бронной.

Катя с мамой и няней Райкой были на даче в Abramceve. Ездили туда на субботу и воскресенье. Лето кончилось, сентябрь, а ничего снять не удастся. Холодает, надо забирать с дачи, а некуда... Но говорю же – Бог есть! – в начале октября снимаем на год (!) две комнаты в трехкомнатной квартире, принадлежащие бывшей балерине Большого театра Наталии (фамилии не помню). Третья принадлежит ее бывшему мужу, Аккуратову Валентину, замечательному летчику-испытателю, немыслимому фантазеру, увлекательно рассказывавшему о «встречах с НЛО». Он и его новая жена, маленькая корейночка с ребеночком, бывали редко, жили где-то в другом месте. Были очень милые, с ними подружились. Времена были иные – за аренду надо было заплатить сразу за весь срок – то есть за год. Не дрогнув, заняли у друзей... Очень радовались – возник «дом»!

Перебывали и, соответственно, перезнакомились друзья и приятели с обеих сторон. Угощали когда богато, когда не очень, но не стеснялись, вспоминая Шуню. Как-то, когда я была еще девочкой, к нам должны были прийти мои друзья. «Нам же нечем их угощать», – огорчилась я. «Ты что? У нас есть винегрет, а приходят ведь общаться, по этому никогда ничего не значивай, ставь все, что есть, а если даже нечего ставить, никогда не стесняйся». Я Зяме это как-то рассказала, поэтому он говорил: «Зови гостей, ведь винегрет у нас есть».

Начались другие сложности. Надо было срочно искать няньку-домработницу, так как нашу любимую Райку мы отдавали замуж. Когда недолго мы (еще в моем первом замужестве) жили в полученной комнате, в другой комнате этой квартиры жил в семье Витя, правильно влюбившийся в Раису и теперь забиривший ее.

Глава 17

Раиса – подарок от бога

Появление Райки. – «Евгений Онегин». – Шуня и Рая. – Вчетвером в комнате. – Зяма и Райка. – Раисина карьера. – Сын после Афганистана. – Райкины огурцы.

Райка попала к нам за три года до рождения Кати. Папа, мама, муж и я – все работали. Надо было, чтобы кто-то был на кухне. Бабушка, работавшая у моей сослуживицы, привезла из деревни шестнадцатилетнюю внучку. Глава семьи, Шуня, поговорив, сказала: «Берем». Когда мы все испугались – ведь почти ребенок, – она сказала: здесь ей будет лучше, чем в деревне, поваренную книгу читать сумеет и будет дальше учиться. Это было летом, а в сентябре Раюха пошла в восьмой класс вечерней школы.

Шуня все делала удивительно ответственно – проходили «Евгения Онегина», и, естественно, «дядя самых честных правил» для Райки было непонятно. Шуня не поленилась и всего «Онегина» прочитала с ней вместе, все объясняя. Правда, казус все равно произошел. Писали по Онегину сочинение. Спрашиваю: какую тему писала? Райка:

– Образ Татьяны.

– Что поставили?

Печально:

– Трояк.

– Почему, ошибки?

– Нет, цитату неверно привела.

– ?

– Всегда мрачна и молчалива, как лань небесная – гнусна.

Умираем от хохота, но Шуня верна себе:

– Ты понимаешь, что «мрачный» – это почти что злой, а «гнусный» – знаешь, какой?

– Нет.

– Гнусный – такой слюнявый, сопливый, противный. Представляешь себе злую и сопливую Татьяну? Прочитай еще раз.

Раиса входит в число людей, посланных мне Богом. Умная, с чувством юмора, истинно широкой душой. Внешне – смешная мордаха с голубыми глазами и дивной, толстой русой косой. Добрая сама без показухи, умеет ценить добрые поступки других, умеет прощать. Конечно, Зяма был прав, когда говорил: Райка – талантливая. Научилась готовить лучше Нины, жены моего брата Виктора, которая считалась у нас всех лучшей кулинаркой. А draniki делала вкуснее белорусских!

Судьба часто вносит некоторую нескладицу – конечно же, я родила Катю в июне, а в сентябре у Раи начинался десятый класс! Но – Шуня! Все организовала: наняли приходящую тетеньку на готовку, Райка учила уроки, гуляя с ребенком, и четыре вечера в неделю ходила в школу. Чтобы жизнь для всех не была мучительной, были установлены дежурства по вечернему обиходу дитяти. В условиях подвала и тесноты это было не совсем просто: ванночку снять со стены, воду принести и согреть в ведре кипятильником, разбавить, и т. п., и т. п. Шуня сказала: «Два вечера купаю Катю я, два – Рая, три – ты». Я: «А почему я – три?» – «Ты – мать».

Справедливо, как всегда...

Начало воспитания. Катя (4 месяца), Рая

Школу окончили, аттестат получен, надо – дальше. Я работала в издательстве, и Раюха захотела в полиграфический техникум. Шуня уговаривала пойти в кулинарный, не послушалась, но и полиграфический не потянула. В это время получили комнату в коммунальной квартире, аж в 23 метра (зато квадратных!). Муж и я в одной половине, а за шкафом – Рая и Катя. А у соседей – Витя, наш будущий суженый. Вскоре – моя поездка и полное изменение жизни.

* * *

На третий день знакомства Зяма, застав Райку у плиты с капающими слезами, спросил: «Ты что?» – «Катю жалко». – «Подожди, увидишь...» И действительно, Раиса заобожала Зяму вместе со всеми. Вышла замуж, началась семейная жизнь, надо было работать. Моя Ирка, став-

шая юристом после МГУ, работала в Министерстве легкой промышленности и устроила Раису на приличную швейную фабрику в Москве. Там она благодаря талантности и расположенности к людям училась и становилась специалистом. Однажды позвонила с вопросом: «Как быть? Предлагают вступить в партию». Я: «Вступай». Раиса: «Это вы мне говорите?!» Она знала мое поведение в этой области. Я объяснила, что в ее поступлении ничего несправедливого нет. И оказалась права: стала мастером и вскоре съездила с делегацией от фабрики в Японию.

Рая и Катя. Уже легче

Жили, успешно работали, построили кооперативную квартиру. Родили замечательного парня – Сашу. Но... Сашке восемнадцать лет – армия. Долго нет писем. Выясняется – в Афганистане. Жизнь – сплошная тревога. Наконец возвращается, руки, ноги – целый! А голова – тихий, молчаливый, ничего не рассказывает, работает разнорабочим. Через полгода – взрыв! Как с цепи сорвался, компании забулдыг, пьянство и крик: «Не дай вам бог увидеть, что видел я!» С трудом разговорили. Узнали: был контужен, больше недели сидели на горе в окружении без еды, воды, вырвались, цинга, видел напалм...

Взрослая Рая

К нам из Одессы приехала наша подруга Полина Великанова, красавица, замечательный доктор-психиатр. Показали Сашу. Сказала: «Все оставшиеся в живых в Афгане – жертвы. Если даже цело тело, психика повреждена у всех. Пить, конечно, категорически нельзя, надо упорно лечиться, выходить из стресса». Лечь в больницу не уговорили, но возникла вроде бы любовь. Подумали: женится – выздоровеет. Но нет, даже рождение двух дочек не помогло. Жена ушла. Золотая Райка помогала и продолжает помогать с внуками, дружит с ними. Они уже взрослые. А Саша уже немолоденький, большой красивый мужик, живет с родителями, являясь их неизбывной болью. И меня все время мучает мысль, что надо что-то делать! Несколько лет назад он сдался на мои мольбы и пролежал месяц в лечебнице. Но ничего не вышло...

Когда-то Райка была еще в школе, и я спросила ее: «У вас “немка” старая, молодая?» – «Да в ваших годах», – ответила Раиса. Мне было двадцать восемь, а ей, соответственно, семнадцать. Так что сегодня и она уже бабушка и «в годах». Но для меня все та же трогательная девочка. У них есть небольшой домик и участок. Выращивают овощи. Каждую осень я получаю бесценный дар – огурцы, засоленные Райкой. Ни у кого таких вкусных не получается.

Дружу с ними, люблю и знаю, что это взаимно! Такое – редко...

Очередная печаль: Витя, несмотря на все усилия врачей, Райки и внучек, неожиданно из жизни ушел...

Глава 18

Изменение адреса

А годы идут! – Смотрины домработниц. – Вера Михайловна и Катя. – Старший редактор. – Работа на курсах. – Возвращение в издательство. – Очередники.

Ищем няньку, вернее домработницу, – готовить, убирать. Детей тогда выпускали гулять одних во двор, приглядывая за ними из окна. Шуня, нанимавшая «персонал» в другие времена, удивлялась, что никак не могу найти – «наверное, не умеешь». Я предложила прийти выбирать вместе.

Назначила встречу человекам шести. Попринимаю, спрашиваю: «Можно хоть одну взять?» «Ты права, нет», – признает Шуня. Наконец, надеясь на милую мордашку, оставляю девушку лет двадцати. Но, возвращаясь с первого же выходного дня, приводит с собой солдата, говорит, что это ее двоюродный брат, который служит в Москве, у него увольнительная, и нельзя ли ему у нас переночевать. Спрашиваю: «Где же мы можем его положить?» (она спит в комнате с Катей). Ответ простой: «Он со мной ляжет». Извиняясь, объясняю, что придется ему вернуться в казарму. Через два дня, купив билет, отправляю «мордашку» по месту жительства.

* * *

Год аренды квартиры заканчивается, должны переезжать в загодя найденную малогабаритную двухкомнатную на проспекте Мира. Весна, бабушка с другой стороны, Вера Михайловна, просит разрешить ей взять Катю на время ее отпуска в поездку в Тбилиси. Разрешаем, у меня с бывшей свекровью отношения доверительные. Уезжают, проходит неделя, только успеваем перевезти вещи. Правда, скарб невелик: три чемодана с одеждой, мешок с кастрюлями, из мебели – шкафчик для Катиных вещей и игрушек и кресло-кровать для нее же.

В предыдущей квартире мы спали на хозяйской, а теперь купили тахту – привезут из магазина. И получаем телеграмму: Вера Михайловна с Катей возвращаются. Оказалось, Катя так заскучала, что невозможно было уговорить. Выручает, конечно, Шуня – берет Катю, и живут опять в Абрамцеве, на даче у Абрикосовых, а мы приезжаем на выходные.

* * *

В это время я совершенно озвереваю от работы над переводами на арабский язык классиков марксизма-ленинизма и бездарно написанной пропагандистской советской, так сказать, литературы. Мое редакторское имя стоит на сделанных вместе с «носителями языка» переводчиками-арабами трехтомнике Маркса и Энгельса и десятитомнике Ленина.

Таня, Катя, Шуня. 1962

У себя в редакции занимаю самую высокую после заведующего должность – старший редактор. И оклад соответствующий вполне, особенно с двадцатипроцентной надбавкой за «восточный» язык (за западные – десять). Но тексты, с которыми работаю, доводят до иступления.

Доканывает окончательно «шедевр» в сорок (!) печатных листов – как бы справочник «СССР сегодня и завтра», написанный скучно, хвастливо, к тому же безграмотно (об Узбекистане в начале войны: «И каждый, в ком бьется честное сердце узбека, шел на фронт» и т. п.), с политическими ошибками – статья «Профсоюзы» помещена в главу «Партия». И я, беспартийная, получаю благодарность от главного редактора издательства за пойманный «политический» ляп.

Имею два предложения работы: в качестве старшего преподавателя на кафедру арабского языка, то есть кафедру моего Института востоковедения, влившегося в МГИМО. И второе – завкафедрой восточных языков и преподавателем арабского на Курсах иностранных языков в Министерстве внешней торговли. Зарплата одинаковая. Учить студентов, конечно, интересней, чем внешнеторговых специалистов. Но выясняется, что, принимая должность «старшего» преподавателя, я перехожу дорогу работающей там преподавательнице, которую, естественно, хорошо знаю – была на три курса старше меня в нашем институте. Поэтому пошла на курсы.

Когда подавала заявление об уходе, начальник отдела кадров издательства сказал: «Я твое личное дело в архив сдавать не буду – все равно вернешься». Он был, конечно, по тем временам явлением удивительным: на вид строгий, редко улыбающийся, явно порядочный человек, расположенный к людям и думавший о них и о работе. Я проработала на курсах три года, и каждые три месяца он звонил мне и спрашивал: «Не надоело?» Оказался прав – осточертело обучать, как я вполне недобро говорила, «крестьян в заграничных костюмах». Когда на последний его звонок я ответила «да», был краток, сказав: «Приходи». Я и пришла. Протянул мне мою старую анкету и попросил внести изменения, если таковые имеются.

А изменения были! Например, адрес.

* * *

Когда мы развоились с мужем, было решено: автомобиль «Волга», который почему-то был на мое имя, я до оформления развода перевожу на него, а он оставляет нам с Катей комнату (напоминаю: 23 квадратных метра!) с надеждой, что ему за благородство что-нибудь тут же дадут в КГБ. Когда он кончал институт, ему предложили работу там. Но я сказала, что разведусь. Проработав почти десять лет в международном отделе Комитета по делам физкультуры и спорта, как только мы расстались, он пошел по семейной стезе.

Потом было объявлено, что комнату надо разменивать. Занимался этим мой бывший свекор. Нашелся вариант – восемь и одиннадцать метров. Сказала, что беру восемь, смотреть не поеду, сообщила, что ни в восьми, ни в одиннадцати мы не поместимся. Совершенно в тот момент этого не понимая, как оказалось, поступила мудро. К этому времени достроили Зямин кооператив, он смог передать квартиру жене, развелся. Мы «зарегистрировались», его прописали, и нас оказалось трое на восьми метрах. А норма была три метра на человека, и мы стали очередниками!

У всех организаций были «квартирные фонды», которые иногда, к сожалению, редко, становились реальностью. В жилищном управлении хотели выделить Зяме «метры» за счет небольшой части фонда Образцовского театра, которому в тот год давать ничего не собирались. Но Сергей Владимирович (Образцов) объяснил нам с Зямой, что еще «столько людей ютятся в подвалах», что театр пойти на это не может. Сам он в это время с женой Ольгой Александровной жил в большущей барской квартире в переулке на Тверской. И это, учитывая его заслуги, было вполне справедливо. Но не надо было, особенно мне, рассказывать про подвалы – я это знала на практике.

Говорю же, если ты сам не сволочь, Господь посылает дивных людей! Начальник этого жилищного управления сказал, что обойдутся без театра. В конце концов Гердт, кроме того что «очередник», – инвалид Отечественной войны, не говоря про звания...

* * *

Дали смотровой ордер. Приехали, двухкомнатная квартира, но...

Комнаты одна за другой, то есть одна – проходная, разъединить невозможно... Душу охватывает отчаяние – отказаться нельзя, а как устроиться – непонятно. Вдруг Зяма заходит в уборную, садится, а дверь из-за его раненой, негнувшейся ноги закрыться не может. «Поехали, не годится», – говорит представитель жилищной управы. Опять ведь чудо!

Дают другой смотровой. Новый район – Новые Черемушки, десятый экспериментальный квартал, хрущевская пятиэтажка без лифта, третий этаж – но! Комнаты шестнадцать и двенадцать метров, отдельные, ванная, уборная, кухня (правда, четыре метра), и это – свое! Зяма верен себе: «А время здесь московское?» Хохочем, счастливые – до станции метро пешком пятнадцать минут. Такие же радостные подписываем в управе согласие и спрашиваем: когда получать ордер и вселяться? Ответ: через неделю.

* * *

Очень стараюсь, но этот вечер забыть не могу. Июнь. Через две недели Зяма уезжает в гастроль с театром в Западную Украину, город Черновцы. Собирается ехать на машине, поэтому вместе с мастером возится с ней во дворе. Катя с бабушкой и дедушкой на даче. Я

возвращаюсь в дивном настроении, поиграв на Ширяевке в теннис. Скоро у меня отпуск, и мы с Катей полетим к Зяме, чтобы там на озере после гастролей отдыхать. Закончив с автомобилем, Зяма поднимается домой.

Лицо какое-то мрачноватое. Я: «Что-то с машиной?» – «Нет, с ней все в порядке. Дело в том, что ордер не дали, сказали, что вопрос обсуждается, квартал ведь экспериментальный...» Я: «И в нем не будут жить?» Бедный Зяма: «Обычный идиотизм, никто ничего не знает, обсуждают!..» И со мной приключается истерика, которой ни до, ни после не было никогда. Я выла, как деревенская баба, у которой пала корова...

Я рассказываю про эти квартирные пертурбации так подробно с надеждой, что сегодняшние молодые люди и следующее за ними поколение будут меньше огорчаться, если сравнят их с теми «трудностями», которые возникают у них: не тот район, не столько метров и т. п. Счастлива, что хоть что-то изменилось в лучшую сторону – многое зависит от тебя самого. Но при этом, конечно, огорчаясь, понимаю, что предел дозволенного стараются всячески ограничить и что «страх» имеет место быть в полной мере. Справедливости ждать и ждать. Надеюсь на чудо! Свидетелями одного мы были – засилье КПСС ушло... уйдет и другое. Верю!

Далее. Зяма отбыл на гастроли. Я два раза в неделю на протяжении месяца звоню в жилищную управу. Должна ехать в отпуск (с Катей к Зяме), но на душе камень. Звоню опять: «Да, будем заселять, но сейчас ордеров не выдаем, так как не окончены работы, а вы все будете туда ездить и мешать». Мчусь туда, и, вероятно, видя некоторое безумство в моих глазах и выслушав рвущие душу заверения, что шагу туда не сделаем до того, как это будет разрешено, ордер выдают! Все исполняю, кладу ордер вместе с паспортом и деньгами в укромное место в сумке, и летим в Черновцы.

Полет тоже запомнился. Вдруг объявляют: «Не волнуйтесь, сейчас будет посадка в Борисполе (это около Киева) по техническим причинам».

Садимся, жара, через некоторое время, когда уже дышать нечем совсем, выпускают прямо на летное поле. С самолетом ничего не делают, значит, техническая причина иная. Выпытываем у стюардесс. Оказывается, пролетает какой-то высокий чин из «слуг народа», и небо должно быть свободно!

Живем на отдыхе на озере под названием «Валя Кузьмин» вместе с семьей Райкиных: недолго Катя Райкина и Юра Яковлев (тогда ее муж) с их дитём и постоянно Котя (сегодня Константин Аркадьевич) с нянькой Тасей. О них я рассказала в предисловии к воспоминаниям Кости о Зяме⁴.

Дозвонившись, узнаем, что можно «въезжать». Зяма летит в Москву, врезает замок, торопится обратно так, что, вернувшись, первое, что делаем, – подметаем опилки под дверью.

Возвращаемся на машине, тогда это синий с белым «Москвич-7». Об иномарках, даже их подобии – «Жигулях», и мыслей нет. Сегодня, когда вспоминаю, думаю: какие мы все были рискованные, на такой технике отправлялись в далекие путешествия, зная о практически отсутствующей технической помощи и о полной невозможности достать что-нибудь из запчастей.

Так и было: спустило колесо, вероятно, прокол, ставим запаску. До Москвы остается не более ста километров, но спускает еще одно. Что делать – неясно. Никакого шиномонтажа в помине нет. Монтировать самим, кроме

---

⁴ «Зяма – это же Гердт!» ДЕКОМ, Нижний Новгород, 2013 г., стр. 67.

того что тяжело, бессмысленно – целой камеры нет. В раздумьях вынимаем арбуз, режем его на багажнике. Зяма, жуя арбуз, выходит на проезжую часть в надежде «занять» у кого-нибудь колесо. Редко, но останавливаются, но ни у кого ничего нет. И вдруг машина, подъезжая, сразу паркуется за нами. Выходит мужчина, широко улыбаясь, говорит:

– Зиновий Ефимович, вы останавливаете машины, махая ножом – считаете, это поможет?

У Зямы в одной руке кусок арбуза, в другой – нож. Естественно, махать ножом удобнее, делает это машинально. Мужчина – Валентин Аккуратов! Отдает свою записку, надеясь, что доедет. А если нет – тогда и будем думать...

Доехали! Не устаю повторять: наверное, Бог есть!

Глава 19

Свои (!) квадратные метры

Квартира в Новых Черемушках. – Нюра. – «Ты у нее работаешь в хозяйках!» – Пудель Маврик.

Обустроиваем свои двенадцать и шестнадцать метров. Есть встроенные шкафы, вымерив все с точностью до сантиметра, заказываем по чертежу, сделанному нашим другом Юрой Трескиным, мой письменный стол (такая конструкция, что на ночь убирается, позволяя раздвинуть тахту), складной обеденный стол, так называемая «книжка», и кровать для Кати. В четырехметровую кухню находим подвесной холодильник. Сказка!

Меняются домработницы, одна за другой. Прихожу с работы – ничего не сделано, говорю: «Вы, по-моему, совсем не хотите работать?» Отвечает: «Вы совершенно правы». Другая говорит мне: «Из вас очень хорошая работница получилась бы». Наконец продержалась целый год огромная Раиса Васильевна. Потом должна была поехать к дочери. Шуня была рада, сказала, что я терпеливее ее, если столько выдержала это явление. Она и до этого цитировала Заходера: «Никакого нет резона / на дому держать бизона, потому что это жвачное / грубое и мрачное». В этот момент лифтерша из соседнего дома пришла к нам с предложением: к ней приезжает ее дальняя родственница, и не возьмем ли мы ее в домработницы. Эту лифтершу мы знали (приходила помогать в уборке) и поэтому очень обрадовались рекомендации.

* * *

Был назначен день, когда Нюра (так звали рекомендованную) придет к нам. Не дождалась. Выяснилось: она шла к нашему подъезду и у соседнего спросила стоявшего там мужчину, туда ли она идет. Он спросил ее о цели и сказал, что это к ним. И тут же, посадив в автомобиль, увез к жене и дочке на дачу. Это был обожаемый нами поэт Гена Шпаликов. Когда встретились и надо было что-то объяснить, Гена, смущенно улыбаясь, сказал: «Считаю, что воровство книг и домработниц допустимо». Но через месяц Нюра появилась у нас, не выдержав пьяной жизни Шпаликовых, и прожила с нами до своей кончины двадцать два года. Похоронили в той же деревне, рядом с Нянькой.

Катя с дедом

Нюра была, как и Нянька-Паша, неграмотная. Я выучила ее читать, и она даже оставляла нам иногда записки, вызывавшие восторг невообразимостью орфографии. Она, конечно, тоже подарок судьбы. Готовила еду чистоплотно и вкусно необыкновенно. Как и наша юная Раюха, явно была одарена в кулинарии. Когда Зяма возвращался из каких-нибудь гастролей, традиционно готовилась любимая им грибная лапша. Я просила Нюру без меня лапшу не раскатывать (о покупной не могло быть и речи!), потому что это было восхитительным зрелищем: огромная скалка и мучной лист в целый стол, абсолютно правильной круглой формы и тонкости пергаментной бумаги.

Нюра обращалась со мной чрезвычайно строго. Любила вечера, когда мы с Зямой ужинали, выпивая, но вдвоем. Считала гостей бичом нашей жизни. Выговаривала мне: «Одна юбка – и в пир, и в мир, и в добрые люди, жопа голая, а все гости, гости!» Я, видит бог, все терпела. А Зяма говорил мне: «Ты просто должна понять, что ты у нее работаешь в хозяйках!»

* * *

Катя с детства была вольнолюбива, детский сад не выдержала, поэтому хоть и попала в дивную школу Мильграма, в первый день шла со мной домой с мрачным лицом. На мой вопрос «Что-то не так?» ответила тоже вопросом: «И так десять лет?»

Случилось то, что доктора называют «школьный холецистит». Надо было скрупулезно отпаивать травами и правильно кормить. Справились с этим довольно быстро только благодаря Нюре.

Но был один момент, который преодолеть было нереально. Собака!

Перед войной, когда папа был еще в лагере, мы с мамой жили, честно говоря, вполне бедно. Но при этом мама взяла у друзей щенка фокстерьера, жесткошерстную девочку Дорьку. Она была очень породистая, и на нее даже выдавали корм. Но – война, в сентябре все кончилось, кормить стало нечем, и Дорьку отдали в деревню бывшей молочнице (до войны из ближних деревень приезжали женщины с бидонами и привозили своей «клиентуре» молоко). Когда папа, наконец, вернулся и они с мамой поехали отдыхать, оставили мне денег на жизнь. Я сразу поехала в питомник и купила щенка эрдельтерьера – Гаврика. Папа был счастлив. Мой первый муж был охотником, и у нас был английский сеттер. Так что жизнь без собаки мне казалась неполной. И Зяме тоже очень хотелось, чтобы была собака. Но Нюра сказала: «Или собака, или я!» По деревенским понятиям грамотно держать поросенка, а собаку – во дворе, на привязи, для охраны, не в доме же!

По каким-то делам я была у родительских друзей Ивановых. И там была королевская пуделиха Сузи. Я к пуделям относилась прохладно, считая, что это такая сладостно-немецкая собака, сидящая при бабушке, которая занята вязаньем. Но Сузи! Большущее, черное, веселое существо с хвостом не веером – опахалом! «Чем вы ее кормите?» – спросила я. Хозяйка Галина: «Как обычно, овсянка, сырое мясо и т. п.». – «А что она больше всего любит?» – «Это я скрываю». Я: «Клянусь, никому не скажу». – «Знаешь кулинарию при ресторане в “Национале”? Там бывают рябчики. Можно про это рассказывать советским гражданам?» Хохочем. У Сузи скоро будут щенки...

Пудель Маврик

Дома рассказываю Зяме о Сузи и на просьбу описать говорю: «Ну, как Наташа Ростова на балу!» Сузи породистая, с паспортом, но Ивановы готовы с радостью подарить любого щенка, которого выберем, когда они родятся. А родятся они в начале апреля. Отнимать от мамы их надо в начале мая. Зяме приходит гениальная мысль: «Я принесу щенка тебе в подарок на день рождения (он у меня 9 мая), и Нюра ничего не сможет поделаться». Он был прав: для Нюры «хозяин», «мужик», «сам» оспорен быть не может. Но щенков отнимают 2 мая... Зяма забирает нашего и отвозит к Шуне на неделю. После работы я еду к маме, вхожу – и посреди комнаты сидит освещенный солнцем Он! И в этот момент второй раз в жизни у меня от восторга брызнули слезы!

Я всю жизнь считала, что это красивый литературный образ. До тех пор, когда совершенно неожиданно, глядя на «Крестьянку» Тропинина в Русском

музее, со мной это случилось. А в третий (и, увы, последний) это было, когда увидела церковь Покрова на Нерли. Рассказываю это, чтобы понятно было, какой истинно немислимой прелести был наш Маврик. Лучше собаки у меня не было ни до, ни потом. Выяснилось, что пудели действительно «короли». Его ничему не надо было учить, все знал сам. Но...

Маврику восемь месяцев. Завтра едем делать прививки. Вечером гуляем, бегаем с соседской овчаркой. Утром ветеринар говорит: «Собака больна. Наверняка у вашей вчерашней овчарки – чумка. Немедленно доставайте лекарство, лучше бы заграничное – чище». Соседи, не смущаясь, подтверждают, что их собака больна. «Как же не сказали нам?!» – «Да, простите...» По счастью, Зяма на гастролях с театром в Дании. После моего вечернего звонка утром диктует мне номер рейса самолета и имя летчика, с которым послал вакцину. Встретив, по дороге заезжаю за ветеринаром. Делает прививку и утешает меня, что все так в темпе и правильно сделано, что обойдется. Ни черта подобного! Год выхаживаем, отнимаются ноги, выносим на руках гулять, сижу ночами, держа на руках, чтобы было легче дышать, делаю по восемь уколов... Даже Нюра дрогнула – все время помогала, говоря: «Ведь живое вещество». Добиваемся, встает, даже бегают! Но через месяц рецидив, все по новой. Задние ноги отказывают... Приезжаю к ветеринару, самой душевной (к тому времени знаю, наверное, почти всех московских и часть подмосковных ветеринаров). Она говорит: «Вы сделали больше, чем возможно. Дальше нельзя, аморально, людям не следует на это смотреть, и пес мучается».

Кто-то мне рассказывал, что, если животное усыпляют, ты должен при этом присутствовать, чтобы не взяли на какие-нибудь опыты и исследования. Я и стояла... На всю жизнь запомнила: доктор взяла ватку, смоченную спиртом, и протерла то место, куда вкалывала смертельный (!) укол...

Испытала истинное горе, не заплакала, а закаменела. Катя, увидев меня и жалея, сказала: «Мама, еще я у тебя есть».

Глава 20

Опять жилплощадь

Необыкновенная Октябрина. – Квартира в «синем доме». – Дача в писательском поселке. – Долги. – Флаг.

Конечно, самое главное в жизни (это, как и всё, – субъективно) – люди, то есть любовь и дружба. Банально и поэтому всем известно, что с милым «рай и в шалаше». И тоже все знают, что гораздо лучше, когда «шалаш» просторный и с удобствами. Поэтому доскажу до конца квартирную тему.

Помотавшись три года по съемным квартирам, а потом обретя «свою» экспериментальную, мы были, естественно, счастливы. Хотя, конечно, я часто ворчала, складывая письменный стол, чтобы разложить тахту...

Как-то через несколько лет Зяма выступал со своим творческим вечером. Это было то ли в райкоме комсомола, то ли еще в каком-то такого рода заведении. Помню главное: организатором этого выступления была молодая женщина по имени Октябрина. Восхищенная овацией зала (успех был всегда), она попросила у Зямы разрешения проводить его домой. Естественно, он пригласил ее зайти.

Познакомились, поужинали. Чтобы посадить четвертого человека (нас трое), надо было разложить стол в комнате – она же спальня, кабинет, столовая – в кухне не помещались. Прошло месяца полтора, и вдруг раздался звонок – Зяму приглашали в жилуправление.

Рождественский рассказ!

Нам предложили (и это осуществилось!) трехкомнатную квартиру на первом этаже девятиэтажного «синего» дома на той же улице! Как?

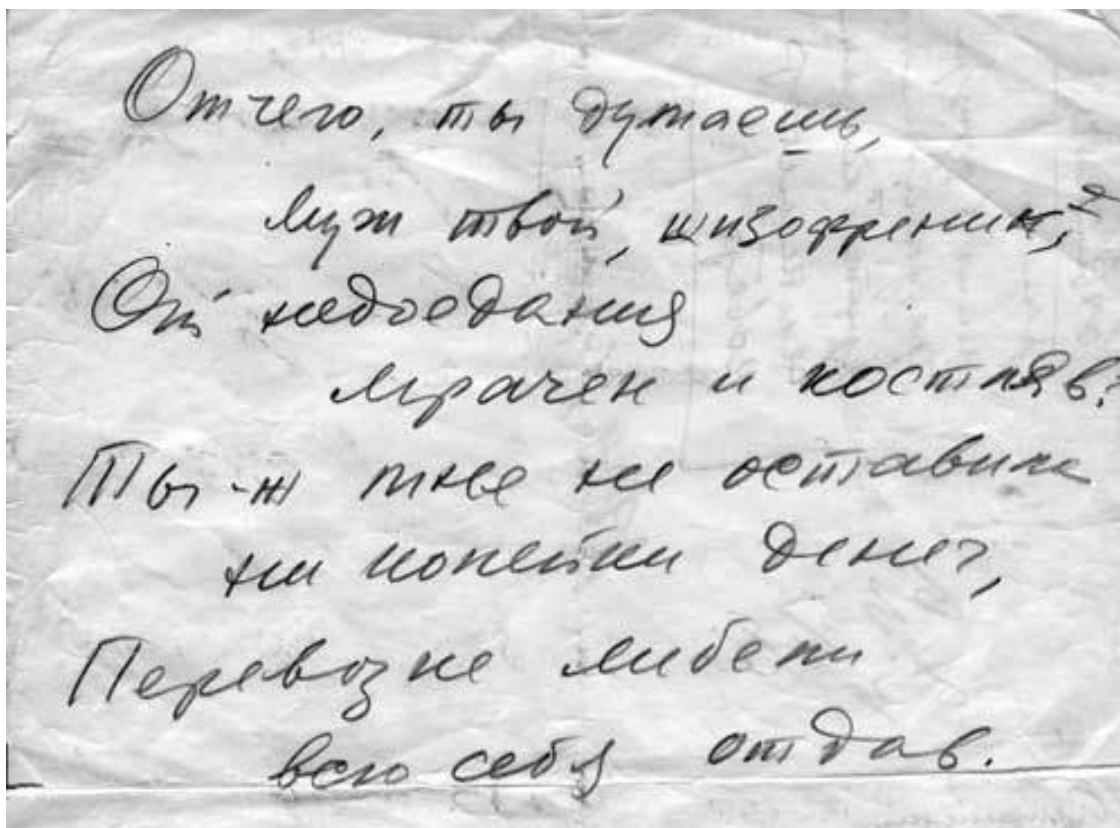
Оказалось, эта необыкновенная Октябрина была возмущена тем, что такой артист, да еще воевавший, инвалид войны, живет так непросто. И никому ничего не рассказывая, начала действовать, доказывая необходимость нашего переселения. Я – атеистка, но в церкви свечки ставлю. Октябрина у меня в числе тех, кого поминаю всегда.

* * *

Чудеса не кончаются!

Обустроив и эту квартиру – взяли построенный «кабинет», тахты, кровати заказали (благо научились считать сантиметры) огромный шкаф (жив и сегодня в нашем загородном доме). Заказывали это все на мебельной фабрике. А вывозить оттуда эти изделия чаще всего приходилось мне. Такую дивную записку от Зямы получила я, привезя в очередной раз мебель:

*Отчего, ты думаешь, муж твой, шизофреник,
От недоедания мрачен и костляв?
Ты ж мне не оставила ни копейки денег,
Перевозке мебели всю себя отдав.
Ты откроешь двери в новую квартиру,
На квадратных метрах будешь пировать,
Только в это время язва будет дыры
В двенадцатиперстной мне просверливать.*

Фрагмент записки

А туалетный стол Зяма сделал сам! Он тоже цел – стоит в избе на Валдае.

* * *

Еще до переезда в «синий дом» у нас появилась «дача». Летом, чтобы не держать ребенка в городе, снимали дачу. Сначала в Абрамцеве, а в шестьдесят седьмом году сняли в писательском поселке, который все называли Красная Пахра, хотя река Пахра дальше, а тут река Десна. Сосватали нас сюда друзья Верейские – Орест Георгиевич, художник, и его жена Люся. Сняли за их забором, через калитку, в которую к ним ходили, у Россельсов – добрейших людей, которые всегда кому-то давали приют. У них жили с дитем Ия Саввина (для незнающих молодых – большая артистка МХАТа), Белла Ахмадулина и ее две дочки с нянькой и еще, еще...

Прибежал, тоже из-за ближнего забора, писатель Воробьев Женя с сообщением: продается дача. Пошли посмотреть.

Оказалось, что это как бы продолжение дома Симоновых (Константина – на самом деле Кирилла Михайловича – с семьей), но принадлежащее другим людям. Вход через небольшую терраску в три совершенно крошечные комнатки и гаражик. Объяснили – это действительно было частью дома Симоновых, которую он отдал прорабу, пристраивавшему огромный кабинет к имевшемуся дому, в качестве платы за работу, так как денег не было.

И у советских «классиков» бывали такие времена, когда они попадали в немилость, их не печатали и, соответственно, с деньгами было плохо. Прораб – хозяин этого помещения и трети симоновского участка земли – умер. Его жене с двумя довольно непутевыми (так рассказывали) сыновьями было сложно управиться с владением. И она решила его продать. Но личность нового соседа должна была быть утверждена Константином Михайловичем. Думаю, что это справедливо. После каких-то двух претендентов, отвергнутых Симоновым, одним из которых был даже адмирал, на нас он согласился. Но мы сами были в немислимых раздумьях. Цена

была такова, что Зяма, называя ее, говорил: «Я артист, могу произнести что угодно, поэтому могу произнести и эту астрономическую сумму, но осилить ее – не представляю как!»

Это был год, когда он заработал свои самые большие деньги, сыграв практически одновременно в «Фокуснике» и «Золотом теленке» большие роли. Эти гонорары составляли ровно половину стоимости дачи... Обсуждали дома, с друзьями, мнения были разными. Умирали от хохота, когда Шуня при обсуждении суммы сказала, как о дополнительном расходе: «Не забудьте, вам еще придется купить флаг!» (В дни государственных праздников частные владельцы обязаны были вывешивать красный флаг – рассказываю для родившихся после советской власти.)

Мой, ставший и Зяминим, друг Юра Крутиков, я рассказала о нем в начале, уговаривал дачу покупать, а на то, что надо занимать огромную сумму, говорил: «Я научу, как это делать». Мы последовали его совету, как оказалось, вполне дельному, поэтому расскажу – может быть, кому-нибудь пригодится. Итак: вам нужна сумма в тысячу рублей. Вы занимаете по сто рублей у одиннадцати человек и эту одиннадцатую сотню кладете на книжку. Договариваетесь со всеми о сроках возврата долга. Если же кому-то требуются деньги раньше договоренной даты, снимаете с книжки, отдаете и немедленно ищите еще одного кредитора, чтобы положить вместо снятой. Я три года вела «амбарную» книгу, постепенно отдавали небольшими суммами долги, но продолжали жить, как привыкли: принимали гостей, дарили подарки...

Я и сегодня благословляю всех, кто «заставил» нас это совершить: Верейских, Воробьевых, Юру, а также Константина Михайловича Симонова, согласившегося взять нас в соседи...

* * *

Еще о флаге. Как-то летом в магазине канцелярских товаров в Литве я купила за два рубля флаг Советского Союза – сложенное в небольшой пакет полотно хлопковой ткани красного цвета с напечатанным золотом в углу знаком серпа и молота, естественно, без древка. Поэтому тот пакетик лежал и лежал. Наступил ноябрь, великие праздники. Главное – выходные. Все соберемся, независимо от погоды, на даче. Шуня с папой уехали туда, мы приехали на следующий день: на воротах привязанная к столбу веревкой длинная бамбуковая удочка. А к ее тонкой печально склоняющейся верхней части веревкой же прикреплен флаг!

Шуня все «починки» делала веревочками. Рукастый Зяма, умело по-настоящему чиня эти поделки, называл это «шунизмом». А потом, много позже, когда мамы уже не было и подобными починками пыталась заниматься я (но уже не с веревочками, а, используя прогресс, со скотчем), призывал прекратить «шунизм».

Хохотали, но, понимая окружение, которое воспримет такое вывешивание флага как издевку, а не патриотизм, сняли. К майским праздникам вывесили, сделав устройство для вставки флага. Теперь с древком лежит в гараже.

Глава 21

Дача, люди

Дом Верейских. – Наташа Ильина и Александр Александрович Реформатский. – Друзья на даче. Сколько имен! – Трио завистников.

Жизнь на этой столь сложным путём купленной даче была, особенно оглядываясь назад, замечательной. Конечно, благодаря людям.

К Верейским – Орику (так все звали Ореста Георгиевича) и Люсе (Людмиле Марковне) – ходили через калитку постоянно: и в праздники, и в будни. Их дом был, что в русской жизни называется, открытым. Это означает (надеюсь, что имею право определять, так как и с Зямой, и до сих пор наш дом считался и считается таким), что приходят по приглашению и без него, по собственному порыву, что я особенно ценю.

Это дом, в котором нет чинов и званий, гостеприимство одинаково ко всем. У постоянно бывающих есть привычные места. Конечно, запоминаются имена, но и «безымянных» соседей, и приведенных друзьями порой незнакомых людей всегда не только приветствовали, но и дивно кормили!

Во времянке Верейских жила Наташа Ильина с мужем Реформатским. Она, приехав из Шанхая, стала в России видной писательницей.

В Китае было довольно много послереволюционных эмигрантов из России. После и во время Второй мировой войны некоторые стали возвращаться. Например, Вертинский приехал в Москву в 1943 году. Давал концерты. Мы с Ирккой протырились на его концерт в Доме архитектора – тоже из незабываемых впечатлений!

Реформатский Александр Александрович – крупный, очень известный лингвист, серьезный ученый. Но и он, и тоже большой художник Орик находили время писать друг другу (будучи в одном дворе) дружеские, с дивным юмором, стишки. И с удовольствием зачитывали всем, кто присоединялся к экспромтной выпивке «поэтов».

В доме у Верейских. Орик и печальный Зяма

Конечно, это был поселок писателей, так и назывался «Советский писатель». Сегодня продолжает жить с этим названием. А в середине прошлого века были писатели, которые, уверена, предпочли бы определяться иначе – как просто русские или без определения – просто поэт, прозаик, драматург... Тендряков, Драгунский, Трифонов, Бакланов, Эрдман, Антокольский, Твардовский и другие... Называю тех, кто и сегодня не только в моей душе, но и в русской литературе.

* * *

Дружили, встречались домами с Драгунским (Зяма писал воспоминания о нем), Тендряковым (шутили над ним, но и восхищались его утренними пробежками за водой на источник), Трифоновым (особенно он был ласков и проявлял интерес к моему папе-теннисисту), Антокольским (с удовольствием читал стихи, когда встречались). А его дочка Наташа была в дружбе с Зямой еще со времен Арбузовской студии, а внучка Катя была подругой нашей Кати. А позже правнуки Павла Григорьевича Ваня и Вася дружили с нашим внуком Ориком.

Рязанов и Гердт выпивают

Петр Тодоровский и Гердт не только выпивают, но и поют

Было редкое по единению, особенно для советского времени, поселение... Конечно, группировались по взглядам и жизненным позициям: Кремлев, написавший четырехтомник «Коммунисты», в гостях не бывал.

У Верейских часто бывал скульптор Цигаль. Один из его сыновей помогал нам с Катей, когда ставили памятник Зяме, придя к нам совсем не через папу. Бывала все еще красавица Людмила Алексеевна – жена ушедшего из жизни Алексея Толстого. Однажды при мне требо-

вала от Твардовского, чтобы он высказался в печати на очень критичную статью Бунина (в Париже) относительно Алексея Николаевича. Александр Трифонович очень мягко, но с большой иронией ответил: «Вы хотите, чтобы я защищал Толстого (!) от Бунина?»

Праздновали Новые года, ходили из одного дома в другой. Кого только не было!

Артисты Миронова и Менакер, их сын Андрюша. Веня Смехов, сначала с первой женой и маленькими дочками. Старшая Алика стала видной артисткой, а в детстве, когда я почему-то гуляла с ними, не хотела идти домой и «простудила» меня. Потом Веня познакомил с «окончательной» Галей. Дружу с ними до сих пор. Веня не играет в театре, а делает поэтические программы. И стал Артистом, то есть *Художником*, гораздо большим, чем когда был актером, причем очень хорошим!

Режиссер Ромм! Михаил Ильич приходил с магнитофоном (еще ленточным!), на который были записаны его рассказы на самые разные темы: и о съемках, и о людях, и еще много о чем. Но это было дивно, потому что ни одного сбоя со вкуса. Рассказ с пленки шел очень интонационно окрашенным, а он, сидя рядом с магнитофоном, шевелил губами и проговаривал беззвучно весь текст. Очень обаятельно.

Кстати, задумалась вдруг: что важнее – красота или обаяние? По моему – обаяние. Красота бывает холодной и скучной, а если с обаянием, то непобедима. А обаяние, даже при фигóвых физических данных, всегда неотразимо! Примеров туча!

На очередном юбилее Михаила Ильича Гердт, Тодоровский и Рязанов спели такие куплеты:

Трио завистников Солисты электрички Потылиха – Гнездниковский, далее нигде

*Послушайте, граждане, дамы, мужчины, —
Мы лить здесь не будем елей.
За что, почему, по какой же причине
Устроили сей юбилей?*

*На вид ему дать не могли б и полста мы, —
Пусть паспорт предъявит скорей!
Ответь, Кулиджанов, нам честно и прямо:
Кому тут дают юбилей?..*

*Людями тут образ его приукрашен
Со всех визуальных сторон:
Ведь он не Старшинов, не Фирсов, не Яшин⁵, —
К чему же весь этот трезвон?!*

*Не знает он бремя сурового время.
Чужих не играет ролей...
Он горя не знает, лишь фильмы снимает —
За что ж тут давать юбилей?*

*Хранит его муза, отсутствует пузо,
Не ведает острых болей,
Позвольте спросить руководство Союза:
Не рано ль давать юбилей?..*

*Когда человек уже дергает глазом
И в спазмах уже апогей,
Когда налицо полноценный маразм,
Тогда и давай юбилей.*

*Давно ли в том зале мы дату справляли
В присутствии видных людей.
Промчались годы, как веиние воды.
И здрасьте, опять юбилей.*

*Пусть знает общественность нашей столицы,
Что есть храбрецы среди нас,
Которые здесь, невзирая на лица,
Откроют всю правду сейчас.*

---

⁵ Знаменитые спортсмены.

*Мы землю разроем, но правду откроем,
Какой он у нас молодец —
Поняв конъюнктуру, забросил скульптуру,
Пролез в режиссуру, хитрец!*

*Обратно заметьте: нормальные дети
Сызмáльства несут всякий вздор,
А этот – едва появился на свете —
Восторженно крикнул: «Мотор!»*

*Был смолоду Мишка смышленный мальчишка —
Парижскую книжку извлек.
У нашего Мишки хватило умишка —
Он сдобную Пышку испек...*

*Но с ним обойдется история круто,
Он будет потомкам не мил
За то, что бессмертные замыслы Прута
В «Тринадцати» так искажил...*

*Пекло его солнце, морозила вьюга, —
Терпел он неважных вещей...
В минуты досуга предвидел, хитрюга,
Что будет ему юбилей...*

*А как поступил юбиляр с Кузьминой?
Пусть знает советский народ:
Он сделал артистку своей женою —
Все делают наоборот!*

*Художник меняет любовные фазы
От переполнения чувств,
А он с Кузьминой не развелся ни разу —
Какой он работник искусств?..*

*Поступок еще совершил аморальный,
Когда к аппарату прирос
И снял не какой-нибудь там актуальный,
А русский – заметьте – вопрос...*

*Кто б мог оправдать режиссера, который
В паденьи дошел до того,
Что – стыдно сказать – уважает актеров...
Ну, явно, товарищ... тово...*

*И только однажды всю силу таланта
Он в кинокартину вложил,
Когда с Казаковым на улице Данте
Убийство одно совершил...*

*Какая погода! Какая природа!!!
Снимать и снимать бы о ней...
Так нет! Юбиляр-то из целого года
Заметил всего девять дней!..*

*В картине своей полудокументальной,
Где, в общем-то, есть артистизм,
Он всем показал нам довольно банальный
И Обыкновенный фашизм...*

*Сейчас он затеял одну эпопею,
Эпопее всех эпопей...
От этой затеи он сам пожелтеет
И станет немного косей.....*

*Тут бьют барабаны, грохочут литавры,
Ему же на все наплевать!
Он вместо удобной почевки на лаврах
Пойдет снова копыа ломать...*

*Пролез в ветераны, пролез в стариканы,
А многих он тут пошустрей...
Товарищ Романов, давай без обманов,
Давай, закрывай юбилей!*

*Естественно, Ромм все прикроет банкетом
На тысячу новых рублей.
Но так как мы правду пропели про это,
То нам не сидеть средь гостей.*

*Пойдем же к буфету и а-ля фуриетом
Отметим его юбилей...*

Петр Тодоровский и Таня

Глава 22

Атмосфера жизни

Еще дача, еще люди. – Орик Верейский. – Николай Робертович Эрдман. – Дети и внуки. – Новогодние стихи.

У Верейских... Зяма, Орик, Таня

Конечно, главным человеком в поселке для Зямы и меня был Орик Верейский. И не только для нас. Он был редкостным экземпляром творческих людей, которые понимают размер своей одаренности, таланта. У него был свой голос, негромкий, но очень личностный. Я думаю, только это вообще дает право творить: должен быть свой, пусть даже тихий, но свой, узнаваемый голос. Иначе после Рембрандта, Феллини, Чаплина, Чайковского (слава богу, список длинный!) не пришли бы в мир очень нужные художники, режиссеры, актеры и пр. – полностью самостоятельные, со своим звучанием. Такие люди не употребляют слово «творчество», а говорят «работа». Твардовский не мог о себе сказать: «поэт», а говорил «стихотворец» (или «стихосложенец»). Орик говорил: «Моя работа». Относился к своим картинам критично: даря мне понравившиеся очень «Березы», сказал: «Повесь в проходном месте, в коридоре». – «Почему?» – «Надоедят».

Эльдар Рязанов и Таня Правдина на прогулке

С Орикиной женой, Люсей, дружили. Когда, довольно часто, о ней говорили не очень хваля, я вставала защищать грудь. Что впоследствии оказалось ошибкой и показало мне, что я значительно менее умная, чем про себя думаю: по-моему, главный показатель наличия ума – понимание людей. Но даже и в те времена некоторая претензия к Люсе у нас была. У Орика от первого брака была дочь, а Люся ее не принимала, а потом и две внучки. Орик виделся с ними в Москве, втайне от Люси. Зяма все время предлагал стукнуть кулаком... Мы познакомились с ними на Орикиных сороковинах. Люся позвала их в московскую квартиру, и они организовывали и обслуживали застолье... Потом было несколько поступков со стороны Люси, которые меня так убили, что я не пошла ее хоронить, похоронила раньше. Не рассказываю подробностей, потому что, может быть, это все-таки субъективно, очень хотелось бы...

Обо всех не расскажешь, главное, что было, – атмосфера жизни. Несмотря на гробившие души события, поведение властей, стыд за эти действия (например, шестьдесят восьмой год – наши танки в Праге!), восприятие было общим. Шутили: Элик (Рязанов) и Зяма откликнулись:

*«Епишев и Гречко
сели на крылечко,
завели душевный разговор:
что это за субчик —
Александр Дубчек...»* и т. д.

Становилось чуть легче.

Рязанов, разведясь с Зоей, вел себя достойно – дачу оставил ей. А через некоторое время купил дом у Наташи Ромм (вообще-то Кузьминой-Барнет, но дочкой она была замечательной именно Ромму). Поселились и Тодоровские.

Об Элике и Пете я написала в книге «Зяма – это же Гердт»⁶. А скажу о Николае Робертовиче Эрдмане. Они с женой, бывшей балериной, очень энергичной дамой, купили участок недалеко от нас. Жили в благоустроенной времянке, но жена занялась строительством, по этому Эрдман должен был вкалывать – писал сценарии и много чего еще.

---

⁶ «Зяма – это же Гердт!» ДЕКОМ, Нижний Новгород, 2013 г., стр. 102.

Н. Р. Эрдман

Николай Робертович, как и мой папа, был арестован, прошел лагерь. Его имя было велено убрать из культового фильма «Веселые ребята», где он был сценаристом вместе с Владимиром Массом.

Оказалось, что в еще для всех долагерные времена он и его брат-художник дружили с моими родителями. Художник Борис (надеюсь, что не ошибаюсь) играл с папой в преферанс, причем и после папиного возвращения. Я его помню, он к нам в подвал приходил. А Николай Робертович дружил с Шуней и теперь на Пахре приходил скорее к ней, чем к нам.

Но он был такой замечательный, что мы его обихаживали, и он поддавался. Мы тогда еще не занимались расширением пространства дома и стройкой, и Николай Робертович говорил: «Вот у вас уютно, а у нас, по-моему, строят мавзолей».

Как-то был смешной случай. Я сидела и работала. Мне надоело, и я стала играть в игру: составлять список людей, без которых я не могла бы жить, если бы вдруг мне пришлось жить за границей. Тогда была бурная волна отъездов. Подошел Николай Робертович, заглянув в мою писанину (все любили смотреть на рукописный арабский текст; Марк Бернес, однажды, посмотрев, сказал: «И этот рассыпанный чай ты сама нарисовала?»), увидел список. Я объяснила, что это. Он, совершенно не шутя, очень строго сказал: «Никогда никаких списков, даже играя! Однажды я тоже устал от сценария и стал играть, составляя список:

кто придет на мои похороны? А потом второй: кто придет на мои похороны в дождливый день? Объяснить на допросе следователю, что это такая шутка, мне не удалось – в НКВД вызвали всех! Понятно?» – и ласково поцеловал мою голову.

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis – времена меняются, и мы меняемся с ними, очень удобное выражение! Часто очень многое, вполне неблагоприятное, им оправдывают. Конечно, не меняться – глупо. Но когда к худшему – обидно...

Сегодня температура жизни в поселке другая. Я даже не знаю имен соседей...

Общались по поколениям – Катя собирала девочек и мальчиков. Катю Тоом (внучку Антокольского), Мишу Ромма (Аллилуева), Сашу, Саню Симонову, Пашу Венгрова: «Будем делать кукольный спектакль» (у нее был чемодан перчаточных кукол). «А пьеса?» – «Сейчас напишем!» И делали! Подрос мой внук Орик, и у него были товарищи: Вася – внук поэта Вадима Сикорского, Ваня и Вася – правнуки Антокольского (Катины сыновья), Саша Мусатов, Валя Трифонов. Вместе ходили на лыжах, а летом строили шалаши, ходили купаться – речка позволяла, плавали на байдарках... Не люблю этого слова – «нормально», но в данном случае применимо к образу жизни.

Он (образ жизни) изменился, но, уверена, человечество спохватится и от Интернета и «Скайпа», используя их, вернется к определенному природой (для кого-то Богом) поведению: ведь детей все равно рожать необходимо, а для этого надо общаться потеплее!

* * *

Легкая атмосфера рождала и легкость в мыслях. Так, на встречу Нового года 1968/1969 Зяма написал:

*Средь сосен ушастых
Я рюмку подъямлю
За частную землю,
За личный участок!
Который любезно
Помог нам сегодня
Встречать без Любезнова⁷
Час новогодний!*

*Пройдем же по кругу
Душою и взглядом
И выпьем за друга,
Сидящего рядом.
Без друга мы сладкой
Не знали бы жизни
При этих порядках
И дороговизне!*

*Друзьями обласкан,
Живу как в нирване —
Не существованье,*

---

⁷ Средний артист, мелькавший в телепередачах на Новый год.

*А дивная сказка.
И лучшую долю
Хочу я едва-ли
За Галю и Толю!⁸
За Толю и Галю!*

*За числимых в пьяни,
Но ставших друзьями
Прекрасной Татьяне,
Небесному Зяме,
За гибнувших без вести
И без наследства
Апостолов трезвости
И домоседства*

*Противников НАТО,
Поборников МУРа,
За Шуру и Тату!⁹
За Тату и Шуру!
Хоть мы на закате,
Но трижды нас хватит,
Чтоб выпить за Катю,
За Катю, за Катю!*

*Старались усердно
И создали боги
Супругу для Гердта
В конечном итоге.
За это созданье
Хвала мирозданию!
За Таню, за Таню
И снова за Таню!*

*За тех, кто Татьяну
Доверил мне в жены,
Пред кем постоянно
Стою пораженный
Отвагой и мощью
И духа, и чести
За тестя и тещу!¹⁰
За тещу и тестя!*

*Глазами беспечно
По лицам скользя, мы
В итоге конечном*

---

⁸ Друзья – муж и жена Ветчинкины.

⁹ Друзья – Александр (муж) и Наталья (жена) Ширвиндты.

¹⁰ Александр Викторович Правдин и Татьяна Сергеевна Шустова.

*Добрались до Зямы!
Любим он друзьями,
Женою и дочкой.
Навеки он с вами.
И выпьем. И точка.*

Глава 23

Невозможное состоялось

Хватит лирики, опять быт. – Квартира в «красных домах». – Домашние речения. – Сын Зямы Сева.

Но рождественская линия не кончается. Через несколько лет к нам в гости, тоже после какого-то Зяминого выступления, попал хоть и высокий чиновник, но явно теплокровный человек. Он возмутился нашей квартирой, сочтя, что спальня и столовая-гостиная не могут быть одним помещением, хоть и разделенным книжным шкафом. И опять нам позвонили из главного московского жилуправления. Там Зяму спросили (!), что бы он предпочел: квартиру в новом доме или «за выездом». Так называлась бывшая коммунальная квартира, жильцов которой расселяли. Конечно, за выездом.

И нам стали показывать разные коммунальные квартиры, предназначенные на расселение. Одна была вообще феерической: передняя метров тридцать, такая же кухня и четыре комнаты. Но располагалась она в доме, стоящем над светофором на перекрестке Садовой и Земляного вала. Так что когда мы стали разговаривать с жившими там людьми и услышать их из-за уличного шума не смогли, то поняли, что надо, как ни жаль, отказаться. Хотя они и убеждали, что «привыкнете». Мы понимали, что «не успеем». И вдруг предложили квартиру на седьмом этаже (мне, после половины жизни в подвале!) в знаменитых «красных домах» в тихом большом дворе на улице рядом с Ленинским проспектом, то есть в стороне города, ведущей к даче!

Уходя после осмотра и стоя у лифта, я сказала: это так шикарно, что состояться не может! Но состоялось!

Люди, три семьи, жившие в этой квартире, были счастливы – все получили отдельное жилье и, смешно вспомнить, благодарили нас. Мы объясняли, что за это надо благодарить, как ни странно, советскую власть. Все смеялись.

Нам разрешили оставаться в прежней квартире, пока делаем ремонт в этой бывшей коммуналке. И Зяма, и я, научившиеся считать квадратные сантиметры, следили за ремонтом. У нас был потрясающий маляр, старой школы. Когда я восхитилась покрашенной дверью, он сказал: «Вы что, я ее только зашпаклевал!» (говорят ведь «шпаклевать», хотя на самом деле – шпатлевка). А плотники были другие. Как-то Зяма сказал, что после спектакля на минутку заедет на ремонт. Уже очень поздно, жду, жду, мобильников тогда еще не было, приезжаю: он бегаёт один, работников никаких нет, и сам себе громко кричит: «Но вертикаль, должна быть вертикаль!» С тех пор, когда что-нибудь не так сделано, у нас дома говорим, конечно же, – «вертикаль должна быть вертикаль!».

Думаю, что это у всех – какие-то речения, запомнившиеся, употребляются по разным случаям. Мой родной дом в центре старой Москвы, недалеко от Кремля, – палаты Шуйского. Жили в полуподвале: входили в подвал, еще спускались пять ступенек вниз и оказывались в бельэтаже, так как дом стоит на горке. Лесенки были по обеим сторонам подвала (там была кухня). Я сидела внизу в одной комнате, а Шуня шла из другой через кухню. Я крикнула ей: «Мама,хвати тряпку». Без паузы она крикнула мне в ответ: «Я иду без остановки!» С тех пор, отказываясь что-нибудь сделать, у нас говорят, играя в скорый поезд: «Я иду без остановки». Еще удобно взять на вооружение: однажды Гердт ехал по Воробьевской набережной и свернул налево к университету, но не на ту дорожку, на которую следовало, а раньше. Тут же понял, сразу затормозил, подал два метра назад и поехал правильно.

Раздался свисток. Сразу остановился. Подошел тогда еще милиционер, а не полицейский, и Зяма протянул ему документы, вежливо говоря: «Вы же видели, я понял свою ошибку и, никому не помешав, ее исправил». Мент, розовощекий, молодой, наверное, в силу этого Гердта и не узнавший, приказал ему выйти из машины. Зяма вышел и вместо привычных от гаишников слов: «Какие творческие планы, Зиновий Ефимович?» – услышал, как юный инспектор сказал: «Учишь вас, учишь, толку чуть!» Обычно очень мягкий Гердт сорвался и кричал что-то вроде: «Тебя еще не зачали, а я уже был за рулем». Конечно, с тех пор и по сей день семья укоряет друг друга: «Учишь вас, учишь...»

Когда мы въехали в эти, в то время не только для нас, но и для многих, хоромы, проявился очень впечатляющий эффект. Новоселья как отдельного приема не было, но, естественно, «гость» шел косяком. Все бывали у нас и раньше, во время нашего проживания сначала в чужих, снимаемых квартирах, а потом и в своих, конечно, не идущих ни в какое сравнение с сегодняшней. И было сразу видно, кто искренне радуется за нас, зная предыдущие мытарства, а кто только завидует! Печальное ощущение... Настало время трудное, но замечательное – надо было обставлять хоромы! Замечательное потому, что интересно, а трудное потому, что ни уютной мебели в магазинах, ни денег на ее покупку не было. Я сейчас, написав это, подумала: а когда в той жизни мы покупали что-нибудь весомое, не хлебной необходимости (ковер, автомобиль, украшения, мебель), не залезая в долги? И это притом что хорошо зарабатывали. Зяма, переводя театральную зарплату сыну, зарабатывал, снимаясь и озвучивая в кино, выступлениями в сольных и сборных концертах. Я имела в своем издательстве почти самую высокую зарплату. Подрабатывала переводами арабских фильмов и всяких текстов для ЦК нашей партии.

Однажды попался странный текст, и я спросила у них в международном отделе: что за текст, как будто не арабом написан? Мне ответили, что это перевод с иврита. Я предложила, чтобы нас, арабистов, поучили, мы быстро бы выучились и переводили бы с оригиналов. Посмеялись... Когда-то, еще в Институте востоковедения, я была на третьем курсе, нашу переводческую группу начали обучать ивриту. Был замечательный профессор Майзель. Радовался, что мы быстро схватывали – нам было легко, языки ведь имеют общего прародителя, арамейский язык. Но недолго музыка играла: был 1949 год, и через полтора месяца учеба закончилась, а профессора, естественно, арестовали как космополита...

Дорогие мои собеседники-читатели! Я, перечитав вышесказанное, поняла, что не рассказала об одном обстоятельстве. До войны в студии Арбузова и Плучека у Зямы был роман с актрисой Машей Новиковой. Но вместе они не жили, общий суп не варили. А перед уходом на фронт Зиновий Ефимович повел ее в ЗАГС, чтобы она имела льготы, положенные женам военнослужащих. Переписывались. Писал дивные письма. Но! Наверно, любовь была не столь глубока, потому что не перешибла его погруженность в русский язык и любовь к нему. Язык был частью его жизни. И если русский язык оказывался не совсем тот, Зяму это отводило от человека.

В конце войны он лежал в московском госпитале. Жена приходила, навещала его. Иногда накоротко Зяму даже отпускали из госпиталя на костылях. В общем, отношения супружеского толка между ними снова возникли. Но он для себя уже все точки над *i* поставил. Узнав, что будет ребенок, он сказал: «Это ты должна решить сама. Я не откажу в помощи, но жить вместе мы не будем». Став артистом театра Образцова, отдал распоряжение в бухгалтерию перечислять всю его зарплату на счет матери сына. Маша дала сыну свою фамилию – Новиков. Так шло

до тех пор, пока Сева, так зовут сына, не окончил институт и начал работать. Пока Сева был маленьким, Зяма навещал его, но не очень часто. Севина мама, конечно же, была однолюбка, страдала и надеялась. Его приход к ним всегда кончался сценой с Машиной стороны.

Сева Новиков, Зямин сын, в момент знакомства с Таней

Естественно, мне все было рассказано. Я попросила, чтобы Сева к нам пришел. Он уже подросток и мог сам ездить. Мама разрешала. И как-то Сева пришел к нам еще в съемную квартиру, и было поздно. Я позвонила Маше и попросила разрешения Севе остаться ночевать. Ночью Зяма сказал: «Первый раз сплю с сыном под одной крышей». А потом, каким-то летом, он жил с нянькой и Катей у нас на даче в Абрамцеве.

Став взрослым, познакомил с одной женой, потом и со второй. Но, очевидно, имея даже не осознанную обиду за маму, душевной близости к отцу не испытывал и бывал редко.

Я позвонила ему осенью 1996 года, когда Зиновию Ефимовичу стало заметно хуже. Он приехал, увидел, в каком состоянии отец, спросил, нужна ли помощь. Я сказала, что справляюсь. Если честно, предполагала, что он сам будет проявлять инициативу. Но он не появился. И последний раз я видела его на похоронах Зиновия Ефимовича... У меня нет ощущения, что и материально, и морально мы обделили его вниманием. Я считаю, что старые не должны навязываться молодым. Если я Севу найду и спрошу, почему он исчез, это может положить на него тягостные обязательства. Инициаторами общения должны быть молодые. Счастлива – имею практические доказательства...

Глава 24

Дрожащие колени

Работа на партию. – Загородная дача. – Дворец съездов. – «Вы и поправьте...».

Раз я вспомнила о работе в ЦК, расскажу, раньше рассказывать об этом категорически было нельзя.

Перед съездами КПСС или какими-нибудь международными съездами, например коммунистических и рабочих партий, собирали группы специалистов по западным и восточным языкам. Многих брали из языковых редакций нашего издательства, с иновещания радио, из АПН. За неделю до начала съезда снимали с работы и везли на загородную дачу, скорее, небольшой дом отдыха для среднего звена партруководителей. Со всеми удобствами, но обнесенный колючей проволокой, за которую выходить не разрешалось. Мы считали себя (потому что нас так считали) на казарменном положении. В коридоре был один телефон, с которого позволялось звонить. Нам звонить не разрешалось, а до мобильных было далеко.

Как-то, позвонив Кате, услышала: «Мама, у тебя такой голос, как будто на тебя направлено ружье!» А оно так и было: около телефона стоял военный, правда, не с ружьем, а с автоматом...

Начиналась работа. Нам приносили текст доклада (он был главный) генсекретаря. Переводили, редактировали, перепечатывали. Через некоторое время приносили поправки. Это повторялось неоднократно.

Накануне открытия съезда или заседания вечером отвозили в Москву, а утром, конечно, по пропускам, приходили в Кремль, во Дворец съездов. Попав туда в первый раз, были удивлены бездарностью устройства: ведь это не концертный или театральный зал, а Дворец съездов, а работали на узеньких столах гримуборных! Для синхронных переводчиков – тесные душевые кабины, для журналистов – небольшое количество телефонов и т. п. Потом удивляться перестали... Переводили на русский выступления арабских деятелей. Однажды это было не во Дворце съездов, а в Большом Кремлевском дворце на совещании коммунистических и рабочих партий, которое было созвано в 1968 году после вхождения наших танков в Чехословакию. Во многих странах начался повальный выход из компартий.

Выступления бывали зачастую очень резкими.

Мне досталось переводить выступление главного партийца из Судана. Забыла его имя, но помню, что он был очень образованным, окончил то ли Кембридж, то ли Оксфорд. Я сдала перевод, и где-то часа в два ночи меня вызывают к инструктору ЦК. У него в руках перепечатанный текст моего перевода, мною считанный. Он показывает мне строчки, где как раз идет резкая критика. Дает написанный им вариант этого куска и предлагает мне исправить на его вариант, полностью изменяющий смысл сказанного на абсолютное одобрение. Я вынимаю оригинал, написанный суданцем, нахожу это место и говорю, что изменить не могу, так как предлагается совсем другой смысл.

– Тем не менее надо поправить, – говорит он.

Я с дрожащими коленями говорю:

– Вы и поправьте, а здесь стоит моя подпись и я себе позволить подлог не могу.

На тех же коленях возвращаюсь к своим, рассказываю, все в панике, что мне врежут. Если он и исправил, то относительно меня повел себя прилично – никаких последствий не было.

Много лет спустя мы встретились. Я с Зямой была в Израиле, и нас пригласили к нашему послу Бовину. «Познакомьтесь», – а я, узнав своего инструктора ЦК, не успела произнести фразу «А мы знакомы», потому что получила вполне ощутимый удар: Зяма лягнул меня ногой. Был прав. Бовин

был прекрасный человек, порядочный, и напоминать ему о вынужденных обстоятельствах, конечно же, не следовало.

Пишу об этом, потому что сегодняшние поколения пока что воспринимают такое как абсурд. Но надо, чтобы не потеряли присутствия духа и не позволили страху возобладать...

Глава 25

Встреча с Эрнстом Н.

Гастроли в Швейцарию. – «Сорок первый». – Эрнст Неизвестный. – Переводчица Инна. – Жить могу только дома.

1976 год. Театр на гастролях в Швейцарии. Я уже езжу с Зямой. Все живем в Цюрихе и на автобусах вместе с декорациями выезжаем в разные города. Сегодня – Берн, столица Швейцарии. С нами на редкость ужасный «сорок первый» – кагэбэшник. Перед спектаклем в своей уборной Зяма надевает рабочую форму. Кроме меня здесь еще Мартын Хазизов – гитарист. Стук в дверь, входит человек и протягивает Зяме открытку. Смотрим – фотография Эрнста Неизвестного. На оборотной стороне написано: «Дорогой Зиновий, передайте моей маме привет. Зиновий, Bravo! Эрнст Н.». Естественно – вопрос: «Он здесь?» – «Да». Мы, как идиоты, опять: «А что же он не зайдет?» – «Он не хочет доставить вам неприятности. Сегодня всё ваше посольство здесь». И тут мы понимаем, что этот человек тоже бывший «наш» и знает, что мы «не имеем права» общаться с «изменниками». Я выскакиваю из гримерки, бегу по узкому фойе театра, вижу «сорок первого» далеко от этой гримерки. Добегаю до скопления публики и в одной группке вижу Эрнста. Естественно, почти подлетаю, но замедляюсь, увидев его глаза, показывающие, что обниматься нельзя. Улыбаемся друг другу и кратко пожимаем руки с таким же кратким «здравствуйте». Но... кончается спектакль, Зяма выходит кланяться последним. И кланяется не стоя, а проходит по сцене – чего обычно не делает. А сейчас идет, чтобы подойти к тому краю, где у самой сцены стоит Эрнст. Гердт пожимает руки стоящим у сцены, чтобы в конце пожать Эрнсту...

Зяма переодевается, сидим сначала в гримерке, потом на улице. До отъезда надо ждать часа два – пока рабочие погрузят декорации в грузовой автобус и поедут со всеми в гостиницу в Цюрих. И Зяма, и я молчим, чувствуем себя ужасно, униженно – явно не смеем плюнуть на кагэбэшника и провести эти два часа с Эрнстом...

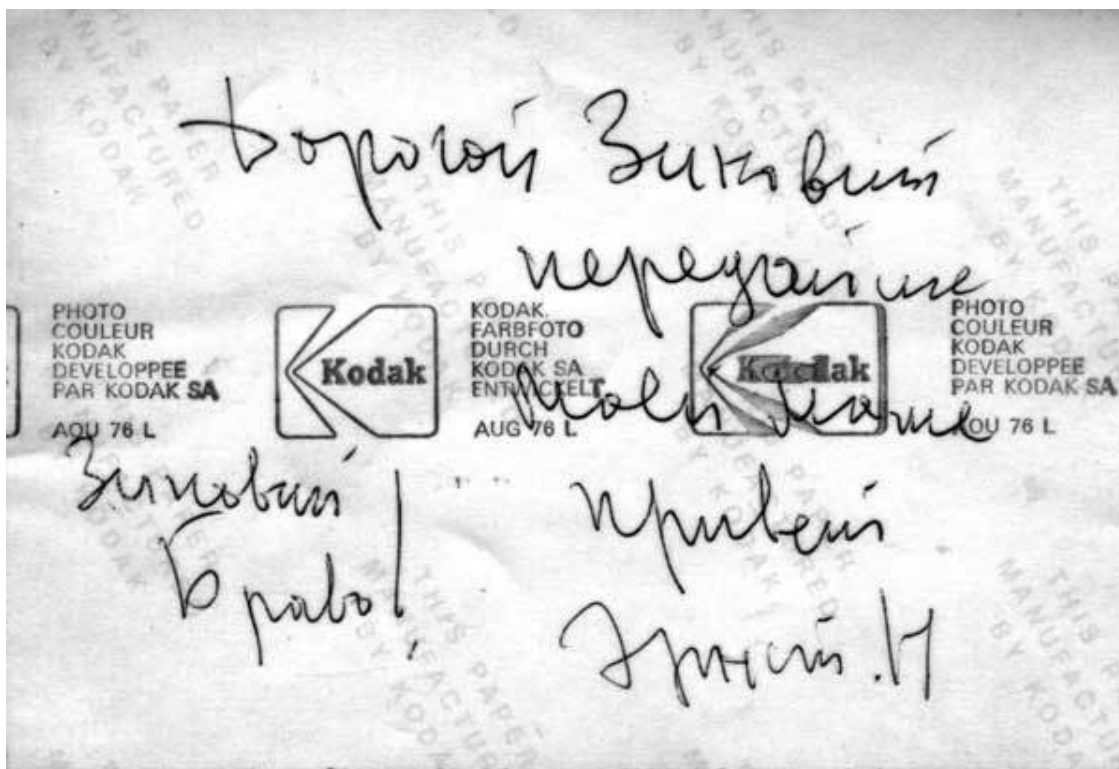

Эрнст Неизвестный в Швейцарии

* * *

Говоря о Швейцарии, вспоминаю, что именно в Цюрихе поняла полную невозможность для себя жить в любой стране, кроме своей, кроме Москвы и (удивительно!) Валдая. Гуляли с Зямой по Цюриху, сели на скамейку около какого-то большого магазина. «Я устала, посижу, а

ты иди», – сказала я и стала издали рассматривать витрину. Всё мне подходило – и костюмчики и мокасины, все в моем духе! И вдруг я представила, что я тут живу. Сколько я тут стою? С театром работала переводчица Инна. Она кроме немецкого (родного), французского (чуть слабее) знала русский, говорила с небольшим акцентом, читала, но писать не могла. Наши рабочие сцены попросили меня спросить у Инны, где в Цюрихе «поляки». Это такие торговые места, которые были во всех европейских городах (есть ли теперь – не знаю), которые торговали дешевкой, как раз по нашим деньгам. Я спросила ее в присутствии ребят, она ответила, что не знает такого понятия. «А где вы покупаете?» – «Где вижу то, что мне понравится».

Мы с Зямой были в гостях в их с мужем доме. Половина второго этажа была библиотека, сделанная как настоящая – со стеллажами, указателями. В очень большой части – русская. При этом кроме книг «тамиздата», много старинных изданий. У Инны и у мужа было по автомобилю и еще один большой общий – для путешествий. Я прикинула и поняла, что столько, сколько Инна, я стою.

* * *

И вдруг, сидя на лавочке посреди чужого города, я представила: я тут живу! Меня охватил неожиданный ужас, вероятно, изменивший выражение моего лица, потому что подошедший в этот момент Зяма сказал:

– Что случилось?

Я рассказала про свои мысленные рассуждения.

– И что, к чему пришла?

– Никогда! Ни за что на свете!

– А если выбирать: концлагерь или заграница?

– Концлагерь!

Зяма:

– Почему?

Я:

– Жуткие, но свои.

Я не только не осуждаю уехавших и понимаю их доводы, есть такие, по которым скучаю и которых люблю. Хотя они перестали быть моими единомышленниками...

Но отмщение за это швейцарское унижение произошло!

Глава 26

Слава Ростропович

Поручение советника по культуре посольства СССР. – Репетиция с датским оркестром. – С Образцовыми на концерте Славы.

Через год театр на гастролях в Дании, в Копенгагене. Сидим в номере, Зяма с переводчицей повторяет текст «Концерта» на датском языке. А я, продираясь сквозь этот язык, ищу в газете, идет ли, а если да, то где, фильм «Пролетая над гнездом кукушки». Нахожу. Но нахожу и объявление о концерте Ростроповича! Показываю переводчице, чтобы убедиться, что я правильно поняла. Да! Концерт через два дня. Слава Ростропович – еще более одиозный «уехавший», но и Зяма, и я почти одновременно говорим: «Все, плюём, обязательно повидаемся».

Выходим гулять, спрашиваем у переводчицы, какой отель самый старый и фешенебельный. Ответ: Winter Palace. Идем туда, спрашиваем, ждут ли они Ростроповича. Очень любезно говорят, что ночью ждут, дают номер телефона в его номере. На следующий день Зяма звонит. Слава берет трубку.

– Радость моя, Славочка, здравствуй!

– Здравствуй, да чья это я радость?

– Это Зяма Гердт и Таня со мной.

– Ребята! Жмите ко мне, у меня небольшое интервью, потом позавтракаем, и, если хотите, со мной на репетицию! Жду!

Зяма идет к Образцову заявить, что мы идем встречаться с Ростроповичем, что бы потом ни сказали. И вдруг! У Образцова сидит советник по культуре посольства СССР в Дании. Выслушав Зямыны слова, он неожиданно говорит: «Как прекрасно, а мы раздумывали, кого попросить об этом! Пожалуйста, вот номер телефона нашего посла, попросите Ростроповича ему позвонить, он хочет с ним встретиться».

Не очень поняв, что все это значит, идем в Славин отель. В фойе группа журналистов, перед ними Слава. Видит нас, извиняется, целуется с нами и шепчет, что он сейчас быстро от них отделается. И действительно, очень быстро отвечает им всем, разговаривая на английском. Была удивлена, что произношение, при его-то слухе, было ужасным!

Идем на второй завтрак в гостиничный ресторан. Милая беседа – Зяма говорит, что за завтрак платит он. Слава, крутя хохол, вспоминает:

– У тебя гонорар или суточные?

– Суточные.

Спрашивает, сколько дней гастрولي, перемножает в голове и хохочет.

– На завтрак без вина хватит!

Передаем просьбу позвонить послу. Слава:

– Кто посол?

Зяма:

– Егорычев.

– А, это который был в Москве главным партийным секретарем? Ему позвоню, он поможет мне плитку для дачи достать! Ладно, в перерыве репетиции позвоню.

Едим, Слава рассказывает о жизни «не дома».

– Например: в Нью-Йоркском зоопарке родился жирафенок. Как его назвали? Правильно, Слава!

Естественно, наш вопрос: ностальгия? Он:

– Когда возникает, а, конечно, возникает, вспоминаю подъезд в доме наискосок от филляла Большого (теперь театр Оперетты), куда я выскочил и рыдал, когда директор Ансимов сказал мне, что моих способностей недостаточно для дирижирования и больше я этим заниматься не буду.

На передачу телефонного номера посла рассказал, что это не первое предложение со стороны власти на контакты. Несколько недель тому назад ему в Париже позвонили из советского посольства и попросили прийти. Боясь, что задержат, он сообщил французам. Тогда Миттеран предоставил ему свою президентскую машину, на которой он и поехал в родное посольство. Это было сделано для того, чтобы машина ждала его у входа. Президентский автомобиль может стоять без ограничений в любом месте.

Посол предложил Славе передать всю приобретенную им «недвижимость» Советскому Союзу и всей семье возвращаться домой. Слава сказал, что он готов это сделать сразу же, как только в газете «Правда» будет опубликовано, что Ростропович не предатель и не враг. На том благополучно покинул родное посольство...

Кстати, завтракали с легким вином. Когда официант открыл бутылку и дал Славе как главе стола вино пробовать, он, глотнув, сказал с присущей ему необыкновенной легкостью и обаянием: «Сейчас я буду вы...аться, как будто я в этом что-то понимаю!» – выпили.

* * *

Слава зашел к себе в номер и взял виолончель. Пока ехали в машине, он рассказал, какая это виолончель необыкновенная, на ней есть какой-то знак от Наполеона. Репетиция происходила в зале, производившем впечатление вполне концертного, но находившегося в обыкновенной гимназии. По коридорам болтались мальчики и девочки, громко, весело и чрезвычайно свободно себя ведущие. Тут же, в расширении коридора, стоял большущий автомат, выдающий кофе, чай, какао, молоко и другие напитки, без каких-либо монет, а только нажатием кнопки, что они и делали. Очень просто, но нас, советских, впечатлило!

Никогда эту репетицию не забуду! Наверное, этот датский оркестр был не из первачей и Славе было вполне напряжно. Но как он с ними разговаривал и показывал! Как добрейший и ласковейший даже не учитель, а отец или брат: «Маэстрочко... – а дальше по-английски или немецки, – здесь чуть-чуть, вот так!» Главной была интонация, и на наших глазах происходило чудо: лица музыкантов становились вдохновенными!

Я по природе несентиментальна, но меня прошибла слеза...

В перерыве репетиции Слава сказал: «Пойдем, позвоним послу». В коридоре гимназии будка с прямым, без монеток, телефоном. Слава набирает, представляется, его сразу соединяют с послом. Мы с Зямой стоим рядом и все слышим. Слава: «Нет, нет, завтра утром я не могу, у меня завтрак с подружкой. Какой? Она здесь королевой работает. Завтра вечером у меня концерт, а сегодня вечер свободный, иду на спектакль образцовцев. Сейчас? Кончу репетицию и приеду». Выходит, спрашивает, все ли мы слышали, и говорит, что думает, что и посол поедет на кукол. Выходим после репетиции, Слава протягивает мне виолончель и говорит:

– Завезешь в гостиницу, отдашь, а в номер они отнесут.

Я в панике:

– А вдруг что случится? Она же такая бесценная!

Он:

– Именно поэтому так застрахована, что не бойся!

И действительно, Слава приезжает вместе с послом на «Необыкновенный концерт». Заходит к Зяме в примерку, посол идет к Образцову. Слава: «Ты с какой группой здесь, с которой был в Новосибирске? Да? Тогда пойду поздороваюсь с девочками».

Fazerin tilauskonsertti V
Fazers abonnemangskonsert V

был у Предка
MSTISLAV ROSTROPOVITŠ
sello violoncell *Зяме*

Короче был в Зяме!
Finlandia-talon konserttitalissa
i Finlandia-husets konsertsal

А теперь тем более!!!
maanantaina **25. 4. 1977** klo **20**
måndagen den kl.

that's all
FAZER

На следующий день у Зямы спектакль, а мы с переводчицей Валей Цирлиной и четой Образцовых едем в концертный зал «Тре-фалк» («Три сокола») на Славин вечер. Мы с Валей (она, я забыла сказать, двоюродная сестра моей самой близкой подруги Иры) сидим в первом ряду бельэтажа, сбоку, а в центре этого ряда сидит королева. Рядом с ней, наверное, близкие и охрана...

Что играли, не помню, но успех оглушительный. В антракте хотела зайти к Славе, но сказали, чтобы зашла после концерта, так как «сейчас он принимает королеву». Финал оглушительный в прямом смысле: аплодисменты длятся минут пятнадцать, королева аплодирует стоя и, естественно, весь зал вместе с ней.

За кулисами через несколько человек подхожу к Славе, целуемся, прощаемся, он на ухо мне шепчет: «Хочу домой, увидимся».

Но увиделись мы не «дома», а на его концерте в Вашингтоне, потому что вскоре после возвращения из гастролей в Париж он был лишен нашим замечательным руководством советского гражданства... Жуть!

Мне кажется, что ни у кого не было столько изменений во власти, даже у французов, сколько их было у нас. Сейчас, когда я вспоминаю Ростроповича, то в глазах у меня картинка: Слава, заснувший в Белом доме, сидя, с автоматом в руках. А на старинной московской улице Остоженка великолепный Центр Галины Вишневской...

Хочется, чтобы изменения были только такими, но пока что – увы! Надеюсь на чудо...

Называю наше время эпохой неосталинизма. К большому сожалению, многие, исходя из реальности, со мной согласны. Думаю, моей семье повезло, что сегодня я такая сильно немолоденькая. Они не догадываются: наделала бы много не подходящих времени поступков, будь я молодой. Все время стыдно. И страшно!

Не устаю повторять: я счастливый человек, потому что (конечно, все субъективно) счастье – это люди. А столько совсем простых, никому не известных, но и знаменитых, с именами – подарила мне судьба. Не просто видеть их, слышать, читать, но и быть знакомой, общаться! Например...

Глава 27

Александр Трифонович Твардовский

Встреча на вернисаже Ореста Верейского. – Общение на даче. – Твардовский слушает стихи Пастернака. – «А у вас не осталось на доньшке?» – Поэт.

Не знакомство, а экзальтированный всплеск с моей стороны. Объясняю: в Музее изобразительных искусств вернисаж нашего друга художника Ореста Верейского; мы с Зямой стоим у крайней колонны музея, а к другой крайней подходит Твардовский. Незадолго до этого, еще в «Самиздате», нами прочитан «Теркин на том свете». Совершенно импульсивно, не говоря Зяме ни слова, бегу между колонн к Александру Трифоновичу. Подбежав, поднимаюсь на цыпочки и целую в щеку, произнося: «Спасибо вам». Отерев рот тыльной стороной ладони, он целует мне руку и, наклонившись, щеку. Бегу обратно к обалдевшему, но, как ни странно, одобтившему меня Зяме.

Александр Трифонович Твардовский

* * *

Живем в Пахре, еще в снятой временке. Часто бываем у Верейских. Там и знакомимся по-настоящему с Твардовским, который тоже у них часто бывает. В момент знакомства умираю от страха: вдруг он вспомнит, глядя на меня, ту экзальтированную дамочку. Обошлось...

Начали общаться самостоятельно, он заходил к нам, мы бывали у гостеприимной, хлебосольной Марии Илларионовны. Были даже однажды свидетелями «семейного» разговора: Мария Илларионовна дала какую-то оценку, не помню чему, а Александр Трифонович прокомментировал это наотмашь фразой, очевидно, из «домашнего» обихода: «Ну, это уже истина из отрывного календаря».

Был август, и Александр Трифонович сказал, что завтра утром идет по грибы. «Пойдемте со мной», – позвал он Гердта. «С удовольствием. Когда, часов в восемь?» – «В восемь с грибов возвращаются!». Договорились на семь часов. Зяма, рассказывая об этом походе, вспоминал, как он был смущен, представ перед Твардовским с цветастым целлофановым пакетом вместо корзинки с ножиком... Но был счастлив! Говорили о стихах. Зяма рассказывал о своей приверженности к поэзии.

– И из моего знаете?

– Еще бы! – и тут же начал о Пастернаке.

– Я понимаю величину, но он мне не близок.

– Что вы! Сегодня ведь девятнадцатое? Значит шестое августа по-старому, вот послушайте, – и Зяма во весь голос начал в дивной утренней прохладе читать обожаемое:

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.*

*Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.*

*Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.*

*Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.*

*Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И...*

и он до конца, не снижая голоса, дочитал «Август». Твардовский утер рот рукой и произнес уверенно:

– Порядочно! Очень! А Вам нетрудно еще раз это прочитать?

И Зяма, уже чуть потише, повторил чтение.

Все ужасно радовались Зямину рассказу о такой реакции Александра Трифоновича. И это потому, что было известно о некотором ревнивом отношении Твардовского к поэтам.

Я воспитывалась моей мамой, чаще всего ее собственным примером, в духе, что нельзя никого бояться и всегда надо стараться оставаться самой собой.

Не бояться ни воров, ни начальства мне удавалось, а вот в присутствии Александра Трифоновича я чувствовала не то чтобы неловкость, но была не в своей тарелке. Но освободилась!

Твардовский, и все это знали, выпивал. Причем временами как бы запойно. Несомненно, это было болезненным, стрессовым явлением. Поэтому мы все, бывшие с ним в добрых отношениях, держали в доме бутылку с малым количеством водки. И когда Александр Трифонович приходил в эти тяжкие минуты и спрашивал: «А у вас не осталось на доньшке?» – вынимали эту бутылку.

Однажды зимой я приехала на дачу одна, раньше Зямы. И начала убирать снег во дворе, чтобы он мог въехать, гаража еще не было. Закончив, вошла в дом с трясущимися от усталости руками и вспомнила, что «с устатку» надо выпить. Это и сделала. Прошло с полчаса, постучали и вошел Александр Трифонович. Вынула заветную бутылочку, а он спросил:

– А Вы со мной не выпьете?

Я рассказала, а он со смехом проговорил:

– Редкая дама признается, что она пьет одна!

Стало чуть легче, но полное освобождение от неловкости про изошло в другой раз. Летом Твардовский также зашел и, опустошив «доньшко», собрался уходить. Он был «хорош», и я, побоявшись, что пойдет домой не сразу, пошла его провожать. Всю дорогу он говорил, что ему приятно мое сопровождение, но что он и сам бы дошел. Дошли до их дома, я открыла калитку и вставила его в нее. Он сам закрыл ее и произнес:

– Не думайте обо мне дурно!

Я, вероятно, от волнения, неожиданно для самой себя, храбро крикнула:

– Давайте без баптизма!

Он засмеялся во весь голос и помахал мне рукой. А меня отпустило!

* * *

Необходимо сказать: что было поразительно – Александр Трифонович никогда не был банален, даже когда бывал сильно пьян. *Поэт* с дивным вкусом! Твардовский, конечно же, выходящий из нашего времени – двадцатое – двадцать первое столетие – *классик*. Его хочется цитировать, испытывая разные состояния души. Ну, например:

*В чём хочешь человечество вини
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чём природа и погода:
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни.*

*Безветренны, теплы – почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.*

*Перед какой безвестною зимой
Каких ещё тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?*

Это написано осенью шестьдесят восьмого года, в августе которого советские танки вошли в Прагу.

Все, не просто прогрессивные, а порядочные, действительно патриоты испытывали стыд за Россию. А самые решительные – вышли на лобное место. Кто-то считал, что это бесполезно. Но неправда! Это был *поступок*, оставшийся, думаю даже в эпохе.

А Александр Трифонович, такой *гражданский* и при этом такой *лирик*, пишет это стихотворение, показывающее, что есть на земле более важный для человека «свежий и ясный мир», а не только «тревоги и потрясения». Жизнь продолжается!

Простите, но еще одно стихотворение приведу, потому что оно кажется мне ответом на полностью не имеющий ответа вопрос «зачем живем»:

*К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участие добрых душ.
Жить, как живёшь, своей страдой бессонной,
Взялся за гуж – не говори: не дуж.*

*С тропы своей ни в чём не сступая,
Не отступая – быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.*

Ведь это философское указание: как надо себя вести в жизни, а как просто, все понятно, «все на русском языке». Похоже на прозрачность воды до дна в глубоком чистом озере.

Соперничать могут только великие музыканты...

Глава 28

На родственников повезло

Родственники, которые стали друзьями... Евгения Викторовна Александрова. – Дом на Малой Бронной. – Большой Федя и маленький Федя. – Федя и Лора, Виктор и Тоня. – Федор Дмитриевич – профессор и Аня. – Судьба Феди-маленького. – Завещания бабушки. – Последний брак Федора Дмитриевича.

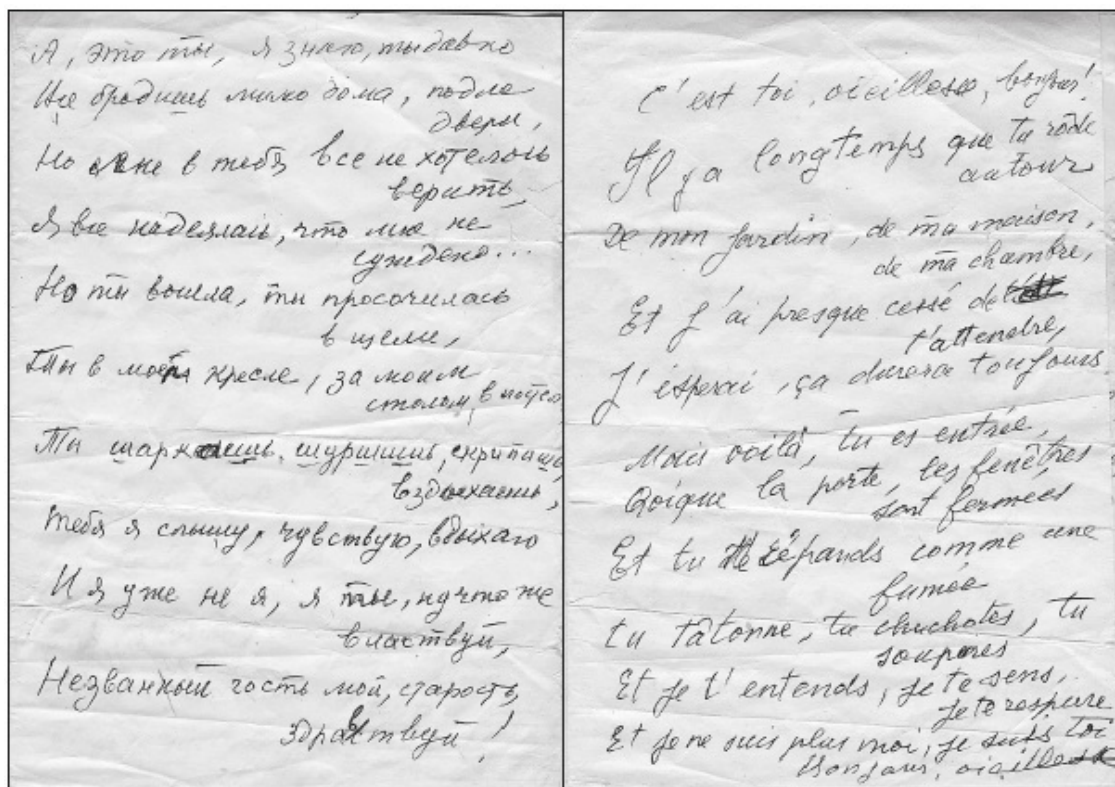
Евгения Викторовна Александрова; почему Александрова, никогда не пришло в голову спросить, вероятно, псевдоним для подписи художественных переводов (Бальзак, Золя), сестра моего папы Александра Викторовича. Была замужем за его гимназическим другом Горбовым, Дмитрием... Родила сына Федора (о нем скажу позже). Знала языки, французский в совершенстве, так как в детстве была послана в швейцарский пансион. О чем, рассказывая мне, все время повторяла: никогда не отдавайте детей в пансион, лучше их не заводите... Даже понимая его пользу, считала пребывание в пансионе худшим временем своего детства.

После развода с Митей Горбовым вышла замуж (читайте медленно) за Льва Энгельгардта, отца первой папиной жены Лидии. А Митя Горбов (отец Феди) женился на сестре Лидии – Людмиле. Дружили всю жизнь!

Следователю НКВД тетка рисовала генеалогическое дерево, он тоже понять этого рассказа не мог (как, я думаю, и вы). А мой сводный по отцу брат Виктор Правдин во время папиного пребывания в лагере жил у тети Жени вместе с Федей Горбовым, двоюродным братом (по отцу) и дедушкой (по матери), мужем тетки.

Тетка занималась художественным переводом с французского и работала в Институте океанологии Академии наук, тоже переводя разные научные статьи со всех европейских языков.

Рассказывала, что очень любила английские статьи. Даже в самых разнучных были шутки. Например, к серьезной статье по океанологии приложена картинка: две русалки лежат на прибрежной скале, и одна спрашивает: «Брунгильда, ты веришь в матросов?..»

Меня очень любила, дружила с Шуней. Очень много со мной разговаривала, приучила к стихам, показала всех поэтов Серебряного века, о которых мы, подростки тридцатых-сороковых, понятия не имели, в школе их не велено было даже упоминать. Была, несомненно, умна и вообще одарена. В 1975 году на восьмидесятилетие моего папы – ее брата – написала стихи по-французски «Bonjour, tristesse». Но для нас, французским не владеющих, и по-русски «Старость, здравствуй!» заменив в переводе tristesse – «грусть» на «старость».

Дружила с моряками с китобойной флотилии «Слава», даже меня с ними знакомила, было очень интересно.

Обожала собак. В сильно относительно, но все-таки благополучное время – не молоденькая, но молодая, муж старше на двадцать восемь лет (!), но обожаемый, сын Федя и племянник Витя – спортивные, красивые студенты, и большая удача – сумела с дикими трудностями вернуть свою маму, мою бабушку Марию Зиновьевну из эмиграции, где она осталась одна после смерти мужа. Была собака, девочка Буля, очень породистый боксер, но внешности страшнущей! При этом приветливости и ласковости такой, что тетка всегда говорила: когда придут воры, Буля покажет, где лежат серебряные ложки. Я бывала у тетки и бабушки довольно часто, и Буля, встречая меня, ставила лапы мне на плечи и сразу умывала языком все лицо... Я очень любила ездить «на Бронную». Помимо всего, там на обед всегда был компот из сухофруктов (на треть), особенно груши! Дома от бедности он бывал только по выходным.

Дом стоял (и стоит!) на углу Малой Бронной и Спиридоньевского переулка. Булю водили гулять на Патриаршие пруды, а я там каталась на коньках. Тетка не могла жить без животных, и, когда Були не стало, дворовые мальчишки, обожавшие ходить к тете Жене, однажды принесли крошечного щенка, сказав, что это девочка – карликовый пудель. Назвали Дашей, вымахала не просто в большого, но в огромного теленка. И когда на Патриарших тетку спрашивали о породе Даши, она говорила: «Гигантский карликовый пудель».

Несмотря на размеры, ласкова была беспредельно. Милиционер, дежуривший в парке Патриарших, носил сушки в кармане шинели – Даша их обожала...

Тетю Женю все звали «бабушка синенькая». Так ее назвал внук, маленький Федя, сын большого. С ее мамой, то есть моей бабушкой, я познакомилась, приехав из Сибири. Мне тогда было пять лет. С полного одобрения Шуни, но не участия в мероприятии, она меня крестила, но потом никак не навязывала церковного поведения, а только рассказывала библейские сюжеты, чтобы, как она говорила, понимать великую живопись.

Кроме общения с бабушкой меня отдавали гулять с «мальчиками». У Федора и Виктора была большая спортивная компания, и меня, когда садились на ходу в трамвай, кидали первому, кто уже впрыгнул на подножку. Было очень весело и совсем не страшно, но я понимала, что никому из старших об этом рассказывать не надо.

* * *

Мальчики уже здоровые лбы – студенты. Федя в медицинском, на военфаке, Виктор в Инфизкульте. Естественно, женятся.

Федя – на студентке своего меда, Лоре. Виктор – на Тоне, девушке из их компании. Была часто цитируема: однажды кто-то, обращаясь к женской части компании, крикнул: «Девки, бляди, поторапливайтесь». И Тоня воскликнула: «Слыхали, он нас девками обозвал!»

Лора и Федя рожают маленького Федю.

Война. Быстро выдают дипломы. Федя идет доктором в авиационный полк, Виктор – в один из партизанских отрядов, организуемых НКВД из спортсменов и засылаемых (сбрасываемых с парашютами) в тыл противника.

Лора работает в больнице и живет с сыном на Бронной. Довольно часто тетя Женя приезжает к нам с маленьким Федей, которому отдана всеобщая любовь. Он действительно был замечателен, хорош собой и очень способный! Старший Федя характером в смысле широты души был в свою маму. И поэтому, если кто-нибудь из летчиков или всех остальных получал отпуск, отсылал на побывку в Москву к жене и маме (на Бронную!).

Однажды, уже в конце войны, так прибыл храбрый летчик, Герой Советского Союза, Иван (фамилию забыла). И, несмотря на проживание у матери и сына товарища, хоть и маленького, роман состоялся. Война кончилась. Федя вернулся. Все было слишком очевидно. И поэтому при разводе в суде он попросил оставить сына ему и его маме. Лора согласилась!

Думаю, если бы ребенка забрали, Евгения Викторовна сошла бы с ума, так была вся в нем. Еще Федор Дмитриевич сказал, что, пользуясь расположением суда, просит войти в его положение только что вернувшегося и ничего еще не заработавшего и исходить при назначении оплаты за развод из позиции *ad minimum*. Добавил: «Простите за латынь, но я ведь врач».

Возвращающиеся с войны, конечно, кто мог, везли трофеи: одежду – платья, плащи, мебель – кресла, буфеты, даже картины. Федя привез необходимейшую вещь – шляпу-шапокляк, складывающийся цилиндр (как у Чаплина)!

По медицинской профессии он был психолог, невролог. Обладал редкостной интуицией и умением в каждом видеть его индивидуальность. Эти качества должны быть у любого врача, но, к сожалению, бывают не всегда...

Федор Дмитриевич начал и работал до конца своих дней в Институте космической медицины. Готовил Гагарина и подписывал его полет. И был с Королевым на Байконуре в момент запуска! Рассказывал о вселенском шуме этого момента. А когда я спросила, согласился бы он полететь, если бы ему предложили, ответил, что не задумывался бы ни минуты, давая согласие!

После развода жил со своей мамой, нашей бабушкой, и маленьким Федей. Но вскоре женился на Ане. Жизнь несколько осложнилась. Аня была воспитана явно на другой волне, отличной от волны нашего вполне разношерстного, но однородной морали семейства. Совершенно неожиданно для всех, даже для Феде, стала в недобром смысле этого слова мачехой для маленького Феде. А после рождения Сережи и потом Маши это стало особенно очевидным.

Федя очень много работал. Кроме работы в космической медицине стал профессором на кафедре психологии в Московском университете. Он подал для защиты кандидатской степени работу «Я — второе Я», но ее сочли докторской, и он вскоре стал профессором. Поэтому был полностью погружен в деятельность и в семейные сложности вникать не успевал. Страдала, конечно же, Евгения Викторовна, полюбившая и новых внуков, а погружена же была, естественно, в воспитанного ею старшего.

Когда гром разверзается среди ясного неба, это особенно страшно. Аня и Федя вечером возвращались от Аниных родителей, и при входе в парадное своего дома Ане стало плохо. Федор помчался домой на второй этаж за шприцем с лекарством. Вернувшись мгновенно, успел только подхватить Аню...

Жизнь продолжала посылать дичайшие испытания... Сын Федя, перестав быть «маленьким», женился на Тамаре. Родили дочку. Но, дожив до тридцати трех (возраст Христа), стал алкоголиком. Ужасно, но наследственным. Его дедушка Горбов Митя, тихий высокообразованный литератор, пил. Отец-ученый – тоже.

Я говорила обожаемому брату: «Как же ты так пьешь и работаешь?»

«Неправильная расстановка, я работаю и пью – это совсем другое дело», – отвечал он.

И однажды, когда никого не было дома, Федя «маленький» покончил с собой...

Житье стало, конечно, тяжелей всех для тети Жени – целый дом разнородных людей. Сын – Федя, работающий целый день, кормилец семьи, его дети Сергей и Маша учатся в школе. Но Сережа заболевает костным туберкулезом, и его помещают на долгое лечение в Крыму.

Старенькая бабушка Мария Зиновьевна (она общая бабушка), с ней тоже трудно: начала писать завещания, что, естественно, нервов прибавляло. Избавила, как всегда, Шуня. Ей тоже было вручено такое же завещание. И, прочитав его, с присущей прямоотой заявила: «Вы самого главного не написали – как вас хоронить, где отпевать, в церкви или дома?» От этого дикого приземления мы все были в ужасе, но Шуня сказала: «Не бойтесь, жизнь пойдет спокойней». И правда, бабушка не обиделась, была умной и поняла, что так нельзя.

* * *

Бабушка умирает. Хороним на Ваганьковском кладбище. До сих пор со стыдом вспоминаю свое поведение на похоронах. Я очень дружила с бабушкой, она до конца дней была с абсолютно светлой головой. Поэтому ее уход был истинным горем. И при этом: стоим у вырытой могилы, священник служит панихиду. Федя, стоящий рядом со мной, говорит: «Посмотри, какой у батюшки живот». Действительно, огромное пузо, хотя он не толстый. – «Почему? Федя?» – «А там авоська с продуктами, которые мы привезли». Естественно, хохочем (время еще послевоенное, вполне голодноватое, поэтому кроме денег нужна была еда).

* * *

Через несколько лет Федя объявляет, что женится на бывшей жене знаменитого альпиниста Абалакова. Она как бы его коллега. У нее с мужем двое детей, одного она оставляет мужу, второй будет с ней. Я валяюсь в ногах, умоляю его не жениться на женщине, которая может поделить детей. Умоляю не только я одна, но когда кто кого-нибудь слушал...

Конечно, этот брак кончается через не очень большое число лет (не помню сколько). И с ним и детьми живет, по его словам, скво (так американские индейцы называли тихую, бессловесную жену, в последнее время это слово стало иметь более негативное значение, скорее «блядь», но она была скво в первом значении). Федор Дмитриевич очень много работает и, соблюдая последовательность, после работы ежедневно (!) выпивает бутылку коньяка.

В 1977 году вслед за моими мамой и папой уходит и Федя... На факультете психологии МГУ траурное собрание. На таком ни до, ни после я не была. Зал набит, все хотят говорить, выступает знаменитейший летчик-испытатель Марк Галлай, а потом молодая женщина-коллега говорит:

– В этом зале нет ни одного человека, который не может не быть благодарным Федору Дмитриевичу за свои работы и ученое звание...

Тетка жива – потеряв мать, свет очей – внука, и сына... Но вскоре уходит и она, до конца дней сохраняя светлую голову и покой. Психиатры мне объяснили, что с возрастом у людей интеллектуальных возникает заслон от потрясений и истинно мудрое понимание конечности жизни...

Не знаю – вроде считаюсь интеллектуалкой и по возрасту – уходящая натура, но такого заслона и понимания не имею: по ночам тоска забирает, и не только по своим...

Глава 29

Продолжаю о родственниках...

Красавица Нина

Сводный по папе брат Виктор был опекаем моей мамой еще до моего рождения. Жил подростком и студентом у тети Жени, поэтому и я общалась с ним часто. Перед уходом в партизаны повел меня в фотографию, где мы вместе и снялись. Приехав в середине войны в Москву на короткий отпуск, развелся с Тоней и женился на Нине. Перед самой войной он подрабатывал физкультурником в старших классах в школе, и случился роман. Витя сразу привел ее к нам, и мы обалдели и обрадовались: так она была хороша – и красивая, и фигуристая, и улыбочивая, и веселая. Значит, добрая. Так и оказалось! Я дружила с ней до конца ее дней и любила больше, чем ее мужа, моего брата Виктора.

Родили мне племянницу Ирку. Война кончилась, и Виктора (с семьей) отправили в Вену комендантом. Слава богу, ненадолго. Вернувшись, оставив ребенка Нининой маме, уехали на Север. Кем там работал Виктор, не помню. Через два года вернулись с дивными рассказами о юртах, упряжках собак, не говоря уже о чукчах и луораветланах. Кроме этого, притащили огромный запас консервов – лосося (в собственном соку, для супа – сказка!), так что хватило всей родне. Времена в смысле жратвы были еще туговатые.

Витя вернулся в спорт – стал не помню кем в обществе «Зенит». Он ведь имел звание заслуженного мастера спорта по волейболу. Нину устроили в Музей изобразительных искусств имени Пушкина продавать в киоске литературу по искусству.

Жили в двухкомнатной квартире недалеко от Останкинской башни. В доме был пес Степа, тоже боксер, как когда-то Буля, но красавец серьезного характера. Оказался чрезвычайно полезен в качестве няньки на прогулках ребенка: Катя родила нам Орика (Ореста), и ее с младенцем отправили «на воздух», на дачу. Нина в это время заболела и была вынуждена оставить работу. Взяв Степу, она стала жить с Катей на даче. Катя и Нина выставляли коляску с ребенком на улицу рядом с террасой, и Степа тут же (сам!) садился рядом и, если ребенок просыпался и плакал, сразу бежал звать женщин.

Виктор ездил по работе в командировку в Африку и привез попугая породы жако, небольшого, серого и говорящего. Назвали Сако. Ему в одной комнате выгородили сеткой целый угол, с пола до потолка. Когда выпускали, садился Виктору на плечо и был с ним ласков. С чужими не очень, но со Степой ладили.

Орик с женой Аней, правнучки Таня и Маша

Нина заболела ужасно. Рак! После операции и всех возможных и невозможных процедур мужественно прожила три года и ушла из жизни...

Умер, став стареньким, и Степа.

А Сако тосковал по Нине. Больше года спустя к Виктору пришла дама. Мы уговаривали его жениться, понимая, что он еще достаточно молод. Этого не произошло, но случился кошмар. После прихода дамы Сако выщипал из себя все перья, догола, в виде ревнивого протеста. Так объяснили ветеринары-орнитологи. Вылечить до здоровья не удалось. Конечно, все были потрясены таким проявлением привязанности птицы. Виктор никогда не был особенно верным мужем, но я стала думать, что поведение Сако даже на него произвело впечатление.

Виктора тоже не стало. А у меня потомки: дочка, внук, правнучки две!..

Глава 30

Мешок картошки

Учительница Наталья Георгиевна Гололобова. – Трудовой лагерь. – Возжатая.

Сегодня (9 мая 2015 года) мне позвонила, чтобы поздравить с днем рождения и Победой, моя школьная (вместе окончили школу семьдесят (!) лет назад) подруга – Лена Васильцова. После окончания мы – школа женская, только девочки, – собирались раз в пять лет. А сейчас нас только двое... Правда, и она, и я моложе всех на год, но и это «моложе» тоже будь здоров!

Вспомнили нашу потрясающую учительницу-химичку, она же была в последние наши три года классным руководителем, – Наталию Георгиевну Гололобову. А вспомнили потому, что, разбирая бумаги, я нашла ее письмо из Чехословакии, когда она уехала, выпустив нас, в Прагу преподавать в посольской школе. Нам так с ней повезло! Все собирались, если не поступим, куда намеревались, идти на химфак – химию знали! А кроме предмета – была необыкновенным человеком: скромной внешности, истинно добрая, умная, образованная, «желанная» (люблю это слово – мне кажется, что оно многое выражает: и расположенный, и добрый без памяти о своей доброте, и ласковый)!

Веселая вожатая

Когда весной сорок четвертого (еще война) мы окончили девятый класс, то должны были поехать работать летом в колхозе. Почти все. А мне было сказано, что я должна ехать вожатой в туристско-трудовой лагерь. Начальником этого лагеря была назначена Наталия Георгиевна. Она меня и потребовала. Я очень огорчилась, потому что, конечно, ехать со своими девчонками – это одно, а быть вожатой у дворовых мальчишек и девчонок района школы очень даже безрадостно. Но Наталия Георгиевна сказала: «Что же, ты меня бросишь?» Перед поездкой мы с ней ездили на продовольственные склады, возя с собой тележку на подшипниковых колесах. Нам выдали дополнительно к иждивенческим карточкам всех ребят некоторое количество круп и сахара. Лагерь находился в деревне в семи километрах от станции Столбовая. Разложили всю крупу по пакетам по количеству ребят и положили в их рюкзаки.

Был июль, дивная погода, пришли в деревню, в колхозный клуб. Там были выданы чехлы и сено. Их набили и положили на пол очень просторного клуба: в одной половине – мальчики

(их было больше), в другой – девочки. Цель этого не пионерского, а туристско-трудового лагеря была следующей: никакого туризма, а в июле – сбор щавеля, норма – два (!) килограмма на человека в день. Это по объему – туго набитая авоська. Нереальное дело, особенно для двенадцати-тринадцатилетних уличных мальчишек. Чтобы вообще уговорить их собирать этот чертов щавель, я садилась на лугу, а они вокруг меня. Слава богу, щавеля было много, они рвали, а я рвала и громко рассказывала детективы. По половине нормы – целый килограмм! – удавалось собрать. Потом сдавали его в склад у правления колхоза, там взвешивали. Потом шли купаться.

На наше счастье, в деревне был большой чистый пруд. Я выросла в спортивной семье и поэтому неплохо плавала. Это было мне большой подмогой: я по юности и чистоте не знала ценности мата и не выносила его. А мальчишки с московской улицы применяли его непрерывно. Поэтому, когда плавали в пруду, я топила главных матерщинников, приговаривая: «Будешь ругаться – не будешь купаться!» Силовой педагогический прием срабатывал, что, в общем-то, удивительно: они были моложе меня всего на два-три года!

Думаю, не только я, но и наши «пионеры» за всю жизнь не съели такое количество щавелевого супа. Иногда из колхоза давали сметану и яйца, а хлеба давали как по рабочим карточкам – не 400, а 600 граммов! Готовила на всех добрая, жалевшая нас всех тетенька из деревни. А двое дежурных помогали.

Июльская смена кончилась, и после недельного перерыва началась августовская.

В ней задание было другое: надо было собирать грибы, слава богу, без нормы, и опять же слава богу – год был грибной. Однажды мы быстро набрали полные корзины, были недалеко от дома, быстро пришли, ссыпали, и ребята пошли во что-то играть. А я вернулась в лес, набрала целую огромную корзину чуть ли не одних белых и присела на минутку отдохнуть. И... заснула. Проснувшись, не очень поняла, куда идти. Никогда не засыпайте в лесу! Я проплутала довольно долго, грибы высыпала – было тяжело, вышла к другой деревне. Оттуда бежала не по лесу, а по дороге, понимая, как волнуются в лагере...

Бедная Наталия Георгиевна, ей от меня волнений хватало: в какой-то день сдали грибы, и мне сказали, что для нас есть мешок картошки (!) и надо его взять. Я побежала к складу, и старая работница положила мне на спину полноценно наполненный мешок в пятьдесят килограммов! Я была вполне здоровой девахой и в полном восторге тащила его где-то около километра, не спуская со спины и не отдыхая, потому что понимала: поднять не смогу.

Вероятно, только молодость (ей было тридцать лет) спасла Наталию Георгиевну от инфаркта, когда она увидела меня, подошедшую с мешком. Она не ругала меня, а просто заплакала...

Через девятнадцать лет (мне стукнуло тридцать пять) этот «подвиг» мне аукнулся: лопнул межпозвоночный диск. Меня доктора спросили: «Вы когда-нибудь поднимали что-то очень тяжелое?» «Да, – ответила я, – но очень давно». Рассказала, они и смеялись, и ругались. Промучилась с этим восемь месяцев, но поднялась и даже играла в теннис.

И все равно из всей еды на свете больше всего люблю картошку!

Глава 31

И покой, и катастрофа

Атмосфера жизни. – Звонок из магазина. – Катина катастрофа. – Обстоятельства аварии. – Девочка-ангел.

Как-то срочно вызвали из дома на работу. Наша редакция и несколько других добились права для ведущих редакторов и переводчиков работать дома. Словари на тебя на одного, тихо, никто не треплется. В этом для женщин был один минус – конечно, мы сначала перedelывали все домашние дела, а потом сидели ночами. Спрашиваю, что случилось, объясняют, что срочное общеиздательское собрание. В это время по всей стране идет антисахаровская кампания. Еду за рулем, сердце выскакивает: что делать, ни за что подписывать не буду! А потом за мой отказ Катю начнут вышибать из комсомола и института? Все равно не буду! Аж трясет. Приезжаю, и о чудо! Собрание о подписке на заем. Ненавистное ранее действие становится радостью! Точки отсчета почти все патологические: не пьет, не бьет – идеал; порядочное поведение – казалось бы, норма – считается подвигом...

Сегодня (июль 2015-го) у меня ощущение, что поколение наших детей и внуков совсем плохо представляет, как мы жили, когда были в их возрасте. Мы рассказываем им о друзьях, компаниях, и им кажется, что была какая-то сплошная гулянка. И действительно, людское общение у нас, теплокровных россиян, даже в условиях, пронизанных КГБ, было доверительным. Были друзья, их не было много, но это были товарищи, которые сами, для себя, нуждались в тебе. А сегодня – приятели, это несколько другое... Прогресс прекрасен, но мне кажется, что человечеству надо учиться им пользоваться (ведь мы из породы *homo sapiens*, разумны, так или иначе, мыслим). Никому не придет в голову забивать гвозди микроскопом. Поэтому обязательно, используя гениальное изобретение – Интернет, помнить, что это – техника, способ, предмет, как стол, стул (удобнее, чем на корточках)! Никакой «Скайп» не заменит поцелуя даже в щеку. Любовь – талант, не всем посланный, а мы его добиваем...

Наша семья благодаря общению жила жизнерадостнее. Хотя трудностей было навалом. И крупных – с жильем, и мелких – с одеждой и едой. Все «доставали» или покупали, когда «выбрасывали», то есть когда появлялось в продаже. Мы в этом смысле жили легче – у нас было «лицо»! Например, однажды раздался телефонный звонок:

– Зиновий Ефимович, вас беспокоят из магазина «Мясо» на Кировской (теперь и ранее Мясницкой). Вы часто бываете в магазине «Инструменты», от нас напротив, может быть, если вы любите бифштекс, и к нам заглянете?

Бифштекс – и «с кровью», и «прожаренный» – любили все, поэтому «оптовик» Зиновий Ефимович доставлял. Там же стали добывать мороженое мясо, чтобы, плотно запаковав, отправлять с проводницей в голодную Казань семье любимого племянника.

Опять же происшествия, вышибающие из колеи...

1963 год, Зяма с театром на гастролях в Омске. Звонок – сообщают, что у него депрессия, перестал спать. Лечу с Катей, чтобы спал – читаю вслух по полночи, выкарабкиваемся.

* * *

Не происшествие – катастрофа. 1973 год, 19 июля. День рождения моей мамы и Шуры Ширвиндта. Маму будем праздновать в ближайшую субботу, а Шуру – день в день. Зяма забрасывает меня с дачи домой в Москву, сам едет на озвучание в студию, с тем что после него заедет за мной и поедет к Шуре. В Москве проходит кинофестиваль, и Катя, уже шестнадцатилетняя, с ухажером в кино.

Я спокойно собираюсь в гости, раздумывая: надеть платье или брюки. Телефон – с дачи срывающимся голосом звонит наша нянька Нюра:

– Скорее домой! С Катей плохо!

Я, взволновавшись, но не сильно, говорю:

– Дай но-шпу! (у Кати – холецистит)

– Какую но-шпу?! У нее голова! Скорей домой!

Тут уж не просто волнение – жуть! Позвонить Зяме не могу, до мобильных еще далеко, и машина у нас пока еще одна, на такси денег нет. Но есть Бог! Зяма звонит, мчится. Едем, в середине дороги – погнутый фонарный столб и напрочь разбитая «Волга»-такси.

Ни у меня, ни у Зямы не возникает тревоги, что это к нам имеет отношение.

Катя. Студенческие годы

На даче совершенно разбитая волнением Нюра и лежащая с закрытыми глазами Катя, вскрикивающая только: «Мама! Мама!» Переворачиваю, она в джинсовой куртке, и по всей спине осколки стекла, прилипшие кровью. Стаскиваю куртку, спину ощупываю – не больно, целая, но голова... Звоню Мише, с которым она была в кино. Он поехал ее провожать. Они вышли из метро и шли к автобусу. И из такси им крикнул шофер, что есть одно место, если надо, всего за рубль возьмут. Катя впрыгнула и села третьей на заднее сиденье. Нюра сказала, что к дому подъехала белая машина и из нее вылезли девочка и кричащая Катя. Машина уехала, девочка попросила пятнадцать копеек и сказала, что увидела Катю, остановила машину и их подвезли. Нюра, перепуганная до полусмерти, ничего больше не узнала. Девочка ушла. Позвонила Леле (которая звала меня в медицинский и сама стала замечательным педиатром-хирургом-отоларингологом), тут же перезвонила, велела вынести на руках и везти в больницу к травматологу Адольфу. Спасибо, автомобиль у нас был «жигуль»-пикап.

Разложили сиденье, на матрасе вынесли, ступая на дрожавших от волнения ногах, чуть не уронили, уложили, поехали. Остановились около аварии, там были милиция и машина-такси, шофер которой, увидев Катю, сказал: «Да, вот эту девочку он посадил». Милиционер написал нам бумажку, сказав, что без нее мы в больнице не докажем свою невиновность. Была черепно-мозговая травма. На следующее утро, когда я приехала в больницу, Катино лицо являло собой сплошной огромный синяк – от глаз до подбородка. «Какая удача!» – воскликнула доктор-невролог Тамара Оскаровна Фаллер, которую прислал, конечно же, Федор Горбов. Оказалось, что удача была в том, что вся кровь вылилась вниз, а не в голову, в мозг.

Что же случилось? Шел небольшой дождь, дорога была мокрой, и машину занесло на встречную. По пустой дороге шел здоровый панелевоз, который и вмазал в правый бок залетевшего такси. (Я забыла сказать, он стоял рядом с разбитой «Волгой».)

Бог? Судьба? Катя села в такси крайней справа на заднее сиденье. И человек, сидевший за шофером, слева, попросил ее поменяться местами, так как его товарищ, с которым он разговаривал, сидел впереди, рядом с шофером. Через сидящего между ними пассажира они поменялись местами... Остались живы шофер и Катя. Считаю 19 июля ее вторым днем рождения... Может быть, бабушка Шуня в свой день рождения ее пересадила?

Долго разыскивала девочку, которая привела Катю. Увы, не нашла, тоже, наверное, просто ангел...

Глава 32

Страшный 1977 год

Родители в больнице. – Мамина записка. – «А она умерла...» – С Зямой в Швеции. – Папа дома. – Катя в больнице. – И папы нет...

Живем в хоромах, папа с мамой часто бывают, всегда гости, Нюра сердится, но кормит вкусно. И вдруг с папой плохо, падает с кровати. Шуня, не задержавшись, его поднимает, совсем не вспоминая о перенесенном инфаркте. Мчусь, скорая, кладем в Первую градскую больницу. Кладут в неврологию. Внимательно осматривают – инсульт... Мама едет домой, а я возвращаюсь на работу. Звоню ей. И впервые в жизни на мой вопрос «Как ты?» говорит: «Плохо».

Приезжаю, звоню Якову Александровичу, доктору, который ее поднял после инфаркта, даю по его совету лекарства, остаюсь ночевать и жду его утром. Он звонит утром, спрашивает про ночь, велит вызывать скорую, говорит, что едет. Приезжает, слушает – инфаркт... Входит доктор со скорой, молоденькая, но серьезная, слушает, снимает кардиограмму и, жалобно, глядя на Якова, спрашивает: «Инфаркт?» – «Молодец!» – говорит он. – «Будешь доктором». Объясняет ей, что везти надо в Первую градскую, поскольку там папа. Она не уверена, дадут ли ей туда наряд, тогда он звонит, договаривается, и мы едем.

Маму кладут в реанимацию... Поднимаюсь в неврологию (в том же корпусе), понимаю, что сказать папе о том, что Шуня в реанимации, не могу. А он не спрашивает, почему я без нее, хотя разговаривает нормально... Ласковая доктор Ольга Моисеевна успокаивает меня, объясняет, что ему сейчас «только до себя».

Театр через несколько дней уезжает на гастроли в Швецию. Я должна была ехать с Зямой, но, когда все случилось с папой, сразу свою поездку отменила.

На следующий день Зяма раньше меня едет в больницу, заходит попрощаться с папой, спускается к реанимации, его, конечно, не пускают, но маме чуть получше, и ее на кровати везут на рентген. Она обрадовалась ему невероятно, улыбалась, так что она в его памяти осталась такой...

Она, как и всю жизнь, думала не о себе. Была убита тем, что из-за нее и папы я не еду вместе с Зямой. Последняя ею написанная записка из реанимации кончается так: «...Очень неудобно писать лежа. Самочувствие так себе. Т-ра нормальная, но в груди побаливает.

В ужасном я отчаянии происшедшим в вашей с Зяминой жизни. Хочу написать что-то ласково-утешительное... и не выходит».

В реанимации поняли, что со мной не совладать, и пускали, хоть и накоротко, к маме.

Я приходила, шла к папе, потом к маме, потом ехала домой за едой и кормила их по очереди обедом. Так было и в тот день. Мне утром сказали, что маму переведут из реанимации в палату. Я поехала за обедом и, вернувшись, пошла сначала к маме в терапию. Там мне сказали, что к ним никого не переводили. Я быстро побежала вниз, в реанимацию. Когда я вошла, мамы там не было. У меня мелькнуло: наверное, ее поднимают, мы разминулись. Но женщина, лежавшая на кровати, ровным голосом сказала: «А она умерла...»

Я знаю, что такое сойти с ума. Со мной в этот день в больницу приехала Катя. Она стояла за дверью. Я закричала, она кинулась ко мне, прибежали доктора, и я до сего дня помню, что говорила не останавливаясь, потому что было ощущение, что пока говорю – это неправда...

Зяма должен был улететь через день. А у меня было психованное убеждение, что он не должен узнать о случившемся. Бедная Катя пыталась меня убедить в невозможности этого, но

поняв, что я полностью не в себе, везла домой. Мы вошли, Зяма сидел за столом. Увидев меня, тихо вскрикнул: «Папа?» – «Шуня», – вымолвила Катя... Он даже не закричал, а воя, заорал и зарыдал...

Я ужасно устроена: при мелкой неприятности или, наоборот, при огромно-радостном впечатлении могу заплакать. А когда горе – каменею. Даже на похоронах не заплакала среди большого числа плакавших, обожавших Шуню людей. Через полгода ехала в метро и вдруг зарыдала...

После похорон пришла к папе и понимала, что он не сегодня, так завтра спросит, почему к нему не приходит Шуня. Прошу доктора Ольгу Моисеевну взять какой-нибудь шприц, пойти со мной, потому что ему будет плохо.

– Не волнуйтесь, не будет, я знаю, – говорит она. Я объясняю:

– Вы, что, они прожили вместе пятьдесят пять лет!

Входим в палату. Говорю:

– Папа, у нас горе, мама умерла...

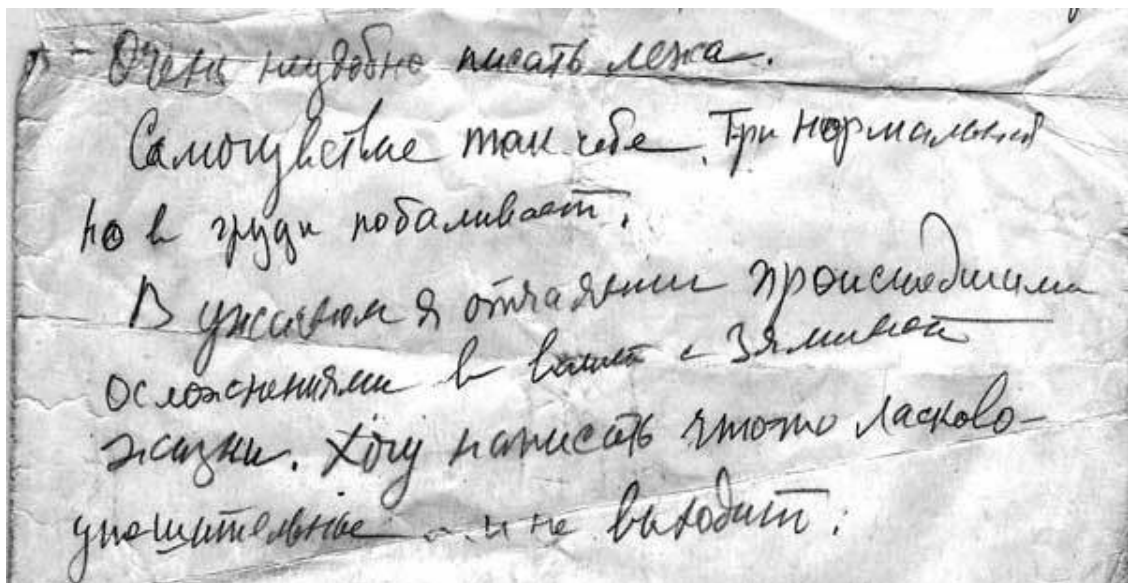
Он глубоко вздыхает и, как бы жалуясь, произносит:

– У меня сегодня желудок опять не работал.

Я начинаю заваливаться, Ольга Моисеевна вытаскивает меня в коридор, и приготовленный шприц, подняв мою юбку, вкалывает мне. Утешает:

– Не обижайтесь, он не виноват, это защитная сила человеческого мозга у старых людей опускает «шлем», не допуская до сознания горестных сообщений. Я же Вам говорила...

Так случилось, что Ольга Моисеевна была около мамы в последние минуты. Я поехала за обедом, решив, что к папе зайду уже с едой. У мамы началась фибрилляция, сестра и доктор, знавшие, что я хожу после них в неврологию, позвонили, и вместо меня прибежала Ольга Моисеевна.

Последняя записка Шуни

Видя мой совершенный отпад, она стала уговаривать меня поехать к Зяме, в Швецию:

– Обещаю, с Вашим папой ничего не будет, мы его поднимем. Сделайте расписание для близких, чтобы его посещали, и все будет в порядке.

Конечно, все тут же выстроились: Катя, Нина (жена брата), подруги – Ирка и Леля, и меня выпроводили. Это меня спасло, я начала спать, до этого и снотворные не срабатывали...

Катя с пузом, но жизненные бытовые обстоятельства заставляют ее и Валеру поставить штампы в паспорта. Не потому, что будет ребенок, а потому, что надо прописаться в одном месте. Тогда можно надеяться, что дадут не до такой степени малогабаритное жилье. В ЗАГСе спектакль устраивает Миша Козаков, свидетель со стороны «невесты»: «Обрюхатил (короткое ненормативное обращение), ну хоть совесть проснулась, и то спасибо!» Работницы ЗАГСа (ведь всегда только женщины!) сначала вздрогнули, но, увидев наши с Зямой умирающие от хохота лица, обрадовались и веселились от души.

Вернувшись, взяли через два дня папу домой (это был уже июнь), на дачу. Этот год, пожалуй, был первый в моей жизни таким тяжелым. Потом, увы, были и другие...

Поселили папу в привычной ему комнате. Занимаюсь с ним каждый день – заставляю вставать и вместе со мной ходить. Через дней десять начинает ходить сам. Голова в порядке, читает, мороженому радуется. Продолжаю удивляться, что ничего не спрашивает о маме. И, наверное, только через месяц по возвращении из больницы: пьем кофе вдвоем, Зяма уехал в Москву. Спрашивает ровным голосом:

– Шуня трудно умирала?

Рассказываю...

– Все ее вещи надо подарить.

Я:

– Уже я это сделала.

Говорит:

– Молодец, – и больше никогда не говорим о маме!..

В Москве делаем обмен: папу прописываем к нам, а Катю вместо него в их квартиру. Вроде бы все спокойно: Катя с мужем Валерием Фокиным. На даче Нюра, папа и мы с Зямой. Август, отпуск. Поселяем с Нюрой ее родственницу (которая нам ее и привела), и едем в наши палатки. Но! Долго покоя не бывает... Через неделю получаем телеграмму от Лели: «Срочно позвони!» Мчимся на почту, сообщает: положила Катю в больницу, подозрение на внематочную беременность. На следующий день выезжаю поездом в Москву. Зяма провожает и машиной поедет один (это дольше).

Приехав, мчусь в больницу, дивный доктор говорит: «Потерпите до завтра, у меня большая надежда, что беременность нормальная!» Завтра – все нормально! Но рожать обязательно, без вариантов. Валера и я счастливы. Сказать о Кате этого не могу, заявляет, что это не входило в ее планы. Смиряется, иногда говорит: «Это ты меня ввергла в пучину беременности!» Но при появлении Орика объявляет, что мы были очень правы.

Все живем на даче. Катя, Зяма, Валера уехали в город, Нюра в отпуске в деревне. Мы с папой вдвоем. Я работаю дома. Он похудел, много лежит, отказывается от обожаемого мороженого, и – что и меня, и докторов особенно пугает – стали возникать галлюцинации. Когда они возникают, делается вдруг физически очень активным. И в этот день я сижу, работаю, неожиданно папа появляется у меня в дверях, совершенно одетый (до этого одеваться помогали) и очень взволнованно говорит: «Скорей, он ждет!» Спрашиваю: «Кто?» – «Следовательно!» Вскидываю, обнимаю, прижимаю, веду, кладу. Иду принести лекарство – вхожу, он упал с кровати! Я одна, бежать кого-то звать даже не приходит в голову, поднимаю... Не инфаркт, как у мамы, но дикая боль внизу живота и хлещет кровь... Даю лекарство, папа задремывает, сама ложусь, кладу лед. По счастью, мужчины вскоре возвращаются, звонят Ольге Моисеевне и везут к ней в больницу.

Ко мне приезжает тоже «скорая», предлагают ехать в больницу.

Отказываюсь, обещая свято, как требуют, не вставать. К папе ходят Валера и Зяма. Он худшеет. И 15 сентября, отлежав десять дней, требую везти меня к папе. И Зяма помогает и слушается. Папа практически без сознания, на мои поцелуи – легкое пожатие, но скорее это мне кажется... Прошу мне звонить. И ночью, часа в два, звонят и сообщают, что он ушел... Подготовиться к уходу (смерти, конечно, но уж очень категоричное слово) своих – невозможно! Ведь я видела, что папы уже нет, но на звонок вскрикнула: «Как неожиданно!..»

Глава 33

Турлагеря дома ученых

Устройство лагеря. – Свента. – Никитины, Ширвиндты и Окуджавы. – Лагерь на реке Гауя. – «Но ты же не при ужу!» – Грибники. – Варенье на костре. – Стихи из Парижа.

После Зяминых гастролей и депрессии в Омске (возвращаюсь в 1963 год) – отпуск. Ничего не подготовлено для него. Моя подруга Рима (в жизни Муся) Каждан, работавшая в моем издательстве в редакции марксизма-ленинизма (была и такая!), рассказывает, что она с мужем (крупным ученым-византологом) едут в туристический лагерь Дома ученых в Литве на озере Свента. Туда ездят только члены Дома, но она попросит, и, может быть, нас возьмут.

Ученые на то и ученые: они создали у себя «турсекцию», которую возглавили кандидаты и доктора наук. Члены Дома покупали «путевку» и приезжали на поезде и на машинах (тогда еще немногих).

Турлагеря организовывались следующим образом: в первые годы в них было человек по тридцать-сорок, потом даже более ста. В разных местах страны: на озере Свента (Литва), на реке Гауя близ пограничного (Латвия – Эстония) города Валка-Валга, «Черноморка» на Северном Кавказе (около Геленджика) близ поселка Прасковеевка, на Украине (на реке Ворскла) и др. Все организовывалось на путевочные деньги, по тем временам очень скромные.

Была Хозяйка лагеря. В ее обязанности входило очень многое: закупка продуктов (и на рынке), руководство кухней, содержание материального имущества (палатки, раскладушки, одеяла, белье – его стирка). При ней в ее распоряжении были взятые, как и она, тоже из Москвы, повар или повариха, две помощницы по кухне и хозяйству, шофер с машиной. Туристам выдавались палатка, раскладушка, матрац, постельное белье. Условие: палатки ставятся на расстоянии не меньше двадцати метров друг от друга, пользоваться приемником только с наушниками или глубоко в лесу. Все это устанавливается близ озера, реки, на опушке леса, на поляне. Строение – столовая.

Обязанности – три раза в день в положенное время, по звуку гонга, прийти на еду. Еще за смену – двадцать четыре дня – один раз подежурить в столовой. То есть накрыть на столы, подавать еду. Грязную посуду все выносят сами, посудомойки моют, а дежурные вытирают столы и подметают пол, накрывают на следующую еду. Дежурят все: от рядовых мелких ученых до докторов наук и академиков.

Муся присылает телеграмму: нас в порядке исключения возьмут, но раскладушки надо привезти.

Грузимся в автомобиль и втроем – Зяма, Катя и я – едем на Свенту.

Нам выдают огромную, по-моему, на целый взвод, палатку. Ставить не умеем и только помогаем двум не самым молоденьким дамам – обе доктора наук – делать это за нас.

Гердт в турлагере на кресле своей работы

Лучшего отдыха, чем в этих лагерях, не было никогда! Мы бывали в них и в Прибалтике, и на юге в течение многих (пятнадцати) лет.

И так считаем не только мы, но и все «лагерники», с которыми временами встречаемся. Это была жизнь, конечно, которая и должна была бы быть во всей стране: приблизительно «социализм с человеческим лицом». Как мы все говорили: мы – «ненужники», только личное расположение, доверие. «Нужда», но по душе. Были интересны друг другу. Каждый вечер собирались у костра. Читали стихи – у нас же был Гердт! А он это делал лучше всех. Пели – а ведь с нами были Сережа и Таня Никитины! Иногда, несмотря на абсолютно добротную, сытную жизнь, жарили грибы или выловленную мужчинами рыбу и слегка, в полное удовольствие, конечно, выпивали.

Зиновия Ефимовича сделали (официально!) Почетным членом Дома ученых. Зяма всегда рассказывал, что его жена (я) обрадовалась оказанию ему этой чести больше, чем присвоению звания народного артиста РСФСР. Так, правда, и было.

Татьяна и Сергей Никитины

Таня и Сергей Никитины бывали там как кандидаты наук. Ширвиндты и Окуджавы были допущены вслед за нами, с Зяминой подачи. Кстати, Булат был единственным, кто не дежурил. Не помню почему, но почему-то это было признано всеми. Наверное, потому, что Поэт! Жена его Оля и сын Буля – дежурили.

Турлагерь. Дежурная семья Гердтов

Гердт-судья

Весь лагерь обожал, когда дежурил Гердт. Он играл невысказанно вежливого официанта, с перевешенным на локте левой руки полотенцем. Веселый спектакль!

Последним, где были и куда больше всего ездили, был лагерь на реке Гаюя. Его особенно вспоминаю: когда был год его открытия, я приехала без Зямы, с Катей, и участвовала в достраивании столовой. И все годы там была скамейка, которую я сама обстругала рубанком. Очень гордилась!

В какой-то год в ближней к нам палатке жил наш внук Орик с папой, тогда нашим зятем, Валерой Фокиным. Была жара, и после обеда все в тени своих палаток «отдыхали». Раздался крик: «Змея, змея!» Кричал Орик. Я как была, не в купальнике, а в бельевой одежде, рванула к

их палатке. Орик стоял на кровати (Валера куда-то вышел). Под ней действительно ползало... Единственно, чего я смертельно боюсь, – это змеи; правда, еще большие свиньи. Но здесь сработала физиология – внук! Подошедший Зяма мужественно протянул мне большую ветку для изгнания змеи и не преминул сказать: «Ты что, голая посреди лагеря!» На крик подбежал Буля, который смело взял у меня ветку и радостно сказал: «Да это же уж!» И спокойно выгнал его.

В этот же вечер мы ехали на двух машинах в баню-сауну, которая была в нескольких километрах от нас выше по реке. Возвращаясь к дневному происшествию, Орик вдруг спросил: «А почему при ужу нельзя ходить голым?»

С тех пор у нас дома, конечно, когда кто-то говорил: «Ой, я не одет!» – ему отвечали: «Но ты же не при ужу!»

* * *

Еще в Прибалтике тогда было развлечение – ездили по «малым городам», то есть в магазины. Это было увлекательно: брюссельские лифчики, куртки, кухонная мелочь, посуда... И, конечно, «коттоновые» тряпки, а не синтетика. Да! И флаг СССР (потом повешенный на удочке)! Старались ездить бабской компанией, мужчины в таких путешествиях нудили. Сленг проникал и в детей: Орик, получив от меня пакет, раскрыв и показывая деду, кричал: «Бабушка мне таких коттоновых солдатиков купила!»

Отъезд из лагеря

Ходили в лес по ягоды и за грибами. Самыми удачливыми грибниками были наша Катя и Сережа Никитин, «знали места», но их не показывали. А вот Шура Ширвиндт прославился широтой души. Был не очень грибной год, и мы компанией грустновато брели по лесу. Вдруг раздался крик: «Все сюда!» Это кричал Шура, вышедший на полянку, полную подосиновиков. Даже счастливо лишенные чувства зависти люди при сборе грибов жгуче испытывают его к удачливому грибнику. Все обалдели от такого благородства, а Шура справедливо заметил: «Другой бы затаился, ведь правда?» Из ягод я ходила только за малиной, надевая высокие резиновые сапоги, боясь змей. А землянику и чернику позволяла себе покупать на рынке ведрами! Потом на костре (!), как барыня, варила варенье. Вкус всего сваренного на костре другой. А варенья – особенно! Баночка такого варенья принималась как дорогой подарок. А на посланную в Париж получила стихи. От самого Доминика (о нем расскажу ниже) и его сестры

Зины. А от его пасынка Гарри – по-французски. Они у меня сохранились. Позволяю себе их привести, по-моему, наивно и трогательно.

Дорогой благодетельнице!
Пречудесное явление
Земляничное варенье!
Что из милых Ваших рук
Нам доставил Ваш супруг.

Аромат и вкус и вид
Все пленяет и дивит.
Не хватает фраз и слов
Чтоб Вам выразить признание!

Верим твердо. Что свиданье
Впредь возможно. Стол и кров
Ведь всегда для Вас готов.
Ожидаем Вас у нас
Доминик и Монпарнас.

Вся семейка Аронсон
Шлет Вам низенький поклон.

От автора этих страшных виршей, еще раз огромное спасибо (подпись).

Что за дивное варенье
Настоящее забвенье
Никогда здесь не бывает
И так Русь напоминает

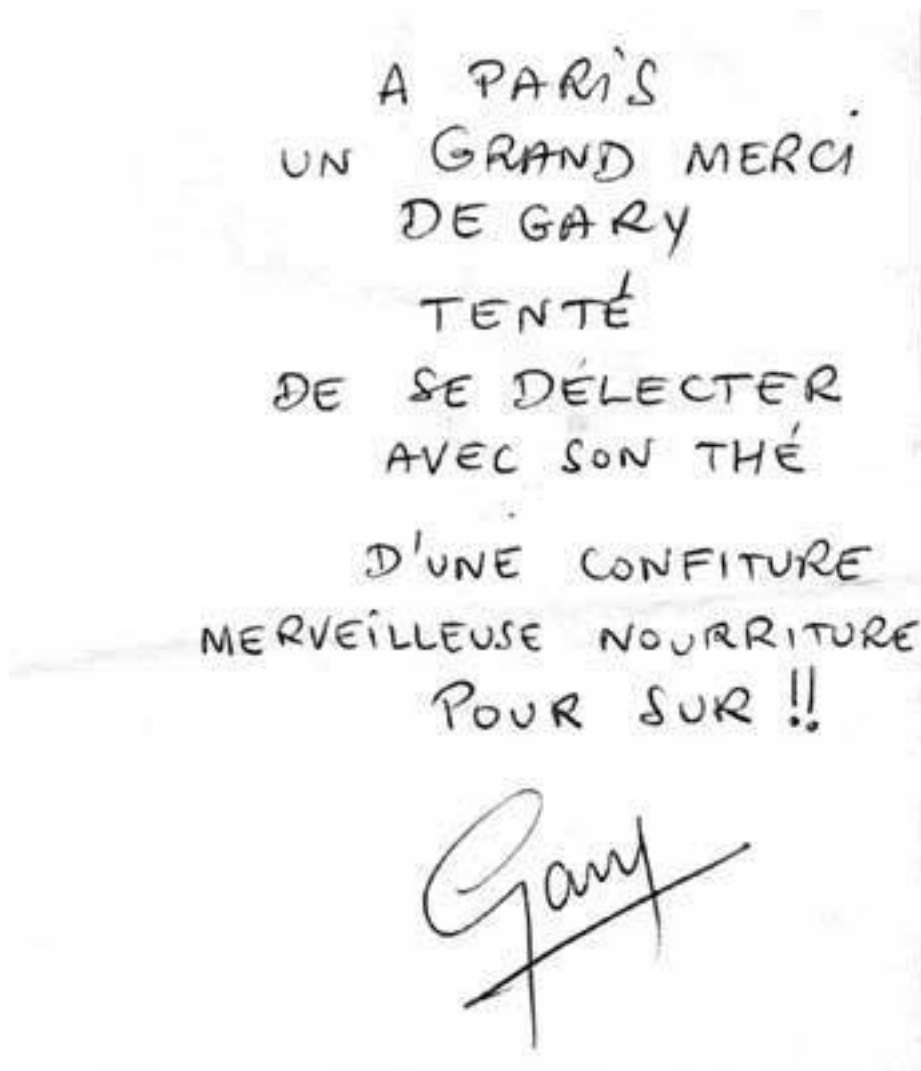
Благодарность за вниманье
Ждем мы нашего свиданья
И надеемся, что вскоре
Все доскажем в разговоре.

Зина

A Paris
Un grand merci
De Gary
Tenté
De se delecter

*Avec son thé
D'une confiture
Merveilleuse nourriture
Pour sur!!
Gary*

С концом СССР дом-ученовских лагерей в Прибалтике не стало – уже заграница. Был короткий (из-за дико комариного лета) лагерь на Валдае. А потом, уже без Зямы и Кати, была с «гауянами» в лагере под Костромой. Нас, бывших, было немного, жили в домиках с электричеством, а не в палатках, конечно, все не то!.. Но воспоминания и желание, чтобы детям досталось такое общение, – у всех лагерников!

Глава 34

Испания

Мимо Парижа. – Барселона. – Прадо. – Фламенко и коррида.

В 1975 году наша жизнь несколько изменилась: я стала ездить с Зямой (то есть с театром) в заграничные гастроли. Обычно на гастроли ездили только работники театра: Образцов, директор, артисты, рабочие сцены, музыканты и «сорок первый» – представитель Министерства культуры «в штатском». Из родственников – только Ольга Александровна Образцова, жена.

В 1974 году театр был на гастролях в Испании, и Гердт впал там в депрессию, из которой по его возвращении долго вытаскивала вместе с доктором. И на следующий год, когда предстояла опять гастроль в Испанию, Гердт заявил, что он поехать не сможет, так как «не может быть один».

Ситуация скандальная, без него не обойтись – он один играет на языке. И тогда какой-то чиновник из Министерства культуры посоветовал Зиновию Ефимовичу, чтобы он предложил руководству взять в поездку его жену, можно и за его, Гердта, счет. И о, неожиданность! Согласились! Под эту марку директор оформил и свою жену...

* * *

Поехали. Это была первая в моей жизни нерабочая поездка. После первого вообще выезда за границу в шестидесятом году с театром Образцова я стала «выездной» и несколько раз ездила переводчицей и с делегациями от Министерства культуры, и от Торговой палаты на выставки, и по делам Комитета по печати от своего издательства в свои арабские страны: Египет, Сирию, Ливан, Ливию, Алжир. А тут первая Европа! Да и еще удача: прямо в Барселону (начинали с нее) рейсов не было, а летели через Париж.

Рано утром прилетели в аэропорт Орли три супружеские пары: Образцовы, Миклишанские (директор) и Гердт с женой Правдиной. Вылет на Барселону через десять (!) часов с аэродрома Шарль де Голль. Туда идет автобус. А можно провести эти часы в городе? Да, конечно, но надо получить однодневную визу. Я, понимая, что хоть чуточку, но можно увидеть Париж, говорю: давайте получим эти визы. Считалось, что французский знает Ольга Александровна. Идут с Миклишанским, но сразу возвращаются ни с чем. Я, уже самостоятельно поездившая, говорю, что попробую. Беру паспорта, иду в *Air France*, прошу извинения, что говорю по-английски, а не по-французски, и через десять минут во всех паспортах французская однодневная виза. Говорю Зяме: «Давай позвоним Леле (Доминику), он обрадуется, за нами заедет, а потом отвезет в Шарль де Голль». В это время Сергей Владимирович говорит: «Нет, нет, давайте не расставаться!» Зяма, вяленький после вчерашних проводов, жалобно говорит: «Девочка, ну давай как просят». Я, выезжая в таком качестве в первый раз, дальше настаивать не смею... Садимся в автобус, ну, думаю, хоть из автобуса на Париж посмотрю. Фиг-то! Через пять минут понимаю, что едем по окружной и Эйфелева башня видна, как на дальнем плане в кино... Перестаю смотреть в окно, а потом, когда вынуждена обращаться к доктору по поводу щитовидки, понимаю, что «стресс», который, по мнению доктора, вызвал нарушение, случился именно тогда.

Чета Образцовых обладала дивным свойством: прибыв в новый аэропорт, они устроились в креслах и, как говорится, уснули «с колена». (Так, я видела, умел засыпать между дублями на съемках «Теленка» только Евстигнеев. Даже на пять минут!) И спали так долго, долго. Зяма

тоже подремывал, а я пошла гулять по аэропорту. Его открыли в этот год, и он впечатлял. Феерические, в прозрачных трубах, эскалаторы, которых еще нигде не было, и потрясающий книжный отдел-магазин с книгами на всех языках. Найдя русский, увидела «тамиздатовские» и, конечно, села и провела там несколько часов. Зяма, проснувшись, меня нашел и присоединился. Париж обошелся без меня...

Испания, конечно, дивная, особенно, думаю, для россиян, страна. Говорю это теперь, побывав почти во всех странах Европы (не была в Венгрии, Болгарии и тех, что были Югославией), даже в Лихтенштейне была!

* * *

Прилетели в Барселону. Гостиница на бульваре Рамблас. Смех! Не поселяют – у них забастовка, но через полтора часа кончится. Надо подождать! Так мирно, что даже уютно.

Несмотря на свою тоже совсем нелегкую, с Гражданской войной, историю, Испания в обычной бытовой жизни продолжает быть самой собой.

У меня в Москве была подруга, несколько старше меня. Она была испанисткой и во время Гражданской войны в Испании была добровольцем-переводчиком, естественно, у республиканцев. Была ранена, лежала в госпитале в Барселоне. Когда мы собирались в поездку, она составила мне целый список мест, которые в Барселоне надо посетить. Разница в наших пребываниях тридцать семь (1938–1975) лет. Но: морской музей работает, а с площади (название не вспомню) автобус № 48 продолжает курсировать до монастыря Черной Мадонны! Сад Гауди, собор Саграда Фамилия, рыбные кафе на берегу, где вместо ковриков на полу ноги шурша ступают на креветочную шкурку толщиной сантиметров в двадцать. И т. д., и т. п. А каталонские танцы на площади?!

Я в Барселоне была еще два раза, и всегда меня кроме радости охватывала белая, но зависть: почему бы Одессе не быть такой? Море не хуже...

Мадрид. Лучшее место в нем (субъективно же!) Пласа де Майор. Немыслимо вкусные жареные шампиньоны в крошечных кафе! А в Прадо, поняв его необъятность, ходили восемь раз, посещая не больше двух художников в один заход. А в Толедо я почувствовала историческое дыхание: нормальный арабский город, говорила я, когда меня спрашивали, почему я не удивляюсь.

А в Валенсии меня, да и Зяму, потряс рынок. Все (все!) продавцы в перчатках. Мы из Москвы, столицы (!), где близко ничего подобного быть не может. Запахи только натуральные, пакеты! Думаю, сегодняшним москвичам мои восклицания (очень надеюсь) покажутся удивительными. Но то сорок лет назад! В Валенсии, несмотря на Зямыны всполыхи, купалась!

Почему я думаю, что Испания должна приходиться по сердцу россиянам? Испанцы приветливые, болтливые, не сердятся на то, что ты говоришь по-английски, а не по-испански. У французов и когда-то у «наших» прибалтов менялось выражение лица на ваше обращение по-английски и по-русски. Нигде нет пуританской, как в Швейцарии, чистоты, с порошком мостовые не моют. Водители тоже, как и наши, далеко не безупречны...

Билет на корриду

Да! Кроме того, фламенко и коррида. Нас повели на фламенко в какое-то заведение *rouge touriste* (для туристов). Мило, но не очень. По счастью, у нас в Мадриде была знакомая пара. Он из бывших «испанских детей», женился на москвичке и, когда умер Франко и стало возможно вернуться домой, сразу стал обратно совсем мадридцем. Они повели нас на фламенко «для своих», в крошечный ресторан. Не забуду никогда!

А потом рабочие сцены, нормальные ребята, читавшие Хемингуэя, сказали, что пойдут на корриду, несмотря на то что «хозяин» этого не позволяет. Зяма сказал, что, может, он и прав, так как это жестокость, и что он не пойдет. А я спросила: съесть бифштекс не жестокость? И сказала, что больше верю Хемингуэю, и попросила ребят купить билет и на меня и взять с собой. До сего дня не жалею, что видела это. Это – искусство, такое же, как фламенко. Кстати, очень похоже! Вернувшись, я целый вечер играла в тореадора, а Зяма хохотал, завидовал и жалел, что не поддался на мои уговоры.

Глава 35

Япония

Сила примера. – Начинаю жить. – «Ранний Блок» в Японии. – Бесконечное рукопожатие. – Сауна и чайная церемония. – «Аригато, домо аригато!» – Синтоизм. – Как можно потерять лицо. – Смешная вазочка. – Театр Но.

После Испании мои поездки с Зямой на заграничные гастроли стали рутинной. Нужны были только: отпуск на работе, характеристика из райкома партии (притом, повторяю, членом партии не была), медицинская справка. И, конечно же, деньги на авиабилеты... Были: Бельгия, вся Скандинавия, Голландия, но самая главная – Япония! При этом и самая долгая – три с половиной месяца. Был отпуск за прошлые годы, текущий год и полтора месяца отпуск без сохранения содержания. Япония была и остается страной, произведшей на меня самое большое впечатление. Даже теперь, после моих путешествий с Зямой, не с театром, в США, Израиль и в совсем, совсем Европу – Прагу, Париж, Женеву и др., а потом, увы, без него, в Италию, Англию и тоже др., Япония для меня «круче» всех.

В советское время, вернувшись из безумно мне понравившихся Лиссабона или Амстердама, я на следующий день шла, чувствуя себя совершенно привычно, в магазин «Диета», занимала сразу очередь в кассу и к продавцу. А приехав из Японии, я адаптировалась больше месяца. Оказалось, что белый цвет у нас не совсем белый, а детям до пяти лет нельзя говорить слово «нельзя». А как же вы их, чуть повзрослевших, приучаете стоять, как вкопанных, на красный свет? Ответ прост: силой примера...

Однажды я стояла в большом магазине электротоваров, ожидая артистку театра, выбиравшую люстру, чтобы подойти, когда надо будет разговаривать на кассе. По всей свободной площади магазина стояли на подставках картинки, картонные макетики и прочая легкая реклама. Девочка лет трех-четырёх ходила между этих подставок и размашисто рукой сшибала всю эту вполне легкую массу.

Кроме меня на эту вакханалию смотрел служащий магазина (он был в форме). Я понимала, что я не могу и подумать о том, чтобы малявку остановить или хотя бы позвать ее взрослых. Служащий не шелохнулся, не схватил бандитку за руку, не закричал: «Мамаша, возьмите вашего ребенка!» – а дождался момента, когда ей все это надоело и она перестала крушить. Спокойно прошел и поставил все на место. При этом приветливо улыбался маленькой. В любых ситуациях лица взрослых, обращенные к детям, всегда в улыбке!

Наверно, сегодня Япония изменилась (мы были там около сорока лет назад). Через две недели пребывания в Токио я поняла, что чувствую себя как баба, приехавшая из глухой деревни, говорящая: «Как вы в этой сумасшедшей Москве живете?» Английских надписей очень мало, в метро без них очень трудно, говорят по-английски тоже очень редко и неохотно. Предела изобретательности нет, все, что должно работать, – лампочки, защелки и т. п. – работает. Написано в номере, что надо закрываться на цепочку. При поселении в новый номер я радостно воскликнула: «Вот и у них цепочка не вставляется!» Рукастый Зяма: «Дура, конечно, если вставлять другой стороной».

Чувствую, что впаду в депрессию. Говорю, отправляй меня домой. Зяма возмущен: «Ты что, с ума сошла, нам еще три месяца быть!» Ночью я подумала: надо перестать быть турист-

кой, а начать жить. У меня отпуск, надо не торопиться бежать «смотреть». Завтракать, как в отпуске, минут сорок. И, перестав носиться, я успокоилась и, действительно, начала жить!

Вскоре к нам пришел аспирант университета – славист. Я привезла ему письмо от его бывшего учителя, который работал переводчиком у нас в японской редакции. Имя учителя Миядзава, а аспиранта – забыла. Он был очень рад общаться с нами – практика в русском языке! Был очень трогательный, рассказывал, как он благополучно живет: у него с мамой жилье размером в целых восемь татами! (татами = два квадратных метра). А когда мы спросили, кому будет нужен в Японии «Ранний Блок» – тема его научной работы – и можно ли на это прокормиться, он сказал, что ранний Блок нужен ему, а на жизнь надо совсем немного: можно же есть лапшу из стаканчика – она ничего не стоит.

Он привел к нам свою коллегу, которая съездила с нами в древние японские столицы: Киото – Сад камней, в Нару, где была потрясающая встреча с детьми. Зяма и я, осматривая очередной очень, очень старый храм, вышли на его лоджию, и туда же с другого ее конца вышла длинная вереница экскурсантов – школьников явно начальных классов. Когда, проходя мимо нас, первый из них поравнялся со мной, я протянула ему руку. И! Все последующие уже сами тянули руки для пожатия. Их было человек тридцать! Когда они прошли, к нам подошла пожилая пара англичан, и они, смеясь, сказали: «Спасибо, Вы выглядели, как наша королева!»

В древней японской столице Нара

Сильнейшее впечатление – посещение японской сауны. Поняла, почему японки так неотразимы для мужчин. Совершенно, казалось бы, хрупкие, на самом деле вполне плотненькие и сексапильные, просто очень тонкокостные! Еще – чайная церемония. Наша знакомая повела не на туристическую (поскольку сама японка), а на настоящую, к своим знакомым. Несмотря на тогда еще имеющую место быть некоторую спортивность, увидев, как надо сидеть, поняла, что не смогу. Но наша японка понимала это раньше меня, и сразу мне было сказано, чтобы я села, как мне удобно, а не на скрещенные поджатые ноги. Зяму сразу посадили так, что он мог положить свою негнущуюся инвалидную ногу. Конечно, мы к этому действию не готовы! Человек шесть (или восемь?) сидят в круг на полу, и им передают предмет – первым была небольшая ваза. Каждый осматривает ее со всех сторон очень внимательно и довольно долго и передает соседу. Осматривание сопровождается словами, как потом нам объяснили, выражающими

впечатление от этого предмета. Мы с Зямой чувствовали себя немножко идиотами, переглядывались и, конечно, были смущены: вокруг с серьезными лицами люди, слушая друг друга, что-то выразительно высказывают! Потом всем в небольших чашках подали чай. А дальше – еще один предмет... Все длилось часа два. Интересно!

У нас часто считается, что японцы очень сдержанные и неэмоциональные. Ничего подобного! После окончания спектакля к Зяминой гримерке выстраивалась очередь. Каждый долго кланялся Зяме и потом что-то говорил, считая, очевидно, что раз его конферансье целый вечер произносил текст по-японски, то его-то уж точно поймет. Зяма красиво кланялся в ответ и произносил: «Аригато, домо аригато!» А потом, оборачиваясь к нам, говорил: «Может, они говорят: “Отдайте Курильские острова”, а я им – “Спасибо, большое спасибо”». А один японец снял с руки часы и силком надел их на Зяму! Замечательный электрик театра Слава Сулейманов никак не мог запомнить нужное слово «спасибо» – «аригато». Зяма учил: «Есть вино – алиготе, похоже ведь?» – «Конечно, конечно!» На следующий вечер мы услышали, как Славка со вкусом говорил кому-то: «Каберно, домо каберно!»

Таня в роли «английской королевы»

Конечно, из всех религий (мысль субъективная!) лучше всех – синтоизм! Праздники: цветение сакуры, сжигание травы на склонах, девочки, мальчики и тому подобное! Во время цветения сакуры устраивают пикники под ее ветвями в парках; в День девочки – всюду разнообразнейшие куклы, девочкам – подарки, а в День мальчика перед домом, в котором есть мальчики, – шест, на котором надувные рыбы-карпы по числу живущих мальчиков. Почему именно карпы? Потому что карп – единственная рыба, поднимающаяся вверх по водопаду!

Какой русский язык у японки!

С театром работала замечательная переводчица Комити. Маленькая, приветливая, поразившая меня удивительно глубоким знанием русского и интересом к нему. И произношением! Даже очень трудный для японцев звук буквы «л», вместо которого они говорят «р», произносила шикарно. Мы сохранили отношения и некоторое время переписывались.

Все интересно! Если честно, то не всегда все понятно. Для настоящего понимания даже трех месяцев мало, надо дольше, чтобы глубже понять привычки, природу этих постоянно приветливых людей. Наши с Зямой молодые люди из торгпредства рассказывали, что только недавно (а они уже были в Токио несколько лет) их соседи по дому стали с ними близки. Почему? Когда они приехали и первый раз сели есть, то обнаружилось, что нет соли. Что делает нормальный москвич? Звонит, тем более что владеет японским, в соседнюю дверь и, извиняясь за беспокойство, просит соли. Ему, конечно же, дают, мило кланяясь. Дальше, встречаясь, здороваются, но в близость не вступают. Это удивляет, потому что обычно японцы стремятся

дружить, помочь. Ребятам объясняют: вы для них «потеряли лицо», не вызываете большого доверия. Чем? Если бы было нужно лекарство или что-нибудь очень срочное, а без соли поесть – пустяки, можно обойтись, не «просить же»... Но со временем все обошлось, и японцы поняли про московские взгляды!

После спектаклей всегда бывали цветы. Мы жили в центре Токио в «деловой» гостинице. Номер был небольшой, но постельное белье и полотенца, кимоно, кремы, шампуни и зубные щетки менялись каждый день. Беспечно гуляя, я купила маленькую вазочку, по моим понятиям, очень удобную для одного цветка. Очень мило выглядело на письменном столе. На следующий день мы еще были в номере, когда пришла девушка-горничная убираться. Она увидела цветок в вазочке и ничего делать не могла: хохотала, что называется, до упаду. Показывала на объект и просто падала. Ничего, естественно, не понимая в ее японских всхлипах, я позвонила Комити. Та вошла, девочка показала ей жестом на вазочку, и она захохотала так же самозабвенно. В чем дело? «Вы поставили цветок в сосуд для sake!» Не в ночной же горшок, подумала я. А потом, размышляя, поняла, что это прекрасно, что я сама же буду возмущаться, если селедку положат на блюде, лучше уж на газету...

Японская «вазочка». «Объект смеха до упаду»

Еще ведь и театр! В театр Кабуки не ходили, так как видели их в Москве, они приезжали. А в театр Но пошли. Это вот и есть: «Запад есть Запад, Восток есть Восток», а чтобы «вместе они» сошлись, надо очень много всяческого труда для истинного понимания. Было интересно только голове, душа не задрожала. Но когда выходила, если честно, почувствовала себя несколько недоразвитой. Зяма тоже сказал, что он не дрогнул, потому что «не все дошло».

Япония, по моему пониманию, входит в число мест на земле, которые, если иметь хоть малейшую возможность, надо стремиться посетить. Для меня еще Париж и Иерусалим – после них русская литература становится еще пронзительней. И, конечно, Венеция... Не была, но почему-то манит меня Исландия. Да бог с ней!

Глава 36

Французские связи

Олег Янковский. – Лев Адольфович Аронсон, Лёля. – Ресторан Доминик. – Зяма в театре Образцова. – Приглашение от Доминика. – Донос. – Поездка в Париж. – Бранка Веселинович. – Агитпункт Запада.

20 мая 2009 года умер Олег Янковский – 65 лет (мне 81!). Казалось бы, не друг и даже не приятель, а просто знакомый. Но такой, которого часто вспоминаю и к которому испытываю истинное чувство благодарности. Не только как к большому артисту («великий», я считаю, мы все должны оставить Чаплину), а к человеку редкостной тонкости души. Событие, которое навсегда родило во мне это чувство, произошло в мае 1983 года во Франции. Поэтому расскажу по порядку.

В 1982 году в Ленинград из Парижа приехал Лёля – Лев Адольфович Аронсон, а точнее, Доминик. В Париже до недавнего времени, на Рю-Бриа на Монпарнасе, был русский ресторан с этим именем, которое предпоследние владельцы вполне умно сохраняли. А создал его Лёля (так он мне приказал себя звать через полчаса нашего с ним знакомства). Он смог в 1927 году уехать из Ленинграда в Париж. Сумел открыть русский ресторан, чтобы было на что кормить жену Ольгу, ее сына и двух сестер – одну, Зину, окончившую Вагановское училище и приехавшую с ним в Париж, и Нину, оставшуюся в коммуналке в Ленинграде. Сам Лёля-Доминик был человеком литературным, театральным, поэтому и ресторан стал славен не только настоящей русской кухней, но и своим совершенно уникальным интерьером: стены увешаны работами русских художников-эмигрантов – Бенуа и иже с ним, атмосфера слегка богемного клуба.

Лёля кроме управления рестораном был театральным журналистом, писал рецензии на все спектакли по русским пьесам, собрал и до конца дней собирал коллекцию самых разных старинных русских предметов; среди них помню топорик, которым, как доказывали какие-то бумаги, Петр I закладывал Петербург.

Ресторан был не только, как я уже сказала, как бы клубом российской эмигрантской художественной интеллигенции, но привлекал и коренных, даже именитых, французов – у Доминика мирились Ив Монтан и Симона Синьоре после его загула в Америке с Мэрилин Монро...

Все приезжавшие в Париж гастролеры из России (тогда СССР) были обихожены Домиником – и рецензиями, и обедами в ресторане. Принимая чету Образцовых и Гердта, влюбился в Зяму, и они задружили по-настоящему – созванивались, переписывались. С okazji я послала брусничное варенье к индейке на Рождество, а послав однажды варенье из лесной земляники, получила в ответ стихи (по-французски и по-русски) по этому поводу.

Доминик (в центре) с сестрой Зиной после вручения Ордена Почетного Легиона

В 1982 году сестра Лёли – Нина, жившая в Ленинграде, стала слаба и не смогла, как было до этого, из своей коммуналки поехать на месяц в Париж. Поэтому Лёля, отбросив все страхи жены Ольги («нельзя ехать, КГБ не выпустит обратно!»), понимая перемены (82-й год!), решил сам прилететь в Ленинград и позвонил нам с просьбой приехать, чтобы «наконец познакомиться с Таней».

Приехали утром с поезда в «Европейскую», вместе завтракали, после второй чашки кофе Лев Адольфович сказал: «Зовешь меня Лёлей и на ты», а узнав, что я не была в Париже, закричал не допускающим возражений голосом, что необходимо осуществить это немедленно, «пока я жив». Вернувшись домой, по-моему, первое, что он сделал, – оформил и выслал нам с Зямой приглашение.

К этому времени Зяма в апреле восемьдесят второго года попрощался с театром Образцова – в который пришел ещё на костылях после войны и провел в нем тридцать шесть лет. Идея примкнуть к кукольному театру зародилась в нем, когда он лежал в гипсе после ранения в госпитале в Новосибирске, куда приехал с гастролями театр Образцова. Лежа на носилках недалеко от сцены, он, как рассказывал нам, «больше смотрел на ширму, чем на актеров», думая о том, что за ней не видно, каков актер. Что он не останется «целеньким», он понимал, а без театра жизни себе не представлял.

Слава Богу, а скорее благодаря необыкновенной, конечно же, от Бога, доктору Ксении Максимилиановне Винцентини, которая, несмотря на решение консилиума (уже в Москве, в Боткинской больнице, где был госпиталь), после десяти операций, из-за остеопороза – не удачных, делать ампутацию, шепнула Зяме, перед тем как давать наркоз: «Попробую вдоль».

И – удача! Хромая, короче на восемь сантиметров, но своя, не протез. Пластичный от природы Гердт делал на каблук левого ботинка набойку в четыре сантиметра, ходил без палки, даже танцевал, был элегантен, но, конечно же, уставал и, когда не было чужих, мог, спускаясь по лестнице, (что труднее), слегка матерясь, сказать: «Надоело!»

Даже расставшись с кукольным театром, Зяма продолжал его очень высоко ставить, говоря о неограниченных возможностях в нем. Сам он стал замечательным кукольником, это отдельное умение – сделать куклу не только говорящей твоим голосом, но и продолжением твоего тела... Я помню, как по мне побежали мурашки, когда, сидя на балконе в театре в Каире, я переводила на арабский в микрофон «Волшебную лампу Алладдина» и сверху увидела, как в зависимости от интонации меняется выражение лица куклы Алладдина. Гердта, ведущего куклу, мне видно не было, вероятно, именно такое лицо было и у него.

Он считал, что сыграть можно любым предметом, любую драматургию (помните: мама, папа, дочка, жених, все – зонтики, французы!). Считал Сергея Владимировича Образцова очень большим талантом и очень огорчился, что тот после ухода из жизни тех, с кем он создавал театр, постепенно превращался из Художника в «Хозяина» (так его звали все в театре). Стали возникать разногласия по «художественной линии»: Сергей Владимирович был абсурдно тщеславен и, будучи уже очень знаменитым и пользующимся заслуженной славой, с трудом и ревностью относился к чужому успеху.

Смешное воспоминание: в «Необыкновенном концерте» финальные поклоны поставлены так – появляются руки артистов, потом их лица, потом каждый артист со своей куклой проходит с поклоном по сцене и последний – один, с «конферансье» – Гердт.

Публика (особенно за границей) взрывается – этот персонаж целый вечер разговаривал с ней на её языке. Аплодисменты, крики благодарности... Все работники собирались за кулисами: «Долго ли выдержит, стоя в кулисе, Хозяин?» Недолго. Вполне доброжелательно хохоча, все расходились: ну, такая слабость...

Зяма к этому времени тоже стал «знаменитым»: был всеми любимый закадровый текст и «тембр» в кино, «Фокусник», «Телёнок» и другие фильмы. И вместо того чтобы радоваться наличию у себя в театре такого артиста, которому билетёры говорят: «Ой, Зиновий Ефимович, когда Вы играете, публика как живая!» (кукольный же театр!), – Образцов раздражался и однажды сказал в Министерстве культуры: «Или я, или он». Зяма попросил листок бумаги, тут же написал заявление и стал «свободным художником». Как оказалось, не только к моей радости, но и на пользу, так сказать, «российскому искусству». Он вышел на «человеческую» сцену и сделал несколько, по общему мнению, значительных работ в театре («Костюмер»), кино и телеспектаклях («Кузен Понс», «Я – Фейербах», Арье Лейб в «Биндюжнике» и пр.).

Так вот, получив приглашение от Доминика, мы сдали все документы (анкеты, характеристики – заверенные райкомами партии, – хотя и Зяма, и я беспартийные) в ОВИР. И поскольку мы оба, особенно Гердт, уже много выезжали за границу, то спокойно ждали. И вдруг – отказ в выезде (причины объяснять не считали нужным)! Стали размышлять: кто над нами, вернее над Зямой, главный начальник? По логике самый высший – министр культуры. В это время – Демичев. Записался на прием. Назначили время, но тут умер Брежнев, все отложилось. Потом, очень любезно, предупредили за два дня. Министр принял Зяму необычно-

венно приветливо, вызвал помощника с бумагами, и выяснилось, что на Зяму в ОВИР из театра (после того, как там же выдали характеристику) вслед послали донос, в котором было сказано, что Гердт «непредсказуем и без сопровождения отпущен быть не должен» (это после более двадцати с лишним выездов)! На бумаге была даже подпись: Миклишанский Михаил Ефимович – директор театра. Надеюсь, что Сергей Владимирович об этой бумаге не знал, думаю, он бы её не допустил... К чести министра, он возмутился, и через несколько дней нам был звонок из ОВИРа «с просьбой» заехать за готовыми паспортами...

* * *

Поехали в Париж на поезде, так как не торопились и было интересно. В Белграде встретились (дав знать о проезде) с Бранкой Веселинович – замечательной нашей подругой, знаменитой артисткой, югославским Райкиным в юбке. Сидели в кафе, чуть не опоздали на поезд. Потом, к сожалению, незабываемое ужасное впечатление от проезда по Германии – темнота, колючая проволока, лай овчарок (ГДР), и вдруг залитый сверкающим светом *агитпункт* Запада – Западный Берлин. Что этому положен конец – заслуга Михаила Сергеевича Горбачева, думаю, все должны это знать и помнить.

Глава 37

Париж и Канны

Вечера в Париже. – Дешевый путь на Кот д’Азюр. – В гостях у Сони Боотс. – «Ностальгия» в Каннах. – Красная дорожка.

Прибыли на Гар дю Нор, встречали нас Лёля (Доминик) и Отар Иоселиани, уже несколько лет живший в Париже, с которым очень дружили в Москве.

Неделю жили в малюсенькой гостинице напротив ресторана, а потом переехали к друзьям, но по настоящему Лёли каждый день бывали у него. Все российские люди, выезжавшие в те времена за границу в командировки, на гастроли, в гости, имевшие суточные и даже гонорары, возили с собой консервы, так как деньги, всегда небольшие, надо было экономить: на одежду, обувь...

У нас была одна забота – не растолстеть на ресторанных харчах. Лёля требовал от меня пробовать все и давать отзыв – по-русски ли сделана еда. Водил к повару (он был серб), чтобы я объясняла ему, как варить суп из сухих белых грибов, мешок которых мы привезли.

Вечерами сидели с Лёлей и его женой Ольгой в их небольшой, очень уютной квартире над рестораном, наполненной бесценными предметами русского прикладного искусства, собранными Львом Адольфовичем за жизнь. После смерти Доминика и Ольги её сын Гарри, наследник, продал коллекцию, и это понятно: не он ее собирал, воспитывался на Западе и душу его она не грела. Но, говорят – и очень надеюсь, что это правда, – большую часть ее купили Ростоповичи и русские художники.

Почти каждый день общались с Викой (Виктором Платоновичем) Некрасовым... Нас, узнав через Москву, что мы в Париже, нашла Соня Боотс, когда-то бывшая переводчицей на гастролях театра в Голландии, ставшая Зяминой, а потом, при наездах в Москву, и моей подругой. Соня и её сестра Розитта совсем-совсем крохотными были вывезены мамой и папой, бывшим владельцем какой-то нефти в Баку, в двадцатых годах в Голландию. Отец успел до ухода из жизни купить (а может быть, даже построить) дом на юге Франции, в трех километрах от Монте-Карло.

Умные родители, живя в Европе, сумели для девочек сделать русский язык хоть и с акцентом, но полностью родным.

Позвонив нам, Соня сказала, что глупо быть во Франции и не побывать на Лазурном берегу, на Кот д’Азюр, в их доме в Кап-дай. «Я еду туда из Амстердама и встречаю вас». Денег у нас было чрезвычайно мало: тогда при выезде можно было обменять очень небольшие суммы, – взять у Лёли на развлечение мы, вполне уже почтенного возраста люди, не могли (и он это понимал). Поэтому весь ресторан принимал участие в выборе наиболее дешевого пути на Кот д’Азюр. Лёля предложил свой огромный «мерседес», но кто-то из официантов объяснил, что и бензина жрет много, и ехать надо по хайвэю, что тоже дорого. Тогда бывшая петербургская балерина Зина, сестра Лёли, взяла нас и повела в турбюро, сказав: «Там сообразят». И правда! Операторша, поняв проблему, сказала, глядя на Зяму: «Месье пенсионер?» – «Да, но в России!» – «Но ведь в Париже он не моложе, по этому надо приобрести карт де лиля (лиловую, сиреневую карточку), и все расходы (даже кинотеатры) будут стоить половину». Мы купили билеты на поезд до Монте-Карло, это была его предпоследняя остановка – он шел в Италию. Дурацкие вещи остаются в памяти: сели вечером, впереди была ночь, в купе лежало белье, которое следовало постелить. Я и так считаю, что вдвигание одеяла в пододеяльник не людское занятие, называю это цирковым номером: «борьба человека с пододеяльником». А тут был какой-то дикой хитроумности предмет, над которым я билась, но доперла и – вдела! В наше

купе села дама-француженка и – о, радость! – тоже не знала, как сладить. Я показала, горжусь до сегодняшнего дня.

Соня встретила нас, мы были единственные, кто сошел с поезда. Семь утра, восходящее солнце, полная тишина, только весенние птицы...

Надо проехать через город, но выяснилось, что на час движение закрыто – репетиция перед знаменитым ралли. Соня везет нас наверх, на гору к замку, чтобы ждать с видом на залив. Ощущение полной нереальности. Как будто ты внутри кинокадра или рекламы: солнце, море, яхты...

Через двадцать минут езды – мы ехали вдоль моря, но по верхней дороге – я увидела дом в три этажа, стоящий практически на воде. «Вот это да, как стоит дом!» – закричала я. «А мы в него и едем», – сказала Соня. Ни до, ни после я не видела дома, лучше созданного для отдохновения – глаз, слуха, души... Столовая на втором этаже выходит на веранду-палубу, под которой бьется прибой, ручки у дверей во всем доме белые фарфоровые с розочками (как саксонские!), лифт...

Соня на своем крохотном автомобильчике («дешво» – две лошадиные силы) возит нас по Лазурному берегу – знаменитому побережью и городкам в горах: внутренне превращаюсь в сплошное «ах!» и испытываю очень тоненькую, но зависть! Ну почему бы Костроме, Ярославлю, Угличу, побережью Черного, Азовского морей, не говоря о Суздале, Валдае и еще тысяче российских названий, не быть такими уютными, вкусными, «желанными» для людей местами?

* * *

В одну из поездок Соня везет нас в Канны, где в это время идет кинофестиваль. Встречаем массу знакомых и договариваемся с главой российской группы, что приедем на показ «Ностальгии» Тарковского. Это 1983 год; до того времени, когда этот фильм можно будет увидеть дома, – ох, как далеко! Соня возвращается в Амстердам, поэтому мы без машины и едем в Канны на электричке. Показ фильма начинается в 11 часов вечера, ночью электричек нет, так что надо ночевать в Каннах.

Начинаем одеваться, собираясь в поездку. Я вынимаю не бог весть какое, но все-таки как бы вечернее платье, и Зяма мне говорит: «Ты что, сдурела? Ты же видела – все в шортах и кроссовках!» Я начинаю доказывать, что это – днем, а вечером... Единственное чего добиваюсь, что еду в ситцевом, слава богу, однотонном, костюмчике и туфлях на высоких каблуках (а не в майке и кроссовках) и заставляю Гердта надеть хоть и легкий, но темный костюм и белую рубашку. Убедить не надеть, но хотя бы просто положить в карман галс тук не удалось. По приезде в Канны, двигаясь по направлению к набережной к «Карлтон-отелю» (самому-самому в Каннах), где мы должны были в восемь вечера встретиться с Олегом Рудневым (тогда главой Совэкспортфильма), чтобы взять приглашения, мы заходили во все гостиницы в надежде найти место для ночевки. Везде, с любым количеством звезд, была надпись: осуре (занято). И вдруг крошечный Vivuac de Napoleon – надписи нет! Оказалось, один крохотный номер свободен... Портье, он же хозяин, увидев наши «краснокожие», закричал: O-la-la! Из чего мы поняли, что никогда в жизни никто из советских к нему не заходил. Какое счастье, что наши дети не могут сегодня понять, что мы совершали «криминал». Обеспечив ночлег, посидев в кафе с дивным песочным малиновым пирогом, в хорошем настроении вошли в «Карлтон-отель». Публика уже клубилась – дамы в платьях на бретельках, мужчины при бабочках... прошла жена Тарковского в закрытом платье, но полностью расшитом камнями.

Я – в костюмчике из жатого индийского ситца болотного цвета, Зяма – с распахнутым воротом, совершенно летнем костюме... Бедный Олег, вручив билет, на котором недвусмысленно было написано dress code – smoking, сказал Зяме: «Так тебя не пустят, идем!» – и повел

к себе в номер надевать на него бабочку. (Она долго жила у нас, а, когда Зямы не стало, я подарила её «на счастье» нашему другу.)

На Зяму нельзя было смотреть – таким виноватым он себя ощущал, понимая, как я огорчена, что при моей любви к кино надо уезжать... «Нет! – закричал он. – Значит, так: ты играешь богатую американку, с придурью, которая так любит этот костюмчик, а на всех ей наплевать, правда, хорошо, что хоть туфли как надо...»

В составе русской группы подошли к красной дорожке фестивального дворца. Я не только не великая актриса Мария Николаевна Ермолова, но и в самодеятельности никогда не участвовала. Так что уверенной придурочной американки (тем более в составе русской группы), конечно, из меня не вышло.

Второй раз в жизни я чувствовала на себе удивленное внимание такого количества людей. Первый раз такое произошло задолго до этого в Ташкенте. Я приехала туда в качестве переводчика с двумя сирийскими арабами – крупными партийцами, которым показывали разную образную богатую советскую жизнь: фабрики, колхозы-миллионеры, а в Ташкенте в пятницу для доказательства свободы – мечеть. Повели на самые почетные места, где, естественно, ни одной женщины не было, а в мечети и вокруг нее, как мне потом сказали, более пяти тысяч молящихся. Приведя меня туда, начальники совершали нарушение, но – «высокие гости...». Я стояла, опустив глаза, но мне было наплевать, от меня ничего не зависело.

А здесь, в Каннах, – я же сама виновата, могла бы и не пойти!

И тут герой дня Олег Янковский подходит, берет меня под руку, и мы поднимаемся по этой красной дорожке... Можно это забыть?!

Глава 38

Две поездки в Армению

50 лет советской власти. – В Сирии с Кайсыном Кулиевым и Гарегиним Севунцем. – «...коньяк-то ее!» – Три дамы в тресте «Арарат». – Столетний юбилей. – Рассказ Зямы о Шустовых.

Одним из отвратительных проявлений старости является нарастающее отсутствие желаний. Поэтому когда моя мама, перенеся два инфаркта и туберкулез легких и достигнув 74 лет, вдруг сказала, что ей хочется «на старости лет» посмотреть на коньячные владения ее деда и отца в Армении, мы (Зяма и я) очень обрадовались. И, естественно, стали думать, как организовать поездку.

* * *

Я однажды получила очень страстное приглашение приехать в Ереван. Возникло оно смешным образом. В юбилей Октябрьской революции (для совсем молодых – произошла в 1917 году) во все страны ЦК партии посылал делегации каких-нибудь деятелей культуры, чтобы они рассказывали о «великих достижениях» советской власти. И я поехала в ее пятидесятилетие в качестве переводчицы с двумя такими деятелями: поэтом Кайсыном Кулиевым и армянским писателем Гарегиним Севунцем в Дамаск и Бейрут.

Кайсын Кулиев – очень талантливый поэт и, что даже главнее, замечательный человек, мужественный, с редким даром интереса к людям и доброты. Когда в самом начале войны (1941 год) по приказу Сталина с Кавказа в Сибирь и Казахстан стали товарными вагонами целыми народами вывозить чеченцев, ингушей и каракалпаков, дав им на сборы 24 часа, Кайсын, проживавший в Москве, все бросил и помчался, чтобы быть с ними.

Гарегин Севунц незадолго до этого издал роман «Тегеран» и был довольно популярен, потому что очень раскручивали.

Выступали и в Сирии, и в Ливане в огромных залах. Кайсын говорил человеческие, теплые слова, и провожали его овацией.

Севунц же выступал по-советски, и ему хлопали вежливо. Он все говорил, что Кайсына я перевожу хорошо, а его хуже.

Сирия, Пальмира. Гарегин Севунц, Кайсын Кулиев, Таня

Так об Армении. Однажды после очередной встречи вернулись в гостиницу очень поздно. Кайсын говорит:

– Идемте выпьем.

Я говорю:

– Ночь, все закрыто, терпи.

И вдруг Гарегин говорит:

– У меня есть наш шикарный коньяк, сейчас принесу.

Кайсын:

– А ты у Тани спросил, ведь коньяк-то ее?!

Севунц:

– Ты что, у меня в чемодане!

Кайсын:

– Чемодан твой, а коньяк ее!

Гарегин:

– ???.

Кайсын:

– У тебя коньяк Шустова, а она – его внучка!

Надо было видеть лицо Севунца! Он закричал: «Как мне повезло вас встретить! Прошу – приезжайте ко мне, встреча будет шикарной! Обещайте!» Мы с Кайсыном хохотали, а он не переставал просить приехать.

* * *

Когда же мы решили взять маму в Армению, то, конечно, этим приглашением не воспользовались, а друг моего сводного брата Виктора ереванец Спартак нас встречал (кроме мамы и меня с нами была моя школьная, до конца дней, подруга Леля), поселял в гостиницу и вечером

показывал город. Были сильно впечатлены, увидев толстые и высокие, как у старого замка, стены треста «Арарат».

Утром Спартак примчался с вопросом о том, чего бы мы хотели.

Мы сказали, что, вероятно, это выглядит достаточно странно со стороны вполне одной глубоко пожилой и двух не самых молоденьких дам, тем не менее главное наше желание – посетить заводы треста «Арарат».

Вспомнив Севунца, я сказала:

– Может, мы и сами можем это организовать, с помощью маминого паспорта.

При виде маминой фамилии у Спартака стало такое же выражение лица, как было у писателя.

Через полчаса единственным его вопросом было – удобно ли нам завтра в любое время.

* * *

В десять часов утра подъехала черная «Волга»¹¹ и подвезла к воротам «Арарата». У ворот и во дворе по обеим сторонам дороги тесными шпалерами стояли люди. Мы шли вслед за встретившим нас директором (!), а люди хватали нас, восклицая восхищенно: «Дочка! Внучка!» Мы смеялись, улыбались, но чувствовали, конечно, смущение – наши предки Рим спасли.

Вошли в огромный зал, наполненный людьми, и директор (увы, не помню имени) объявил в микрофон:

– К нам приехали дочка и внучка Шустова отбирать предприятие.

На что, хоть и смущенная, Шуня тут же сказала:

– Что Вы, что Вы, только посмотреть, как поставлено дело!

Я давилась от смеха и думала – вот что значит дочка капиталиста!

Директор нижайше извинился перед нами, сказав, что вызван в райком партии, а покажет нам все даже лучше, чем он, главный инженер. Он подвел нас к худому, высокому, очень армянскому человеку средних лет.

Я заметила его еще до этого, когда он входил в зал с явно недовольным выражением лица. Но после объявления директора он за улыбался. Я спросила, чем он был недоволен, когда входил. Он сказал, что вызвали по селектору, который всегда хрипит, и он услышал: дочка и внучка Суслова¹².

– А это же другое дело!

Показывая и рассказывая нам про предприятие, у него, по-моему, не было другой задачи, кроме как показать, как при Шустовых было хорошо и как теперь ужасно. Например, теперь – воровство! Уносят в пакетах, под одеждой и т. п. какое удастся спиртное. А тогда каждый (!) работник мог взять до двух литров в день, а на Рождество, Пасху, дни именин – сколько кому надо. Опять же бочки! Специально выдержанные, дубовые, теперь их разломали, кладут «для духа» в сделанные сегодня. Недаром Шустовы получили во Франции лицензию на название «коньяк», все остальные – бренди, виньяк и пр.

Нас повезли в обсерваторию в Абастумани, и, когда мы вышли и шли к машине, к маме подошел вполне солидный человек, отвел в сторону и сказал:

– Спасибо вам и вашей семье от армянского народа!

Поездка удалась, мама была очень довольна. А я поняла, что желания иметь – необходимо.

---

¹¹ Черная «Волга» в те годы была синонимом принадлежности к властной, партийной элите.

¹² Суслов (1902–1982) – секретарь ЦК партии, жесткий серый кардинал.

* * *

Прошло много лет. Вдруг приходит письмо с шикарно оформленным приглашением госпоже Правдиной-Шустовой с супругом (!) на празднование столетнего юбилея треста «Ара-рат».

Первый (и единственный) раз ездили не я с Зямой, а он со мной!

Празднование длилось несколько дней, и гулеха шла потрясающая, хотя были и печальные впечатления. Это было время, когда Михаил Сергеевич Горбачев затеял антиалкогольную кампанию.

У меня такое чувство, что все русские цари – и деспоты, и строители-реформаторы, и просто обыватели-подкаблучники – не повредили России так, как за исторически короткое время сумели это сделать большевики и их наследники.

Я хорошо отношусь к Горбачеву, помню конец афганского кошмара и возвращение Сахарова. Но идиотизм этой кампании с вырубанием дивных многолетних виноградников забыть трудно.

В Ереван на юбилей съехались виноделы со всего Союза – производители коньяка из Молдавии, Одессы, вина из Крыма – знаменитой Массандры и еще массы мест. Было очень приятно видеть людей – специалистов в своем деле, истинно за него переживающих.

Для них устраивались дегустации, на которые нас приглашали, и мы, конечно, ходили. После первой я надралась, но потом на училась. Каждый вечер в разных ресторанах устраивались встречи-банкеты и все рассказывали про свои дела.

Меня заставляли рассказывать про предков. Я объяснила, что помню деда – Сергея Николаевича, но общение было недолгим – мне было пять лет, когда его не стало. Поэтому могу рассказывать только о том, о чем знаю от мамы.

Во времена моего детства взрослые, особенно из дворянских и богатых купеческих домов, о прошлом распространялись мало. Они нахлебались от советской власти из-за своих званий и богатств. И то и другое было отнято, поэтому и вспоминать было безрадостно. Мамин отец, Сергей Николаевич, был одним из сыновей в компании «Шустов и сыновья». Несмотря на, конечно, имевшиеся возможности, собственного дома не имели, а снимали этаж из двенадцати комнат в самом центре Москвы, в конце бульвара за Страстным монастырем (был снесен, на его месте кинозал «Пушкинский»).

После моих рассказов на очередном банкете директор объявил: – Сегодня моих детей не повезли в школу на машине, я выдал им деньги, велел ехать на троллейбусе. Они удивились, но я им сказал: «Дети капиталиста ездили на общественном транспорте, так что извольте!»

* * *

Присутствие Гердта, конечно, всех очень радовало. Он был уже известен не только по кукольному театру, но и по кино. Все видели «Фокусника» и уже цитировали по «Золотому теленку»: «Нет, вы поезжайте в Киев!» и т. д. Для меня одним из очень важных Зяминых достоинств было его чувство меры и вкуса. С этим, по моему мнению, помимо таланта, и рождается искусство. Он был истинно остроумен и никогда не мог рассказать анекдота без повода, не по случаю. Я всегда говорила: ты пижон высшей марки: он одевался *de mode*, то есть вне

моды, и при этом выглядел шикарно, имел «свой стиль»; не носил коричневого, только черное, серое, редко синее. Никогда не был «актер актерычем». Был прост и открыт и здесь, в Ереване.

На одном из очередных банкетов, когда его, естественно, попросили что-нибудь сказать, рассказывал о своей теще, о том, как ему повезло. Как капиталисты-буржуи потрясающе умели воспитывать детей – вырастали не баре, а грамотные, с тремя европейскими языками, умевшие работать при любых обстоятельствах люди. Рассказал, как из двенадцати комнат семье оставили две: в одной жил Сергей Николаевич с сыном, во второй – три сестры. Мама, Александра Гавриловна, ушла из жизни до уплотнения, то есть до «великой» революции, когда его теще было пятнадцать лет.

Характеризуя это семейство, вспомнил, как Шуня на наш вопрос о том, как реквизируют богатство, рассказала: заводы были национализированы, а драгоценности находились в сейфе (в банке). Когда шли в театр или на какой-нибудь прием, их привозили, а затем отвозили обратно. Они, конечно, тоже подлежали «национализации». Какой-то тип, судя по всему, чиновник банка, предложил деду изъять эти драгоценности на условиях «исполу» (то есть пополам). Сергей Николаевич с гневом отверг предложение. И сам сдал их властям. Он считал, что революция справедлива. Это вы теперь представляете себе, что царя зря скинули. Он, полный обыватель, тормозил капиталистическое, европейское развитие России, и поэтому, по мнению тогдашних промышленников, революция была необходима. Временные правители оказались слабаками. А в Октябрьскую капиталисты, пока их не начали раздевать и расстреливать, поверили как в начало прогресса.

* * *

Несмотря на серьезность и некоторую грустность Зяминово выступления, оно сопровождалось, конечно, и некоторой долей юмора: он рассказал, как я после всего увиденного во время нашей с мамой поездки в Ереван спросила: «Если бы ты была хозяйкой всего этого, подарила бы мне “мерседес”?» – «Ты с ума сошла?» – возмутилась Шуня, вероятно, так же, как ее отец при разговоре о сейфе.

Еще он вспомнил ходившую байку о том, что Черчилль пил шустовский коньяк, предпочитая его французскому. И что, несмотря на фултонскую¹³ речь, по приказу Сталина Черчиллю посылали ящики этого напитка. Всю свою речь облек в форму тоста, суть которого была – *порядочность* и просвещенный капитализм. Ответом всех выпивающих и закусывающих была овация не менее бурная, чем на его творческих вечерах.

Незабываемая была поездка!

* * *

P. S. Много позже ко мне приходили какие-то невероятные армяне со странными предложениями о «передаче» фамилии, явно не знавшие, как это делается. Сегодня знаю: «Ара-рат» существует. Один завод продали французам, а второй работает и коньяк производит без шустовской фамилии. А законно использовали эту фамилию создатели фирмы в Черноголовке. «Законно» означает, что мы, шустовские потомки, доказав миллионами свидетельств (вплоть до прадеда) свое родство, передали этой фирме имя.

Но это уже другая история.

---

¹³ В 1946 году Черчилль в Фултоне произнес очень резкую речь против СССР, назвав его «империей зла».

Глава 39

Потрясения искусством

Концерт Эллы Фицджеральд в Амстердаме. – Дюк Эллингтон в Москве. – Глаза Армстронга. – Чечилия Бартоли.

Образцовский театр в Голландии. Работают в Амстердаме. Зяма чешет «по-голландски», а я при нем, держу текст. А днем гуляем, съездили в Гаагу. В скверике – скульптура девочки лет двенадцати в натуральный рост, стоит на газоне в трех метрах от вас. Анна Франк! Все должны прочитать «Дневник Анны Франк». Если вы, мои читатели, этого не сделали, очень советую, важно для понимания эпохи...

В Амстердаме натыкаюсь на афишу, объявляющую об одном (всего!) концерте Эллы Фицджеральд, имеющем быть через два дня. Зяма кричит:

– Это пропустить нельзя, ее концерт – это событие, я же был!

И вспоминает, как, когда они несколько лет назад были в Париже, он, увидев такую же афишу, объявил, что в этот день играть не сможет, а пойдет на концерт. «Билет же дорого стоит!» – говорят ему. «Да, но я на это иду!» – «А кто же пойдет с вами?» – «Кто свободен!» Свободен один «сорок первый» (кагэбэшник), и театр покупает ему билет. Правда, потом он благодарит Зяму безмерно.

Смотрим Зямино расписание – в день концерта Эллы у него спектакль.

– Пойдешь одна! Ты не в штате театра, и они тебе не начальство!

В рецепции гостиницы заказываем билет, и его приносят. Зяма объявляет Образцову о моем грядущем одиночном выходе. Тот в ужасе, но смиряется, забитый Зямиными доводами: «Таня с английским и немецким и без нас выезжает за границу, легко доедет и вернется, у меня спектакль, а опять тратить деньги на удовольствие согладатаев – глупо». И я на концерте! Рядом со мной – голландец, ни по-английски, ни по-немецки не говорящий, просто мило улыбаемся. Но через несколько номеров хлопаем друг друга от восторга, никакой язык не нужен! Элла уже далеко-далеко не молодая, но являющая суть искусства – так естественна и проста, что у каждого (такой вид на всех лицах) ощущение, что она поет именно для него. Вдруг в то время, как она поет, по проходу какой-то человек подходит к сцене и встает перед Эллой. Она перестает петь, наклоняется и говорит ему по-английски, тихо, но зал замер, и поэтому слышно:

– Тебе не нравится? Или так нравится, что не можешь сидеть? Иди, садись!

И, что уж совсем поразительно, продолжает петь, как будто никакого прерывания не было. Зал обрушивается, абсолютно единое общество людей! Незабываемо!

* * *

Конечно, мы любили джаз, а Зяма с его слухом и «тембром» волшебным образом «исполнял» – несколько раз с Люсей Гурченко, а с Сережей Никитиным – постоянно. Мы компанией ушли за грибами, оставив Зяму и Сережу сидящими у палатки и поющими друг другу, даже перебивая. Когда мы вернулись – они даже позы не поменяли, оба были счастливы!

В Москву приехал Дюк Эллингтон. Знали по записям, но живьем же совсем другое дело! Театр эстрады, блатные раздевались на служебном входе. Дюк вблизи. Зяма приказывает: «Вот программка, ты по-английски лучше, возьми автограф!» Подошла, подписал, поцеловал руку! Это единственный раз в моей жизни, ни до, ни после автографов не брала... Сама не собираю, кому-то, не помню, отдала.

Если уж вспоминать имена, тем более самых-самых, то тоже повезло: в Копенгагене выступали на двух роялях Count Basie и Oskar Peterson. Я была целый концерт. А Зяма после спектакля вместе с музыкантами театра приехал на второе отделение. Мне удалось убедить ребят, что жены их простят за не купленные им туфли, а за поход на концерт.

* * *

Зяма обожал Армстронга, знал слова, потрясающе пел. Из Америки привез плакат: огромный, крупным планом с саксом и выпученными глазами, сияющий Луи. Висел в комнате, где спала Шуня. Как-то зашли и увидели: на личико с глазами приколоты салфетка. Почему? Шуня в своем репертуаре: «Когда я раздеваюсь, он смотрит, мне неловко!»

Всё справедливо – жить надо долго. Но наступает момент, когда нет того, с кем посоветоваться, кто с тобой на одной волне и кому совсем доверяешь. Особенно если ты все время сомневаешься... в своей нужности, в этом нет лукавства. Твердо знаю: маме и Зяме я была необходима... Сегодня только с ними и советуясь...

Раздражаюсь на себя, понимаю, что это смахивает на снобизм, но ничего не могу поделать: во всех видах искусства и литературы интересуюсь только достигшими верхней планки. Даже крепких, профессиональных не хочу. Все время хочется божьей искры, если уж не таланта. Реже, чем хотелось бы, но бывает! Жаждем же потрясений!

У меня несколько лет назад было потрясение. Я не страстная любительница опер, но Обухову, Вишневу слушала с удовольствием. Меня пригласили на концерт Чечилии Бартоли в консерватории.

В назначенный день концерт отменили и перенесли на число, которое объявят. Объявили через месяца три. Я слыхала, что она замечательная, и поэтому говорила, что, может, надо пойти кому-нибудь более понимающему. Но мои «вторые дети» Маша и Андрюша Ульяновы настояли. Не устаю благодарить. Повторяю, я знала, что она замечательная; но, как говорится, не до такой же степени! В первый раз в жизни (от пения!) я была взволнована тем волнением, о нем я уже говорила, которое у меня было от художника Тропинина, церкви Покрова на Нерли и моего Маврика... Я почувствовала, что что-то надо сделать, ответить, благодарить. Цветов у нас не было. Но я вскочила, побежала к самой сцене, где уже была толпа, сняла с пальца скромное серебряное церковное (на нем написано: «Господи спаси и сохрани мя») кольцо и протянула его Чечилии. Она тут же его надела и помахала, поклонившись. Я вернулась к своим радостная, но вдруг увидела себя со стороны: экзальтированная старушечка какая-то... Ребята, конечно, закричали: «Нет, нет! Очень трогательно!» Ну, уж как вышло, кольцо было священным и купленным в церкви рядом с могилой Пушкина в Михайловском... Потом все сказали – «жалко!», а я считаю, что всегда и надо дарить то, что жалко, тогда это от души...

Глава 40

Небо делает подарки

Еще большущий подарок судьбы. – «Жизнь – сапोजок непарный». – Мурашки от совпадений. – Встреча с Тамарой Владиславовной. – Повторное издание удалось! – Продолжение «Сапोजка». – Презентация второй книги «На фоне звезд и страха».

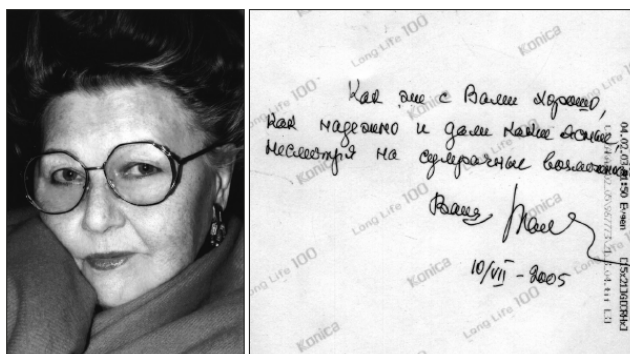
С канала «Культура» мне дали почитать книгу с веселым, но вполне философским названием: «Жизнь – сапोजок непарный». Автор жива, Тамара Владиславовна Петкевич, живет в Петербурге. Это как бы лагерная литература, но ничего подобного. Я довольно прилично знаю и Шаламова, и Гинзбург, и других, и, конечно, Солженицына. А это – удивительное, с истинным талантом написанное документальное, но совершенно художественное произведение.

В одном месте чтения по мне начали бегать мурашки. В лагере заключенная Третьякова приглашает автора (Тамару) зайти к ней в барак попить кофе – «получила посылку». Почему по мне бегут мурашки? Мой папа в лагере, из Москвы нельзя было посылать посылки, а только из Подмоскovie и весом не более четырех килограммов. Все, кто ездил отправлять, брали и чужие посылки. Мне возить помогали мальчишки, которые за мной ухаживали. В доме на Малой Бронной, ниже этажом от бабушки и тетки Жени, жила Таня Третьякова, с которой все дружили. Ее папа, писатель Третьяков, автор тогда знаменитой пьесы «Рычи, Китай», был расстрелян, а мама в лагере, она и получила посылку. Я ездила отправлять посылки папе, который был в лагере, и несколько раз брала и посылки для Третьяковой. При посылке был список ее содержимого, и там был кофе. Может, это был кофе не из мною посланной посылки, но мурашки побежали...

* * *

Первым порывом было позвонить Тамаре Владиславовне (телефон мне нашли). Но потом одумалась и решила себя проверить – на всех книга произведет такое впечатление – или это я такая сентиментальная? Даю почитать Кате, подругам. Все рыдают. Звоню подруге в Питер, чтобы взяла в Публичке. Там нет. В Ленинке тоже нет.

Тогда разузнаю, как книга была издана. В Питер приехал Эндрю Шарп, журналист из Австралии. Знакомые привели его в гости к Тамаре. Она, помимо всего, еще необыкновенная красавица, да и с обаянием. Рассказали ее историю и то, что это все есть в записи. Так надо издать?! Конечно, но нет денег. Он возвращается к себе в Австралию, работает, где только может, связывается с друзьями в Америке, которые отзываются. Присылает деньги в Петербург, и в 1993 году книга выходит. И, несмотря на нынешние времена, как бы даже приличным тиражом – пятнадцать тысяч. И за короткое время становится редкостью.

Тамара Владиславовна Петкевич

Не могу найти себе места: чужой, без языка, из Австралии (!) совершил такое, а мы, мнящие себя интеллигентами, не шелохаемся! Хочу, чтобы все прочитали, а книжек нет. Тогда, это уже спустя полгода после мурашек, звоню Тамаре Владиславовне, рассказываю, как себя сдержала, но теперь спрашиваю, кому принадлежат права, чтобы сделать еще издание. Объясняет, что после Петербурга издавали в Польше и Германии, но в данное время права ее. Объясняет, что у нее нет сил этим заниматься. Говорю: «А мне можете разрешить попробовать это сделать?» Ответ: «С радостью».

* * *

Общаюсь с нижегородским издательством ДЕКОМ, выпустившим книгу «Зяма – это же Гердт!». С ними дружу, но у них в этот момент нет денег. Думаю: кликну клич и соберу. Но опять Провидение!

В гостях у Рязанова встречаю Успенского, одного из хозяев издательства «Вагриус». Говорит мне: «Что это вы вашу книгу не у нас, а в каком-то Нижнем Новгороде издали?» – «Там очень хорошие, порядочные люди». И, набираясь решимости, говорю: «Если вы такие желанные, я дам вам книгу, которую необходимо издать». Соглашается. Через неделю звонит: «Мы будем это издавать».

Посылает к Тамаре редактора, заключают договор. Ура!

На протяжении почти года два раза в месяц звоню редактору и расспрашиваю, как дела. Она (редактор) немножко, как говорила наша Нюра, «неваляшка», то есть не торопится. Вдруг говорит мне: «Автор считает, что должны быть фотографии, а ведь это художественная литература!» Удалось убедить, что художественное (в этом и счастье!), поддержанное документом, становится еще весомее. И в 2004 году книга, начатая в 1959 году, выходит вторым изданием!

Автор получает массу откликов.

* * *

А затем, несмотря на внушительные цифры в паспорте – восемьдесят (!), начинает писать свою вторую книгу, потому что, как она сама пишет: «...на фоне меняющейся Истории возникает потребность дорассказать жизнь».

И в 2008 году выходит прямое продолжение «Сапожка» – книга «На фоне звезд и страха». Название взято как поэтический образ жизни персонажа из стихов Давида Самойлова:

*Он пишет, бедный человек,
Свою историю, простую,
Без замысла, почти впустую*

*Он запечатлевает век,
А сам живёт на фоне звёзд,
На фоне снега и дождей,
На фоне слов, на фоне страхов,
На фоне снов, на фоне ахов!..*

Общаемся по телефону. Выясняется, что много общих «имен». Удивляюсь, например, что Саша (Александр Моисеевич) Володин, с которым достаточно часто и близко общаемся, дружим, никогда о Тамаре не рассказывал, а был с ней вполне близко знаком. Гранин тоже обнаружился после второго выхода книги...

Однажды по дороге из Израиля в Петербург в Москву приезжает одна из персонажей «Сапожка» Кира Теверовская. Звонит: не могу ли и я поехать к Тамаре? Не могу, встречаемся, передаю какие-то подарочки. На обратном пути Кира звонит с единственным поручением: «Тамарочка просила вам сказать три слова – спасибо и вы же обещали!» Имеется в виду сказанное мной по телефону: «Приеду обязательно». Все бросаю и еду. Очень волнуюсь, обе ведь старые, а вдруг не понравимся друг другу? Сойти с ума!

С тех пор в каждой из нас чувство настоящей близости. Смеем так говорить, потому что именно благодаря этому чувству разговариваем открыто, не стесняясь выражать свои ощущения.

Еще был праздник – когда вышла вторая книга, с моей подачи в Москве, в Доме литераторов, организовали презентацию. Не лучшим образом себя чувствуя, Тамара сдалась на уговоры и с помощью племянников приехала!

Собралась *настоящая*, увы, немногочисленная (собрались в малом, но набитом зале) интеллигентская компания. Говорили изумительно. По окончании не хочется расходиться, надо же выпить! И очень усталая Тамарочка соглашается на мои и племянников уговоры. Артисты сделаны из другого состава клеток, еще раз в этом убедилась! Незабываемый вечер!

Когда кто-нибудь из людей, которым доверяю, едет в Питер, делаю им *подарок*: посылаю к Тамаре (с ее позволения, конечно). Просто даже видеть ее – послание свыше...

С Кирой Теверовской познакомилась поближе – когда была в Израиле, съездила по ее приглашению к ней в Афулу. Тоже подарок судьбы!

Еще мечтаю, чтобы режиссер талантливый и с теплокровной душой сделал с хорошими артистами сериал по «Сапожку»! Обрыдается весь мир! И «Оскара» получит...

Глава 41

Обожаемый город

Одесса. – Съемки «Ветра в городе». – Просмотр и потрясение. – Одесские друзья: Астаховы, Великановы. – Одесские речения. – Художник Ося Островский. – Борис Давидович Литвак и его Дом с Ангелом.

Были ли люди, не любившие Гердта? Думаю, да. Один приходит на ум сразу: директор театра Образцова Миклишанский, внешне вежливый, но написавший кляузу в КГБ. Еще, конечно, антисемиты в чиновничьей среде; их имен, слава богу, не знаю.

А всенародная любовь была, я о ней рассказывала. Но так, как его, уже называя Зямой, любили в Одессе, ни с чем не сравнить. Даже с Израилем, где было трудно ходить с ним пешком, потому что собиралась толпа: «Вы не насовсем? Почему? Оставайтесь!»

Но и Зяма платил Одессе безмерной любовью. Свой родной Себеж любил, старался бывать, а ради Одессы отменял все. В 1995 году он получил два очень лестных и выгодных предложения поехать в Америку. Отказался, ссылаясь на недомогание, а в конце холодного ноября мгновенно согласился сниматься в фильме какого-то молодого грека в роли директора цирка при сносном, но не очень интересном сценарии. «Почему?» – «Съемки же в Одессе!» Я: «Сценарий ведь не очень...» Зяма: «Я знаю, как сыграть, стыдно не будет». Я опять: «Декабрь, в Одессе тоже холодно и сыро!» – «Ничего, возьмем побольше шерстяного!» И ведь поехали...

Поселили на Пушкинской, в гостинице «Красная», люкс, но холодрыга лютая! По-моему, собрали обогреватели со всего отеля. Горничные иначе, чем «рыбонька вы наш», не обращались, взяв пример с Привоза, где уговаривали взять арбуз, помидоры – без денег, как гостинец. Таксисты брали плату после уговоров.

Настроение – великое дело! Зяма, будучи не очень уже здоровым, был в дивном настроении, ни на что не жаловался, а только радовался одесситам.

Фильм – «Ветер в городе» – сняли и расстались, поехав по домам встречать Новый год, с тем что озвучание будет весной и в Москве.

История печальная: озвучивать собрались в конце августа – сентябре 1996 года. Зяма уже выезжать на студию не мог и велел найти кого-нибудь с мало-мальски похожим голосом. Дальше ни Зяма до конца дней (18 ноября 1996 года), ни я о фильме не вспоминали, не до этого было...

В начале лета следующего года в Москве был кинофестиваль. Мне позвонили и попросили прийти на предфестивальный просмотр «Ветра в городе». Полностью забыв историю с фильмом, приехала одна, посадили в зал. Я, конечно, очень здоровая баба – начался фильм, появился Гердт и заговорил *не своим* голосом. И я в первый раз поняла, что *его нет*. Я не закричала, не заплакала, а застыла, окаменев. Кончилось, я вышла, сказала, что позвоню. Сидела в машине больше часа, не могла пошевелиться.

Наверно, когда я вышла из зала, у меня был вид, который киношников напугал: когда я позвонила, они послушали меня и *не отдали* фильм в показ. Я объяснила им свое состояние и сказала, что будет провал у зрителей и негодование, потому что Гердт без *своего* голоса приведет их, как меня, к сердечному приступу.

Гердты и Астаховы. Одесса

До той зимней поездки мы бывали в Одессе очень часто: и на съемках двух фильмов по Бабелю, где Зяма играл Арье Лейба, и на «Юморинах», и просто для встреч с друзьями.

* * *

Астаховы – Аркадий и Галя, любимые всей Одессой. Он – эстражник, и отсюда давнее знакомство с Гердтом. Конферансье, много работавший с Карцевым и Ильченко. Не любил выступать в зале филармонии – всегда шутил:

«Надо додуматься – в помещении биржи, построенной так, чтобы стоящий в метре от говорящего его не слышал, сделать филармонию!» Приезжали к нам в Москву. В Одессе дружили с нашими близкими друзьями – Великановыми.

Полина Великанова в гостях у Гердтов

Кирилл Антонович (Котя) и Полина Георгиевна (Поля) Великановы, мама Коти Любочка – известные всей Одессе врачи. Любочка, психиатр, когда сын привел юную красавицу Полю, приказала ему жениться, сделала ее не только дочкой, но и психиатром – кандидатом наук. А

Котя стал знаменитым урологом, учеником знаменитого московского профессора Лопаткина. Два сына, Антон и Сергей, соответственно Тоник и Гуня, тоже стали хирургом и урологом.

С этой семьей дружили очень тесно. Бывали в квартире в городе, большой и уютной, но чаще на даче, на тринадцатой станции Фонтана. Дом открытый, гости, сказочно вкусная еда, дети со всей округи. Гуня сидит на дереве, Любочка (бабушка) просит слезно:

– Гуня, слезь, умоляю!

Никакого ответа. Продолжает, махнув рукой:

– А, стану я докладывать свое здоровье до твоего поведения!

Мы умираем от счастья: доктор наук! Она тоже хохочет и объясняет:

– Мы всегда так говорим, очень облегчает жизнь: стану я докладывать свое здоровье до этой кофточки (когда денег нет), и еще чего угодно!

Взяли на вооружение.

Одесские речения, конечно, феномен ярчайший русской речи: выходим из городского дома Великановых, у ворот на скамейке сидят две женщины. Накануне было хмуро, шел дождь, а сейчас дивное солнечное утро. Одна другой: «Как жалеют те, что умерли вчера!» Или вывеска: «Ремонт и изготовление импортных зонтиков». Кассирша в магазине смотрит на меня и вслух себе произносит: «Молодая, но совсем седая, неплохо! Что вам?» На море объявление: «Не умеющим плавать дальше буйка не заплывать!» На Привозе, слыхала сама, человек подходит к продавщице, и первое, что произносит: «А дешевле?» Всего не перечислить.

Грустно, но и здесь – печаль. Семья, служащая примером всем, распадается. Кирилл Антонович оставляет Полю и мальчиков и женится на другой женщине. Мальчики уже взрослые, сами женятся, а старший, Антон, успевает развестись и живет с мамой.

Любочка Великанова пришла посмотреть съемки. Доктор-психиатр и Зяма (Паниковский)

Как-то летом Зяма должен был ехать в Одессу на съемки, у меня отпуска не было, и с ним поехал подросший Орик. В перерыве съемки приехали к Поле и Антону обедать. Обслуживал обед Антон. Вышел, продолжая накрывать стол. Раздался грохот. Вбежав в соседнюю комнату, увидели Антона, хрипящего, лежащего ничком, без сознания. Полина – мама, но Доктор! Пыталась сделать массаж сердца и искусственное дыхание. Вызванная Зямой «скорая» приехала очень быстро, но сделать ничего не смогла... Набежали люди, кричащая бывшая жена Антона, Котя-папа, соседи. У Зямы было еще одно потрясение: Котя, отец, не подошел к Поле... Для меня и Зямы он из нашей жизни ушел...

Поля осталась фактически одна, потому что младший, Сережа, женившись, вскоре уехал с женой Ирой в Израиль. Бывший глава семьи, бросив ее, вел себя неблагородно относительно Полины. Продал дачу, мы даже приезжали к нему, умоляя этого не делать и обещая помочь собрать деньги для покупки квартиры для новой семьи. Он обещал, но на обещания очень быстро плюнул... Бывая позже несколько раз в Одессе, с ним больше не встречались... Полины старые болячки вздыгивали, жилось очень трудно, на пенсии. Когда были в Израиле, повидались с Сережей (для нас Гуней). Он стал тоже вполне успешным урологом, но о маме не очень думал. Объяснили, что не очень существенная для него сумма в виде пятидесяти или даже ста долларов была бы для мамы очень нужной поддержкой. Обещал, но исполнил ли, не знаю...

Вспоминая Великановых, стараюсь вспоминать то время, когда любили всех членов семьи, оно было светлое...

Ося Островский с женой Галей и Таней Правдиной. Израиль

* * *

Одессу помню постоянно еще и потому, что во всех комнатах дачи висят работы Оси (Иосифа) Островского. Художник высокого класса, очень самостоятельный, разноплановый, близкий очень многим людям. Да и человек редкостный! Дружили на протяжении лет. Познакомил в Одессе Аркаша Астахов, повел в мастерскую к Осе. А дальше закрутились сами. Приехал в Москву, вместе поехали во Владимир, Суздаль и, конечно, к церкви Покрова на Нерли... У меня в спальне его рукой мои папа и мама, а Зямин крупный и, как раньше казалось, а теперь нет – парадный – в кабинете. Помогает...

Забрав жену, дочку и сына, Ося уехал в Израиль. Жили в Тель-Авиве. Когда я, без Зямы, а с Милой, была там, увиделись. Повез нас в «деревню» художников, где выставлялся. Уезжали, приехали прощаться, плакал. На следующий год мы были уже с Зямой и поехали в город Сдерот, куда его позвал жить мэр этого городка; организовал ему жилье и мастерскую.

Но, опять но!.. Ося трагично заболел, и его не стало... Когда мы опять были в Израиле, мне удалось организовать съемку Осиных работ, сделанных там. Есть, кроме тех, что висят в доме, на диске. Ося для меня в числе тех людей, которых особенно остро не хватает...

* * *

Еще один до боли нужный всем одессит – *Борис Давидович Литвак, Боричка!*

Бывая в Одессе, знакомились благодаря друзьям с разными, но счастливо замечательными людьми. Сегодня он (увы, ушел) – почетный гражданин Одессы и т. п., знают все: половина Одессы – его друзья и ученики. Двадцать пять лет назад было не так.

Этот человек уникален. Конечно, каждый человек уникален, но я употребляю это слово в главном его значении – единственный, редкостный (unicum). Его основное предназначение – делать добро.

Когда почти тридцать лет назад мы познакомились, Литвак, проработав в разных местах огромный срок, был директором спортивной школы олимпийского резерва. Но главной его заботой, которой он в это время отдавал все силы, было строительство Дома по мощи.

Коротко: у Бори и Рим мы Литваков была небесная дочка Ирочка, всеобщая любимица. Образованная, обожавшая их, приведшая доброго зятя и родившая внука Лешу. Но, опять – но!

Ирочка заболевает. Конечно, рак. Узнав об этом, сама сообщает отцу, который любит ее больше всех, больше жизни. И произносит слова, забыть их нельзя: «Папа, ты директор спортшколы, твои тренеры ходят по школам, выбирают самых высоких здоровых и красивых, самых готовых к жизни людей... Ты не хотел бы подумать о слабых и больных, которые ничего не могут сами, которые обречены, если им не помочь?..»

Катя, Таня, Боричка Литвак. Одесса

Сделали все, что можно, и в Америку возили, но диагноз был поставлен поздно и спасти не смогли.

Боря был уверен, что Ирочка «от Бога», и то, что он делает, это исполнение ее задания, ее завещания. Но мы тогда еще в России, и чтобы осуществить, казалось бы, святое дело, надо еще и «разрешение» получить, а не только деньги иметь. Разрешение кого? Власть придержащих. Горкомы, горсоветы, федеральные и т. п., и т. п.

Зяма (и я при нем) идет по указанным адресам «торговать лицом» и пытается вернуть властным чиновникам их человеческое предназначение. Делал это, я свидетель, талантливо!

В доме с ангелом – Одесском центре реабилитации детей-инвалидов – есть стенд под заголовком «Благодаря этим людям центр построен и живет». На этом стенде все перечислены по алфавиту, имеется «Зиновий Гердт». Может быть, он видит? Было бы справедливо...

Об этом свершении в нашей сегодняшней жизни хочется рассказать очень подробно. Но, слава богу, это сделано, причем в высшей степени достойно. Вышла книга в 2001 и в 2010 годах (второе издание): автор Елена Карякина, «Дом с ангелом».

Не только советую, но прошу: книжку вряд ли купите, но используйте Интернет по адресу: Одесский центр реабилитации детей-инвалидов.

Там есть. Знаю: будете мне благодарны.

Глава 42

Израиль в моей жизни

Чудо с приглашением. – Поездка с Милой Хесиной. – В гостях у Губермана. – Иерусалим. – Арабский базар. – Субботняя хала. – Гефсиманский сад. – Тихие американцы. – Точное знание.

Израиль интересовал меня давно, даже задолго до того, как туда уехали любимые люди. Потому что я – арабистка. Арабский и иврит имеют одного праотца – арамейский язык. Палестина – тоже ведь арабская страна. Нам, арабистам, выучить иврит было бы менее сложно, чем другим. Но не сложилось.

Никаких возможностей поехать туда не было, а визы были нужны довольно долго, ездили только по приглашениям.

Как-то я пришла к моей подруге, доставшейся мне от Лели (я писала о ней – звавшей меня в медицину). Лели не стало, но оставление мне в наследство хирурга-отоларинголога (но для взрослых) Милы Хесиной тоже было, думаю, не без помощи Высшей силы. Пришла к ней на работу – в больницу. Показывает: получила из Израиля приглашение приехать от сестры мужа – Фимы (Ефима Геннадьевича Махаринского). Я говорю:

– Как замечательно, ведь интересно ужасно!

А Милка:

– Ничего замечательного, Фиму не выпустят, у него «допуск», а одна я не поеду.

Это 1990 год, допуск – это работа с «закрытыми» материалами, темами, его получали через первый отдел, и те, кто был «допущен», были невыездные.

– Ну и что, поезжай одна! – советую я.

– Нет, одна боюсь, я нигде кроме Венгрии не была.

– Очень жалко, – продолжаю я.

– А ты бы поехала? – спрашивает Мила.

– Конечно, но у меня никого нет.

Проходит недели две, звонит Мила и зовет меня взять пришедшее на мое имя приглашение!

Когда чего-нибудь не ждешь, все идет как по маслу – и ОВИР, и виза в посольстве, легко, без очередей! Сложно с билетами на самолет, много отъезжающих на ПМЖ (постоянное место жительства), больше всего летают польской авиакомпанией через Варшаву. Там тоже трудно. Но у нас же «лицо»! Идем им торговать в компанию ЛОТ. Зяма с легкостью необыкновенной:

– Девочки, (кофе уже они нам дали) эта (указывая на меня) моя жена – гойка¹⁴ с моей двоюродной сестрой должны лететь в Израиль, выручайте!

Девочки, с ума сойти, все исполнили.

* * *

Переночевали в Варшаве, и на следующий день нас встречал в Тель-Авиве Боря, зять Фиминой сестры. Повез к ним домой – в Кирьят-Ям под Хайфой. Вся семья очень внимательна – организовали нам билеты на экскурсии русскоязычные, то есть экскурсовод говорил по-русски, по всему Израилю, но только по еврейским местам. Предполагая это, я еще в Москве стала думать, как же быть? Денег тогда меняли очень мало, нам снять гостиницу было нереально. А

---

¹⁴ Гойка (идиш) – нееврейка.

в Иерусалиме, где основные христианские места, мы не побывать не могли. Тогда друзья, не помню кто, сказали: «Остановитесь у Губерманов, он зять Либединской». Позвонили ей, она Губерману, и по его разрешению дали нам его телефон.

У Милы, кроме сестры мужа, было полно друзей, которые рады были ее (а рядом и моему) приезду и звали в гости. Мы так и жили – у всех по два, три (не больше, чтобы не надоест) дня. Экскурсии были изумительные, побывали во всех городках, на Мертвом море, конечно, купались, а в Тель-Авиве два дня жили у Мижиной коллеги, ходили на пляж, сгорели до ожогов. В Иерусалиме, с экскурсоводом естественно, – у Стены Плача. Закончив с экскурсиями, позвонили Губерману. Он сказал, что большая удача, что мы рядом с Хайфой, так как завтра у него там выступление, куда нам и следует прийти.

* * *

В назначенное время, взяв с собой приготовленные в Москве черные сухари и водку, прибыли на концерт. Познакомились, и Гарик, так велел себя звать, побежал выступать, сказав, что, если нам даже будет неинтересно, все равно мы должны дождаться, потому что надо объяснить... Что? Не поняли. Выступление, для нас в первый раз, блистательно!

Объяснить надо было следующее: «Вот адрес, вот план, как пройти от автобуса, вот ключи. Дело в том, что мы завтра улетаем в Америку – я и Тата, моя жена. Дома остаются наш сын Эмиль и собака Шах. Они предупреждены и будут вас с удовольствием принимать». Водке, но особенно сухарям, обрадовался.

Эмиль был необыкновенно мил, все хозяйство показал, с Шахом познакомил. Тот тоже был гостеприимен, как хозяева.

Поскольку денег было совсем мало, ездили на автобусе. К дому Губерманов он шел в одном месте по краю арабского поселения. Ни одного раза не ехали в автобусе, где все окна были бы целы! Кидали камнями почти всегда...

* * *

Начали путешествовать по Иерусалиму. Конечно, первое – старый город! Все нам было объяснено, главным образом Эмилем, в какие ворота входить, где *via dolorosa*, ни в коем случае не входить в арабский шук (базар) и т. п.

Естественно, куда мы с Милкой (она плюнула на страхи и мне покорялась) вошли, был арабский шук. Мы подошли к первой лавке в ряду, и я поздоровалась и спросила продавца: «Как поживаешь, как дела?» Это обычное начало разговора, понятное для всех диалектов. А потом спросила, палестинец ли он или сириец, египтянин... Он обалдел совершенно и громко закричал соседям, что смотрите, европейка говорит по-арабски. Мы прошли по всему длинному арабскому ряду, с обеих сторон которого были лавки, из которых нам приветственно, с улыбками кричали. Подошли к мечети, но стоящий у входа служитель сказал, что пройти нельзя, служба началась. Тоже был любезен и извинялся.

Отошли двадцать шагов назад и в сторону (не фигурально, а правда – двадцать!) и подошли к двери, через которую вышли на небольшую лестницу, спускающуюся к Стене Плача! Но у нее мы уже были с экскурсией и поэтому пошли в христианскую часть, тоже практически рядом. Один пятачок! Люблю анекдот, наверное, старый: в самолете над Израилем летят француз, американец и израильтянин. Им предлагают, и они пользуются – разговаривают по телефону с богом. Приносят счета за разговор: француз и американцу – сумма, а еврею – копейки. Почему? Но он же разговаривал по местному! И действительно – небо ближе...

Когда в городе едим в арабских кафе и ресторанчиках, израильтяне, даже сабры (то есть со старых времен, местные), соглашаются, что у арабов вкуснее.

Как-то под вечер идем по рынку и вдруг громкий крик над самой головой: «Итнен кило таят шекель!» – Столько иврита я понимаю и сама себе говорю: ладно, три шекеля два кило, но такой гром-то зачем? Надо мной, услышав это, наклоняется высокий мужчина, который орал, и с очень грузинским акцентом произносит: «Базар, кацо!» На плече у него огромная корзина с нераспроданными бананами.

Боря отвез нас в Беэр-Шеву к Аллочке – Милиной ученице, до отъезда работавшей у нее в отделении. Она и муж были на работе, десятилетний сын в школе. Мы пришли раньше и сели чай пить. Взяли свежую, утром мальчиком купленную халу и с удовольствием от нее отламывали. Под вечер все собрались, была пятница – начало шабата. Поставили еду на стол и разломанную халу в том числе. И вдруг раздался дикий крик: «Кто тронул халу?! Зарежу!» – в полной истерике бился ребенок. Оказывается, это пятничная хала, которую можно начинать есть только с наступлением шабата, то есть после захода солнца в пятницу. Мы с Милкой кинулись к нему просить прощения, говоря, что резать ему придется нас, но мы сделали это не со зла, а по невежеству...

* * *

Наконец, главный поход – Гефсиманский сад. Туда едем на такси, позволяем себе, так как знаем, что от автобуса до входа в сад далеко. Подъезжаем, стоит охранник-араб и начинает на иврите что-то говорить нам. Прошу перейти на арабский. Широко открыв глаза, объясняет, что перерыв и войти можно только через два часа. Но явно доволен, что разговариваем на его родном языке. Все ему рассказываю, откуда мы, и доказываю, что нас надо пожалеть и пустить. Он открывает калитку, заглядываем – пустой, огромный, спускающийся мягким наклоном сад и внизу большая группа людей, входящих в храм.

– А это кто?

– Последние, кто успел до перерыва, американцы.

Я потрясена: американцы, а такие тихие!

Вспоминаю, как в Греции мы с Зямой поехали в Эпидавр, чтобы посмотреть древний-древний театр, устроенный за 350 лет до нашей эры и сохранившийся, славящийся невероятной акустикой. Он устроен как цирк: арена и поднимающиеся от нее высоко-высоко амфитеатры, трибуны. Чудо акустики: вы стоите внизу, в центре арены, и даже ваш шепот можно услышать в последних рядах амфитеатра. Зяма встал внизу, а меня послал наверх. И только он начал тихим, но пафосным голосом: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» – как рядом с ним появилась большая группа людей, а жирная тетенька в чем-то жутко лиловом встала вплотную к нему и во весь голос заорала: America, America, over the world... Зяма тихим голосом сказал, а я слышала наверху (!): «Сейчас я ее убью и начнется третья мировая война...»

Поэтому молчание американцы были в диковинку.

Арабский язык помог, и дяденька нас впустил. Мы были одни, шли мимо оливковых деревьев, таких скрюченных, что можно было поверить в их тысячелетний возраст. Подошли к вертикально стоящей каменной плите, на которой на трех языках выгравировано: «Моление о чаше» («Эту чашу мимо пронеси...»).

И тут для меня наступил момент, которого не было никогда: ни до, ни после, ни разу в жизни и который никогда не забуду. Это не было ни шоком, ни волнением, а возникло очень

спокойное, но уверенное чувство *точного знания*, не веры, а именно просто знания, постижения: да, этот *человек* стоял почти две тысячи лет назад на этом месте и просил о снисхождении...

* * *

В Иерусалиме, если есть возможность, надо бывать. Вообще, если бы человечество было *людьми*, то есть единственными на земле существами, умеющими *разговаривать*, то договорилось бы о том, что некоторые места на земле должны быть «открытыми», то есть принадлежать всем, всем...

Глава 43

Израиль и для Зямы

«Костюмер». – Сценка по рассказу Бабеля. – Виктор и Неля Гордины. – Гарик Губерман показывает Зяме Израиль. – Поэт Сара Погреб. – «О двух вечерах в Тель-Авиве». – Юбилей Сары. – Муся Каждан.

Побывав в Израиле, я поняла, что необходимо как-то организовать, чтобы Зяма туда попал. Судьба все организывает: на следующий, девяносто первый, год получаем приглашение от театра «Гешер»¹⁵ приехать к ним. Этот театр организовал Евгений Арье, вернее, он образовался из студентов театрального курса, который вел Арье, и их дипломного спектакля «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». С этим спектаклем они и выехали в Израиль. Арье – режиссер, который поставил с подачи Валерия Фокина – руководителя Театрального центра имени Ермоловой – спектакль «Костюмер». Гердт сыграл в нем заглавную роль, полноценно выйдя на «человеческую» сцену. Имел большой успех – смею повторить мнение зрителей и прессы.

---

¹⁵ Гешер (ивр.) – мост.

Валерий Фокин и Гердт

«Гешер» пригласил Зяму, чтобы он был как бы ведущий и одновременно бенефициант в их выступлениях в поездке театра для знакомства по городам Израиля. Кроме того, умный Арье за несколько репетиций поставил с Зямой и актрисой Наташей Войтулевич (сегодня, выйдя замуж за «коренного» израильтянина, стала Манор) сценку на полчаса игры по рассказу Бабеля «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна».

Русская проститутка приводит к себе жалобного еврея-коммивояжера и через день утром провожает его на вокзале, держа в руках маленький сверток. «В свертке были пирожки, и жирные пятна от них проступали на бумаге» (Бабель). Зяма, обожавший Бабеля (одна из лучших его телевизионных работ «Гердт читает Бабеля»), и артистка, явно талантливая,

да еще, как сама говорила, «рядом с мастером», играли так, что зал плакал. Мы все идиоты, не организовали съемки...

Неля Гордина с нами в Себеже

Жили в Тель-Авиве. В Иерусалим предлагали ехать в машине, но я, помня въезд в этот город, сказала, что поедem в автобусе, на втором его этаже. На таханат марказит¹⁶ сели: Зяма – на первый ряд, за водителем, я – позади него. Волновалась ужасно, уговаривая себя про себя: чего я, гойка, волнуюсь – вдруг не впечатлит? Но когда проехали место, где сверху открывается вид на город, Зяма обернулся и сказал: «Да, действительно, это рассказать нельзя!» Я была счастлива.

* * *

За несколько лет до этой поездки Гердт был в Воронеже на Мандельштамовских чтениях, где познакомился с Виктором Гординым – поклонником этого поэта, выражающим истинное поклонение действиями. Чтения состоялись благодаря и ему. За год до нашего приезда семья Гординых – Виктор, Неля и двое сыновей, под ростков-красавцев, приехали из Воронежа в Израиль. Позвонили, встретились у них дома, познакомились с Нелей, тоже уже не знаю за какие заслуги посланную мне Небом. Перед нашим отъездом Витя пришел к нам в гостиницу, принес в подарок маленький семисвечник...

Почему за светлым обязательно печаль? После нас, уже зимой, в Израиле был Веня Смехов, и Витя поехал на велосипеде в аэропорт, чтобы его проводить и послать с ним посылочки и письма друзьям, нам в том числе... Его сшибает машина... Мальчики и Неля сиротеют...

---

¹⁶ Таханат марказит (ивр.) – центральная площадь.

* * *

На следующий год мы опять в Израиле, с Зяминными выступлениями. Навещаем Нелю, слава богу, рядом живет близкая подруга. И мальчишки. Работает, настоящий молодец, вокруг много людей. И это потому, что она такая – «желанная». Люблю это слово, означает не только, что к человеку хорошо относятся, но и он милостивый, расположенный. Хоть и в разных странах, но мы стали друзьями, не подругами, а именно друзьями – не хватает друг друга, скучаем. Ездил с нами в Себеж, на открытие памятника Гердту. Что говорить? Подарок Судьбы.

* * *

Мельком, получая ключи от его дома, познакомилась с Гариком Губерманом. А когда приехала с Зямой, они познакомились, и мы даже у них жили, они были дома, а не на заработках в Америке.

Зяма узнал Израиль благодаря Гарикку – так, как он, по-моему, об этой стране никто рассказать не умеет. Ехать в машине, когда Гарик за рулем, – наслаждение. Главное его обращение к хулиганским водителям, которых везде хватает, не мат, а произнесенное с интонацией, с которой произносят «ё... твою мать», слово «мотек»: «Сладкий ты мой!»

Читая и слушая Гарика, часто думаю, что краткость не сестра, а мать таланта. Ведь с ума сойти от глубины всего двух строк: «Давно пора, е...а мать, умом Россию понимать!» У кого еще, кроме Игоря Губермана, такая сила самоиронии? Быть в компании Зямы и Гарика – именины сердца! Так, между прочим: сидим около камня, под которым – во всяком случае, так говорят – похоронен царь Давид, создатель Иудейского государства (XI век до нашей эры). Вдруг подходит молодой человек:

– Зиновий Ефимович, очень прошу, автограф!

Гарик:

– Ну напиши, только укажи место!

Гердт:

– А Додик не обидится?

Счастливы все! Молодой человек хохочет вместе с нами.

Прошу Гарика свозить в Вифлеем, говорит, что с удовольствием, но невозможно, надо иметь какой-то то ли пропуск, то ли какую-то еще ксиву, иначе машину изувечат. Но находит дяденьку с такой бумагой. Тот везет нас, но предупреждает, что, когда выйдем из машины, нас облепят арабы с требованием бакшиша. Я его успокаиваю, говоря, что надеюсь управиться. Он не понимает, но обалдевает, когда мой арабский опять нас выручает: вышли из автомобиля, человек пятнадцать подростков нас окружают, хватая за одежду. И я не очень громко, но решительно и внятно произношу очень грубое по-арабски, равное нашему распространенному «пошел на...й», и толпа рассыпается в секунду. Шофер просит научить...

* * *

Есть еще два человека, из-за которых меня тянет в Израиль. Первый – это поэт Сара Погреб. О ней мною написано в книге «Зяма»¹⁷, но вдруг вы туда не доберетесь, чуточку повторюсь.

Зяма был много лет назад с выступлениями в Магнитогорске. Среди всегда после окончания приходящих людей была немолодая женщина. Она обратила на себя его внимание очень небанальной речью, но огорчила, вынув из авоськи, где была еще бутылка кефира, красную папку, сказав, что в ней ее стихи. Все знали его погруженность в поэзию и всегда несли. Он прочитывал все, написанное в столбик, не прочитать он не мог, но радовался редко...

Через два дня, ложась спать, он открыл папку и через пятнадцать минут сказал: «Встаем, читаем, это настоящее!» Утром он позвонил Саре (она с мужем жила в Москве, а в Магнитогорск ездила к сыну), высказал наши впечатления и помчался к Дезику Самойлову за их проверкой. Дезика не было дома. Папку оставил, а через день Дезик позвонил, сказал, что папку найти не может и пусть Сара к нему придет и почитает. В трепете Сара отправилась. Через десять минут чтения, извинившись, Дезик ее прервал и позвонил: «Юра (это был Левитанский, они жили в одном доме), все бросай, иди сюда, здесь стихи». Когда Сара закончила им читать, Дезик сказал, что никаких советов он ей давать не будет, так как она сложившийся поэт, и что надо публиковаться. Велев ей сделать подборку из нескольких стихотворений, написал к ним представление, и вместе с Зямой они отдали это в журнал «Дружба народов», где и была первая Сарина публикация. Истинный талант всегда радуется чужой божьей искре и помогает ей!

* * *

Сара с мужем Мишей оказались в Израиле, так как старший сын Рома вынужден был уехать из Магнитогорска – дети серьезно болели от тамошней экологии.

Самойлов написал вступительное слово и к сборнику «Я домолчалась до стихов», когда Сара была уже в Израиле. В этом вступлении такие слова: «Сара Погреб – человек зрелый и поэт свершившийся... в ее стихах нет колебаний вкуса... У нее есть... свой голос... Надеюсь, что читатели услышат все это». Услышали. Несколько лет назад она была признана лучшим русскоязычным поэтом Израиля, а в изданной в Америке антологии русских поэтов рядом с великими именами – ее имя... В Израиле вышел второй сборник «Под оком небосвода», а осенью 2012 года в любимом издательстве ДЕКОМ – еще один сборник «Рассвет и сумерки». В нем есть мое «Еще одно предисловие» (перед ним предисловие крупного литератора Романа Тименчика), в котором выплескиваю эмоции: «Когда женщина пишет стихи, о ней чаще всего говорят: поэтесса... а если... она занимает место в *настоящей* поэзии... о ней следует сказать только: *поэт*... Перед вами стихи истинного поэта... Рада за всех, кто держит этот сборник».

Сара приезжала к нам в Тель-Авив в гостиницу из Ариеля, написала об этом.

---

¹⁷ «Зяма – это же Гердт!» ДЕКОМ, Нижний Новгород, 2013 г., стр. 246.

Поздравляю, тебя Танечка, ты - самая дорогая мне, самая близкая на свете.

Я хочу тебе в чем-то признаться. Скорее всего не к месту, но прости, боюсь как-нибудь не успеть.

(Мне кажется, что ты сама прекрасно знаешь, что если бы не вы с Зямочкой, не ваш "двор Строителей 4", дом, ставший мне таким родным, меня просто на свете не было: не то, что слово не напечатали, но - это самое главное! - Я НИЧЕГО БЫ НЕ НАПИСАЛА. НАЙТИ ТАКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ! ТАКОЕ ЕДИНОДУШИЕ! ТАКОЕ ЕДИНОМЫСЛИЕ! ТАКОЕ БЛАГОРОДСТВО...

Это просто ЧУДО - без малейшего преувеличения.

БУДЬ,БУДЬ ПОЗДОРОВЕЕ!

Твоя до самого конца Сара.

Поздравление Сары (текст) на Танин юбилей (2013), а фото – Сарин юбилей (2011)

О двух вечерах в Тель- Авиве, об одесской песенке, о романсе Свиридова, о тоске

1

*Есть интересней, есть прелестней,
Но Зяма выбрал эту песню,
Где лампочка всю ночь не гасла:
«Ну почему ты не пришел,
Когда я была согласна?»
О женском сердце кинолента.
Одесса... Магия акцента.*

*(Я, знаете, люблю евреев.
Им надо быть еще храбрее.
Их ненавидят так открыто,
И каждый может быть убитым.)*

*А Танины сновали руки.
Сначала подшивали брюки,
Потом погладили рубашки,
Потом перемывали чашки.*

*Минуты на три – божья милость —
Мгновенье приостановилось.
Сумерничали окна немо.
Непостижимо! Кто мы? Где мы?
О, место ложки – за тарелкой,
Укроп с петрушкой – мелко-мелко,
И выйдешь, кажется из двери
В тот двор – Строителей, 4.*

*В рот не брала, а захмелела.
В Москве была... Такое дело.*

2

*На тишайшей Ермиягу
Потеряла я отвагу,
Вкус разлуки ощутив.
Брудершафта нет, не вышло,
И отстал и стал неслышным*

Привязавшийся мотив.

*В доме том на Ермиягу
Потеряла я отвагу
И тональность соль-мажор.
А сперва – романса эхо,
И в коляске Пушкин ехал
Где-то около Ижор.*

*Потемнела Ермиягу...
Потеряла я отвагу —
Ну – кураж! Души полет...
К жизни рушится доверье,
В послезавтра я не верю,
И потерь убийствен счет.*

*Приезжайте под Ижоры,
Поглядите в небеса.
Тут со мною ваши взоры,
Ваши синие глаза.*

В 2011 году прямо первого января я прилетела в Тель-Авив, чтобы 2 января сюрпризом прийти на девяностолетний юбилей Сары. Встречавшая меня Неля Гордина тоже ей не проговорила. Но утром все-таки позвонили, боясь, что и от радости (нахально не сомневалась!) может быть шок.

А в день прилета, вечером, Неля повела меня на продолжение празднования Нового года в их тель-авивскую (русских евреев) компанию. Такие молодцы, через полчаса чувствовала себя «своей».

Юбилейный вечер был замечательный! В довольно большом зале полно народа, много молодых, что удивительно и очень приятно. Тепло, искренно говорили...

Муся Каждан. Как будто двадцати лет разлуки не было

На следующий год вместе с Милой и Фимой навещали Сару в Ариеле. Читала нам стихи... С ума сойти! Общаемся по телефону, часто, но это не то. Ни я, ни она на похороны друг друга не поедem, поэтому *необходимо* повидаться здесь. Постараюсь!

* * *

Кроме Гарика, Нели, Сары у меня еще есть Муся Каждан. Познакомились шестьдесят три года назад в издательстве – месте ее и моей основной деятельности. Там и дружили. Она была моей деятельной подругой. В издательстве было правило: не помню, как часто – раз в год или в три – сдавать экзамен по языку, с которым ты работаешь. За это была надбавка к зарплате – 10 процентов за западный, 20 процентов за восточный. Поскольку поначалу зарплата была мизерной, я, дура, говорила, что они идиоты, а за что же, если не за язык, мне зарплату платят? Муська мудро говорила, что этот идиотизм – редкий случай, в нашу пользу – три пары колготок! Зарплата росла, число колготок тоже.

А потом Муся проявила себя как фея – привела нас в туристическую секцию Дома ученых. Об этом я уже рассказывала.

Муся оказалась в Израиле не совсем по своей воле. В издательстве она работала в редакции марксизма-ленинизма и, будучи очень грамотной, читала классиков на их языках и составляла материалы в помощь переводчикам всех языковых редакций. Ее муж Саша Каждан был очень крупным остепененным византологом. Но у них был сын Дима, редкостно одаренный математик. Академик Гельфанд способствовал распространению работ еще студента

Димы Каждана. Что происходит? Дима востребован – уезжает в Штаты. Родителей, естественно, вышибают с работы. Прождав довольно долгий срок оформления бумаг по «воссоединению с сыном», едут в Штаты. Живут в разных местах – старшего Каждана берут в серьезный научный институт в Беверли Хиллс. Мы с Зямой у них были – сказка! Но жизнь осложнена неожиданным обстоятельством – Дима, живущий и творящий в эмпиреях высшей математики, впадает в иудаизм, неожиданно сильной ортодоксальности. Мусе и Саше достаточно сложно – показывает шкаф, где стоит правильная посуда для кошерной еды, которую готовят, когда приезжают дети (у Димы уже потомство). Через несколько лет иудаизм крепчает, и Дима с семьей и математикой переезжает в Иерусалим. Саша уходит из жизни, и Мусе ничего не остается, как ехать, хоть и в отдельное жилище, к детям.

Маленькая, худенькая, такая же, как и я, далеко не молоденькая, а если честно употреблять определения – старенькая, редкого жизнерадостного характера, стойкости и доброты. Живет в Иерусалиме, водила к ней Милу и Фиму и Дину Рубину. Все благодарили за знакомство с такой прелестной интеллигенткой.

Я своих израильтян перезнакомила, и они общаются. Неля – святая, полюбила и Сару, и Мусю. Навещает их...

Хочу всех обнять, поцеловать!

Глава 44

«Паша, потерпи»

Катю в школу. – Автомобиль не тот. – Фильм друзей. – Обсуждение. – Леонид Исидорович Мильграм. – Математичка Ида Борисовна Гиндина. – Учитель литературы Феликс Александрович Раскольников. – «Сорокпятючки».

Нашей Кате семь лет – осенью в школу. Какую? Естественно, мы (Гердт и я) – гуманитарии, я связана с языками, значит английскую. Уже год, как мы, бесконечно счастливые, живем в десятом экспериментальном квартале Новых Черемушек. Это были пятиэтажные хрущевки, теперь отслужившие свой век и снесенные, а тогда очень облегчившие жилищную проблему.

В песенке небесного Гены Шпаликова, жившего в соседнем с нами подъезде, такие слова: «Живу веселым, то печальным, в квартале экспериментальном, горжусь я тем, что наши власти на мне испытывают пластик».

* * *

Самая близкая желаемая спецшкола находится за универмагом «Москва» на Ленинском проспекте, и мы по районированию к ней не относимся. Но есть «языковые» связи, и мне назначена встреча с директором этой школы. Я получаю напутствие: «Оденься пошикарней!» Не очень поняв причину, исполняю, благо могу это сделать: Зяма вернулся из гастролей в Штаты, и шмотки что надо!

Придя в назначенное время, была благосклонно встречена, судя по всему, благодаря справедливости совета относительно одежды.

Дальше разговор: кто мы, что мы, где живем... «У нас всех детей привозят, какой марки у вас машина?» Поняв в течение беседы, что всех привозят на черных «Волгах» и соответственно марка нашего автомобиля «Москвича» никак не подойдет, так и сказала и, лицемерно вежливо попрощавшись, не отвечая на «Что вы, что вы, какая разница?» – ушла.

Дома Зяма поддержал – отдаем в обыкновенную близлежащую школу. Но Провидение работает! Буквально на следующий день звонит Элем Климов и приглашает на просмотр своего фильма по сценарию тоже замечательного друга Семена Лунгина «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». И говорит, что стоит остаться после просмотра фильма на обсуждение, так как приглашены «деятели образования» – учителя, вожатые, директора. «Думаю, будет не менее интересно», – уговаривает Элем. Идем втроем – Зяма, Ляля Львовская¹⁸ и я. У Зямы спектакль, он уезжает в театр. Естественно, мы счастливы такой замечательной работе друзей – сценарий, режиссура, Евгений Евстигнеев, все остальные... Именины сердца!

* * *

Начинаются выступления. Элем прав – интересно очень! Выходит человек лет тридцати и говорит:

– Я – старый лагерник... – зал обрушивается хохотом. – Нет, нет, не в том смысле: сначала я был пионером, а потом вожатым, фильм замечательный.

---

¹⁸ Жена поэта, драматурга, писателя Михаила Львовского, самого близкого друга Гердта, сама – литературный редактор Детгиза.

Далее появляется пожилая училка, кажется, завуч, с возмущенными воплями о неуважении к старшим и непедагогичности показа такого безобразия детям. Затем появляется молодая учительница, подтянутая, строго, но элегантно одетая, и хорошим голосом и речью начинает звать всех на баррикады, говоря, что стиль поведения старших надо менять начиная с Министерства образования...

Далее (я, конечно, привожу не всех) выходит мужчина средних лет, говорит, что он директор (картавя на букву «р») и что смешно обсуждать: фильм потрясающий, полезный всем – взрослым и детям.

– Нечего лицемерить, все знают, что выгнать с работы дурака – трудно. В школе это сделать тоже нелегко. Поэтому, если в апреле ко мне подойдет выпускник – десятиклассник и скажет, что у него конфликт с учительницей и что она – дура, а я знаю, что, к сожалению, он прав – она действительно дура, то неужели я буду его отчитывать: как ты смеешь, об учителе, старшем, и т. п.! Конечно же нет, единственное, что я ему скажу: Паша, потерпи!

Обсуждение закончилось, медленно расходились, продолжая обмениваться восхищениями и протестами. Вокруг очаровательной учительницы высказывали опасения за ее смелость. Обаятельно улыбаясь, она говорила:

– За меня не беспокойтесь, у меня муж хорошо зарабатывает.

Мы подошли к «Паша, потерпи».

– Я правильно поняла, что Вы директор школы? – обратилась я.

– Да, а Вам зачем?

– Я хочу отдать к Вам в школу дочку, где Ваша школа?

– О, у черта на куличках – в девятом квартале Новых Черемушек!

– А мы живем в десятом!

– Но у меня самая обыкновенная, никакая не спецшкола.

Выясняется, что она к нашему дому даже ближе, чем наша районная, поэтому никаких сложностей в РОНО, куда мы с Гердтом пришли с запиской, конечно же, от Мильграма Леонида Исидоровича, не было!

* * *

Так началось наше знакомство и уже очень многолетняя, позволю себе сказать, обоюдная привязанность. Леня (так звали его, слава богу, за глаза, не только мы, родители, но и все ученики) первое, чем потряс меня, было знание всех учеников, включая вновь пришедших, по именам! Это очень сильно снижало казенщину, присущую всякому, даже и образовательному, учреждению, делая пребывание в школе более уютным для всех – учеников, учителей, нянечек... Казалось бы, как просто, но так редко!

Через год, осенью, он позвонил нам и сказал: «Ну вот, за вашу верность принципу сохранения достоинства – наша школа стала английской!»

Нармуды (народные мудрости) всегда верны. Например, одна из них – «Каков поп, таков и приход!»: роль личности – огромна! Конечно, наверное, и в «кадрах» Мильграма не все были безупречны. Но климат в школе был таков, что все работали «у себя» не за страх, а за совесть. Это сработало: как когда-то эпитет «ифлиец» (студент Института философии и литературы) звучал как высокая марка, так принадлежать к «сорок пятой» во времена Мильграма стало, как теперь говорят, «престижно». (Как к Итону в Англии!)

Теперь ушло из употребления, наверно, потому, что ушло и из жизни, определение «файн-механик» – замечательный, отличный, – применявшееся не только к людям с золотыми

руками, но ко всем, кто в своем деле дорожил своим именем. Была в школе преподавательница математики в старших классах Ида Борисовна Гиндина: школа была языковая, как бы с гуманитарным уклоном, но тем не менее были и те, кто шел дальше в точные науки и технику. Так Ида Борисовна не позволяла их родителям взять репетиторов по математике, говоря, что для нее унижительно, если она своих не доучит до поступления в ВУЗ. И действительно, поступали!

Л. И. Мильграм

Она была истинным Учителем, видевшем в каждом ученике личность. Наша Катя была напрочь лишена склонности к математике, неспособна выучить даже таблицу умножения (однажды почему-то надо было помножить четырнадцать на три, и я сказала: сорок два, Катя в большом удивлении вскинулась: откуда ты знаешь?). Она добралась с тройкой (думаю, с минусом) до девятого класса и соответственно попадала к Иде Борисовне. Я ждала вызова в школу для обсуждения проблемы максимум в октябре. Приглашена же была только в конце

декабря, и то с тем, чтобы я не вздумала заставить Катю заниматься математикой в зимние каникулы. «Никаких репетиторов, у нее в аттестате будет четверка, не будем же мы его портить так хорошо идущей гуманитарной девочке – она никогда меня не опозорит, так как к этой стезе близко не подойдет».

Англичанка Наталья Михайловна, привлекательная молодая женщина, с толстой русой косой, не просто вела уроки английского языка, но не поленилась ставить сцены из «Двенадцатой ночи» на языке, в костюмах, а мы сумели приволочь с «Мосфильма» деревянный стул-трон (от Рязанова с «Берегись автомобиля»).

Школа была местом притяжения. Родителей не вызывали, они сами искали повод для общения. Гердт мог, едучи мимо, поставить машину и зайти повидаться, а если просили встретиться с учителями или учениками – почитал за честь.

* * *

Когда закрыли уникальную вторую школу, где факультативы вели профессора из МГУ, и редкостные педагоги оказались не у дел, Леонид Исидорович немедленно пригласил и взял их в сорок пятую, прекрасно понимая, что вызывает этим недовольство органов образования. Главнее всех опасений – порядочность и служение учительскому делу: бывший директор второй Владимир Федорович Овчинников – историк, но какой! Грех сказать, но нашим детям повезло! А о литераторе Феликсе Александровиче Раскольникове Катя говорила, что все пять лет ВГИКа не дали ей столько, сколько дал Феликс. На каждый урок литературы все ученики должны были прийти с выученным стихотворением, ими самими выбранным: любого поэта, любого направления. Возникло соревнование, и в поисках того, чем можно удивить, дети близко соприкасались с поэзией... Как просто, правда ведь?!

Времена были уже далеко не оттепельные, и на вопрос ученика, кто такой Солженицын, учителю следовало сказать: ярый антисоветчик, практически – враг. А Феликс Александрович, не желая никого подставлять, сказал, что, по его мнению, это очень крупный, а может быть даже великий, русский писатель. За высказывание правды платим дорого: одна ученица получила за выпускное сочинение четверку, а ее папа хотел пятерку и пошел жаловаться на литератора в РОНО, рассказав там о позиции этого учителя литературы. Вызванные к властям Мильграм и Раскольников были оповещены, что такие высказывания несовместимы с понятием «учитель». Феликс Александрович, не желая подорвать Мильграма, а значит и всю школу, подал заявление об уходе и вскоре вынужден был эмигрировать со всей семьей. Хочу думать, что судьба просветила мозги папы четверочницы (по этому и не называю его имени) и он прочувствовал подлость своего поступка. Он кинорежиссер, снял очень хороший фильм, положенный по идеологическим соображениям на полку и увидевший свет через двадцать лет. Он с семьей тоже эмигрировал и теперь живет на две страны...

Всем известный сегодня писатель Пьецух преподавал у Мильграма, дети его обожали: не теряя их уважения, он был с ними на равных. А завуч по английскому языку Александр Захарович писал стихи любимым выпускникам...

При всем естественном различии людей – характеров, степени профессионализма, взглядов – в школе четко была видна одна самая главная предназначенная ей задача – воспитывать порядочных и, желательнее, максимально образованных людей. Поэтому и с родителями, как бы ни был разнообразен и их круг, было единение. Родительский комитет действительно работал, помогая в проведении походов, выставок и пр. А председатель этого комитета Осипова

на общественных началах заменяла какое-то время учителя труда, обучая детей домашнему хозяйству.

* * *

Гердт любил повторять: дни идут, а годы летят. Перевалив за начало пенсионного возраста, Леня собрался было уходить. Но мы, родители, тоже уже бабушки и дедушки, встали на дыбы. Я нахально кричала: пока внук не окончит школу, не можете уйти! И он, преодолевая вновь не лучшие времена и связанные с ними изменения людей и, соответственно, духа, руководил еще много лет. Потому что он – Учитель. И будучи уже не в стенах школы, Мильграм продолжал им быть: заботился, чтобы достойные не были забыты и получали звания, объяснял, что надо сделать, чтобы ЕГЭ был действенным инструментом, и много чего еще...

Почти не бывало дня, чтобы не было звонка или визита кого-нибудь из бывших «сорок-пяточников» в доме у Мильграмов. Это ли не доказательство того, что в наш, ставший донельзя прагматичным век истинному Учителю удастся воспитать «человеков»!

Увы, наш Леня ушел из жизни... Но и сегодня он в памяти тех, кому повезло его знать, тех, кто работал рядом, тех, кто благодаря ему вырос в достойного человека. Он с нами, спасибо ему!

Р. S. Мечтаю, чтобы моим правнучкам выпала удача (как их бабушке, а моей дочке) – встретить такого Учителя!

Глава 45

«Светлана Аллилуева...»

Света в школе. – Мужья и дети. – Отъезд в Индию и США. – Возвращение. – Тбилиси. – Взрослые дети.

Иногда на воспоминания наталкивает что-нибудь совершенно неожиданное. По телевидению (ТВ-центр) 3 июля 2015 года прошла передача документального фильма под названием «Светлана Аллилуева. Дочь за отца». И сразу это имя вызвало в памяти несколько сюжетов.

* * *

В детстве до войны я знала девочку, которая училась в одном классе со Светланой Аллилуевой в 175-й школе. Конечно, рассказывала о ней: учится хорошо, очень завидует нам (то есть не вождистским детям), что мы сами приходим в школу и уходим из нее, а нас не увозят сразу на машине. Однажды у Тани (так звали мою знакомую) должен был праздноваться день ее рождения, и Света попросилась тоже прийти. Конечно, конечно! Через день в Танин дом пришли двое мужчин, в штатском, вежливо осмотрели помещение и двор и уехали, ничего не объясняя! Конечно, в доме было полно волнений. Но день настал, и в школе Светы не было. А Тане передали от нее записку с сообщением, что она заболела. Потом она рассказала, что как она ни уговаривала – «папа не пустил». Очень огорчалась.

* * *

Окончив школу, Светлана училась в МГУ. С ней на курсе учился сын знакомых моей мамы Гриша Мороз. Полюбили, поженились, родили сына Иосифа. Старшего Мороза арестовали, брак отменили. Свету выдали замуж за сына Жданова. В период перед вторым замужеством была влюблена в Дезика Кауфмана – поэта Давида Самойлова. Он рассказывал нам об ужасе, который он пережил, когда она появилась у него на даче. С сыном Жданова родили дочку Катю. А потом, не помню как, он куда-то делся. А Света, с разрешения уже Косыгина (а может быть, Брежнева?) поехала с очень пожилым индусом в Индию. Этого индуса я знала, он работал в моем издательстве переводчиком в индийской редакции. В Индии на пышном приеме в советском посольстве по случаю 8 Марта Светлана поговорила с американским послом. И прямо из посольства – все было организовано тихо и мгновенно – улетела в США. Притом что в Москве остались дети: Иосиф Мороз и Катя Жданова. Там через некоторое время вышла замуж за американца, родила дочку. Пробыли недолго – оставив американца, уехала с дочкой в Англию. А там вдруг заскучала и захотела «домой». Дочке, если не ошибаюсь, Оле, было уже лет двенадцать. О том, что они летят в Москву, Светлана сказала ей только в самолете!

В Москве дали квартиру, машину, шофера. Но взаимодействовать никто особенно не хотел. Так, наш друг Леонид Исидорович Мильграм, директор Катиной 45-й школы, позвонил с рассказом о том, с каким трудом он отбоярился от приема в свою школу «внучки Сталина».

* * *

Полетели «на родину», в Тбилиси. Встретили гостеприимно, все устроили, но оказалось, что и здесь очень неуютно. Языка ни одна, ни тем более другая, младшая, не знали. Друзей не было.

Замечательная женщина Майя Кавтарадзе, забыв обиды, нанесенные Сосо ее отцу, опекала Светлану и дочку, помогая, чем только могла. Говорю это по праву, потому что знаю от Зямы. Он в это время был со своими вечерами в Тбилиси, и Майка (мы дружили) пригласила его в гости. О ней мне хочется сказать. К сожалению, мы всегда территориально разделены, но она в моей душе памятна как совершенно «своя». Ее слова о Зяме в письме ко мне, когда он скончался: «Мы с ним знакомы с 44-го года и нет-нет, да наши дороги пересекались и теплота этих встреч будет греть меня до конца дней».

Светлана с дочкой тоже была у Майи, так как знала, что Зяма друг Дезика, и, конечно, хотелось повспоминать. Зяма рассказывал, что было грустно видеть немолодую женщину с такой перекрученной судьбой. Да и девочка рядом с ней счастливой не была. Мама с дочкой проводили Гердта до его гостиницы. Прощаясь, девочка протянула Зяме большое металлическое кольцо и сказала: «Передайте это вашей жене от нас». Кольцо у меня, когда на него натыкаюсь, естественно, вспоминаю его историю.

Когда Светлана была в Москве, то с сыном Иосифом виделась. Он стал доктором-кардиологом, говорят, хорошим. Недавно ушел из жизни... А дочка Катя (ждановская) была в это время на Дальнем Востоке и, очевидно, не могла простить матери побег и оставление ее и Иосифа без себя. Поэтому вполне жестко, по телефону, отказалась от встречи...

Светланы недавно не стало... Конечно, при такой дикой судьбе остаться с полноценной психикой невозможно: мама то ли покончила с собой, то ли ее убил папа... Все время под колпаком, а потом еще и понять, кто твой папа! Жалко ее, правда, стала личностью, но не такой, какая нужна людям.

Глава 46

Подарок судьбы

Жить надо долго. – Лидия Борисовна Либединская. – Пароходный круиз. – Углич. – С Лидией Семеновной Баланеско в Угличе. – Лоскутные одеяла с петухами.

Жить, как известно, надо долго. Особенно в России. На протяжении даже одного поколения происходит масса глубочайших изменений, очень интересных, но, к сожалению, чаще всего печальных, жизнь обыкновенных людей отягчающих. Очень поверхностная схема событий прошлого века: царь – добренький и чрезвычайно жесткий, человек без божьей искры, практически обыватель¹⁹, потом революция, Ленин и большевики, Гражданская война, Сталин с геноцидом своего народа, Отечественная война и ужасное крушение надежд после нее, короткая оттепель, застой, перестройка – опять обвал. Начало третьего тысячелетия – казалось бы – все по-новому, но нет: все – «как бы», конституция, законы – четкие, замечательные, но исполнить и применить – нереально, власть – как бы народная, но народа нет – только население... можно еще долго рассуждать таким образом и даже находить единомышленников. Часто слышим: «В интересное время живем!» Грустно, но талантливо было сказано: «Хорошо бы пожить в неинтересное время!».

Не знаю и никто, кроме счастливых – истинно верующих, которых так немного, – не знает, есть ли Бог. Но иногда, наверное, следует верить, что Он есть: ведь я тоже счастливая – мне повезло, столько замечательных людей было в моей жизни! А ведь никакие блага, будь то комфорт, книги, музыка, вкусная еда, красивые платья и даже путешествия и интересная работа, не сравнятся с любовью, дружбой, существованием на одной волне, то есть именно жизнью с людьми. А когда они замечательные – это и есть счастье!

Чем старше становишься, тем придирчивей бываешь в оценке окружающих.

Поэтому, когда уже сильно не молоденькими, мы встретились с Лидией Борисовной Либединской, это стало для меня событием. Потому что с первой минуты нам обоим было легко не только разговаривать, но и с «пониманием» молчать. Случилось это во время пароходного «круиза» Москва—Петрозаводск – Москва, организованного ВТО (Всероссийским театральным обществом), в который были приглашены Лидия Борисовна и Зиновий Ефимович Гердт со мной, его женой. Зяма и Лида были знакомы тысячу лет, и когда мы обе на него набросились за наше незнакомство, согласился, что это его «недогляд».

---

¹⁹ Мнение моей мамы – она в 1919 году переводила дневники Николая II и его письма к жене на русский язык.

Л. Б. Либединская

Мы испытывали доверие друг к другу, и поэтому было просто и легко, а от этого весело и радостно. Позволяю себе употребить местоимение «мы» именно в силу того, что так чувствую и верю во взаимность этого чувства. Мы приплыли в Углич, и Лидия Борисовна и я пошли в город, а Зяма остался на корабле, сказав, что далеко идти ему неохота и он прогуляется по берегу около пристани.

Углич для меня – город детских воспоминаний. Вероятно, по этому, когда мы вышли на площадь, где стоит старый православный собор с большущими синими, в золотых звездах, куполами, что-то тревожное и безрадостное отобразилось на моем лице, и Лидия Борисовна, заметив это, вскрикнула: «Танечка, что?» – «Просто вспомнила...» – «Что, расскажите сейчас же!» – «Это вполне печально», – сказала я. «Все равно, мне интересно». И это правда было так – ей были интересны и нужны люди не из вежливости, а по сути. И я рассказала...

* * *

В 1938 году я заболела коклюшем. Мне было десять лет, а эту болезнь надо переносить в более раннем возрасте, легче протекает. Было известно, что для облегчения хорошо бы побыть на открытой воде (реке, озере). В это время наш близкий человек Лидия Семеновна Баланеско ехала в Углич, где, переведённый из Сибири, в концлагере находился ее муж. Там было не так жестко: заключенных небольшой колонной вели на работу через город два вооруженных охранника. Зная место и время их прохода, Лидия Семеновна и я приходили туда, и, взяв приготовленный ею кулек с едой, я подбегала к Дмитрию Алексеевичу (я знала его по Сибири), отдавала кулек и тут же отбегала, а он смотрел на жену. Очевидно, даже в охраннике что-то не позволяло вскинуться на ребенка.

* * *

Эта картинка и всплыла у меня около звездного собора... Лидия Борисовна, все поняв и прочувствовав, обняла меня и поцеловала...

Прошли мимо церкви, стоящей на месте, где убили царевича Дмитрия, Церкви на крови, и вышли к торговым рядам. Увидев лоскутное покрывало с двумя сказочными петухами, совершенно ненужное, но поэтому абсолютно необходимое, поняла, что не имею права его покупать: надо было заплатить все имеющиеся у меня деньги. «Не обсуждается, покупаем, – категорично сказала Лидия Борисовна. – Всегда сожалеем о том, чего не купили; если понадобится, – у меня какие-то деньги есть». Когда мы, неся покрывало, вернулись на корабль, нас радостным криком встретил Зяма: «Смотрите, что я здесь на берегу купил!». Это было, конечно же, точно такое покрывало с петухами... «Видите, как вы правильно женаты!» – сделала заключение Лидия Борисовна... Покрывала, естественно, подарены: одно – в Америку, другое – в Швейцарию...

* * *

Зяма очень тонко чувствовал фальшь высокопарности, и если и употреблял превосходные степени, то всегда проглядывала ирония. При этом был абсолютно естествен и серьезен, превознося тех, кем восхищался и кого высоко ставил. Именно так он говорил о Лидии Борисовне, не забывая упомянуть, что она «настоящая дворянка, никогда не хвастающая этим званием, а только поступками всей своей жизни доказывающая его суть». И в этих словах главным определяющим словом было «настоящая». А я применяю к ней слова Пастернака в «Докторе Живаго»: «у него было аристократическое чувство равенства со всеми», то есть с начальством тон тот же, что и с подчиненными.

Простота и естественность в общении, мне кажется, несомненно свидетельствуют об уме человека. С Лидией Борисовной всем было легко и интересно. А от искреннего внимания и уважения к вам, говорящему с ней, делалось теплей и спокойней на душе. Сегодня доброта и участие – редкость, нехватка ужасная...

Почти все мемуары выливаются в форму: «Я и Ахматова», у меня тоже так выходит, простите...

Я ничего не говорю о творчестве Лидии Борисовны, так как считаю и уверена, что так и будет – об этом скажут литераторы. Единственно, что хочу напомнить: Лидия Борисовна относительно себя не употребляла это слово, а говорила: «работа». Гердт тоже был очень щепетилен и точен в словоупотреблении: не говорил «творчество» о себе, не мог про свою

жену сказать «супруга» и всем рассказывал, что Твардовский называет себя не «поэт», а только «стихотворец». Это не уничижение, а удивительное проявление скромного достоинства настоящего таланта.

Из всех людей, которых я знаю, у Лидии Борисовны больше всех потомков – детей, внуков, правнуков, – ее обожающих. И достигла она этого, казалось бы, очень легким способом: не только выведя формулу – «детей не надо воспитывать, с ними надо дружить», но и неукоснительно следуя ей.

Как и всем порядочным людям ее поколения (может, и были исключения, но, увы, мне не встречались), ей выпала на долю масса сложных и трагичных событий, по большей части изменяющих людей не в лучшую сторону, делая их безрадостными и не очень добрыми. А вот наша «настоящая Дама» до конца своих дней сохранила умение радоваться жизни и любить самое важное и интересное в этой жизни – людей! Может быть, за это Господь на нее оглянулся и сделал лёгким ее уход из жизни. Она вернулась из туристической поездки в Грецию. Там, как рассказывали, ходила по всем высоко стоящим монастырям, пила валокордин, но не жаловалась. «Усталая, но довольная» была встречена дочкой. Попила с ней чаю и в хорошем настроении легла спать. Увы – навсегда...

Для меня она – подарок судьбы! Заключение, думаю, может быть одно: помнить и стараться хоть чуть-чуть быть похожими...

Глава 47

Себежане вернули Зяму домой

Себеж. – Памятник Зиновию Гердту. – Возвращение. – Мэр Себежа Галина Анатольевна Малютина. – День открытия.

Значительно более крупным событием, чем мои «юбилеи», для меня, Кати, Орика и близких детей и взрослых явилось установление к Зяминому девяностопятилетию памятника «Зиновию Гердту от себежан». Понятно, что в городе Себеже, Зяминой родине.

Об этом событии я написала главку в последнем издании книги «Зяма». Позволю себе привести ее здесь.

Возвращение²⁰

Ушедших из жизни гораздо больше, чем ее продолжающих. Известно – умирать демократично: присоединяешься к большинству. От этого не легче...

Но если человека любят, то его помнят. И он продолжает не физическую, а гораздо более долгую, важную жизнь в душах людей.

Гердт – личность с чистой биографией, и, я уверена, поэтому он был и продолжает быть любимым и как талантливый актер, и как просто человек: близкий, понятный, добрый. Свой. Одним словом – Зяма! Особенно замечательно это доказали Зямины земляки – себежане.

В первый раз я увидела Себеж больше 40 лет назад, когда Зяма повез меня показать это действительно божественное место. А потом мы бывали там почти каждый год, в отпуск проезжая специально через него по пути в Прибалтику в свои палаточные туристические базы Дома ученых.

Себеж – городок, расположенный в Псковской области рядом с Латвией, – был до революции тем, что называется «местечко». Соответственно проживающим жителям было три храма: православный для русских, костел для поляков, синагога для евреев. По рассказам – уживались мирно. Самое начальное школьное обучение Зяма получил в хедере, на идиш, который потом абсолютно забыл. Вероятно, еще и потому, что уже в обычной школе у него был не обыкновенный учитель Павел Иванович, заразивший его на всю жизнь страстью к русской поэзии.

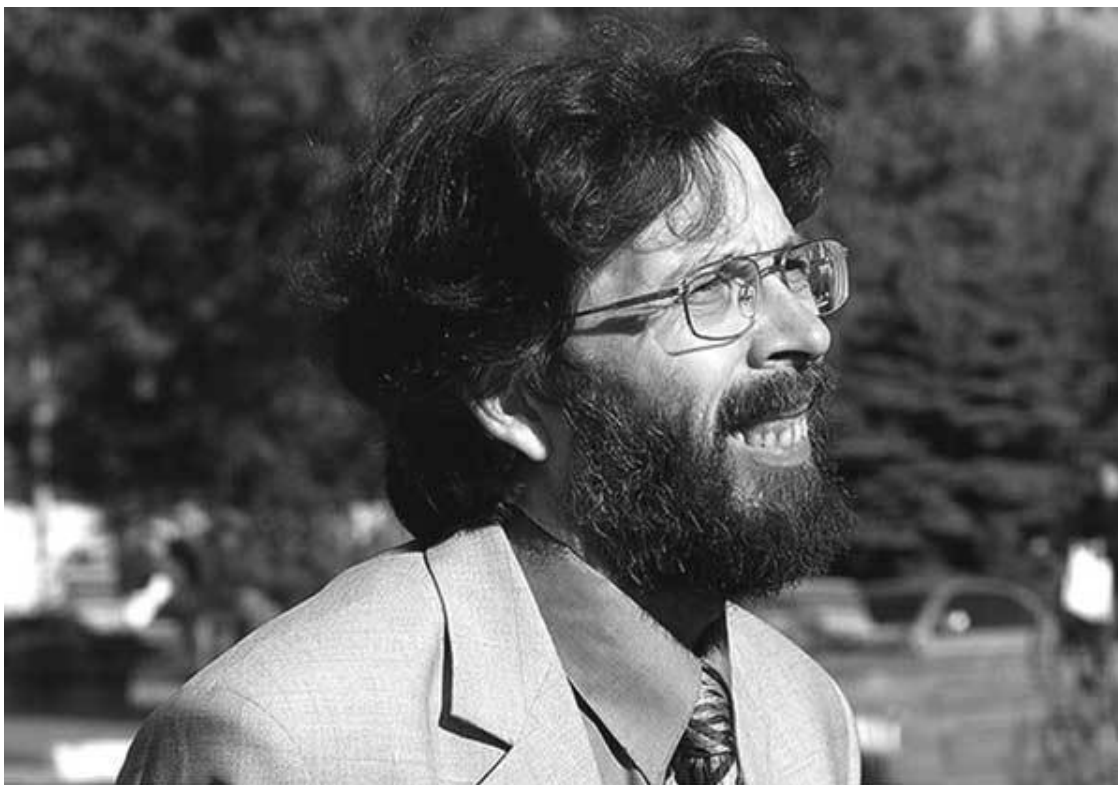
Увековечить память своего земляка жители Себежа хотели давно.

Третьего и четвертого июля 2004 года Себеж отмечал сразу несколько значимых событий: свое 590-летие, 60-летие освобождения Себежского района от немецко-фашистских захватчиков и 350-летие храма Святой Троицы. «Разнообразная программа празднования как основное мероприятие включало в себя и церемонию закладки камня в городском парке, на месте установки памятного сооружения Зиновию Ефимовичу Гердту на его родине в Себеже» (газета «Псковская правда», 8.07.2004). Инициатором установки памятника был заместитель председателя областного Собрания депутатов Александр Христофоров, который за два года до этого выступил, опираясь на многократно высказываемые пожелания себежан, с предложением увековечить память своего земляка. В дни торжеств были присвоены звания почетных граждан Себежа. Гердт был назван первым. Камень был заложен. Несмотря на участие рабочей группы ЮНЕСКО, их искреннее и горячее желание, осуществить проект не удавалось – времена, как, правда, и всегда, были нелегкие.

---

²⁰ «Зяма – это же Гердт!» ДЕКОМ, Нижний Новгород, 2013 г., стр. 263.

Но Себеж, красивейший, трогательный город и его жители – явление удивительное. Это люди, которые не только хотят, но и действуют, чтобы высокое слово «Родина» звучало достойно.

Скульптор Олег Ершов

Спустя шесть лет с закладки камня дело сдвинулось с мёртвой точки. Администрация города объявила результаты конкурса проектов. Жители выбрали лучший из проектов!

Скульптор Олег Ершов, не знавший Гердта лично, подробно изучил все материалы о нем (воспоминания, фильмы, фотографии и т. п.) и сумел ощутить его суть и передать ее в сотворенной им скульптуре.

Деньги на памятник собрали себежане!

И накануне 95-летия со дня рождения Гердта – Зиновий Ефимович родился 21 сентября, – двадцатого сентября 2011 года памятник был открыт!

Что для себежан значило это событие, лучше всего рассказала мэр города Галина Анатольевна Малютина в своём письме мне. Привожу его здесь, конечно, с разрешения автора.

Уважаемая Татьяна Александровна!

Посылаю Вам на память видеосъемку церемонии открытия памятника З. Гердту.

Благодарю Вас за принятое участие в столь значимом для нас всех мероприятии.

Зиновий Ефимович вернулся на родину, и он здесь не одинок. Понятие «всенародный любимец» продолжает жить, он востребован людьми. Возле него постоянно находятся люди самой разной возрастной категории – молодежь, школьники, мамочки с детьми, свадебные пары и др. Видя все это, соглашаешься со словами Ролана Быкова, что в мире произошел заговор бездарности и он явно побеждает. Нынче истинный талант – наше единственное прибежище и спасение. Восхищайтесь талантливыми. Храните

их и любите, иначе наша жизнь пройдет на скотском дворе в хлеву золотого тельца.

Себежане и приезжающие с разных уголков нашей страны – Калининграда, Крыма, Ульяновска, Москвы – считают своим долгом посетить памятник, прикоснуться к нему и возложить цветы. Зиновий Гердт вновь на сцене, народ аплодирует Мастеру. Доброго Вам здоровья, внимания со стороны близких для Вас людей. Всегда в Вашем распоряжении Г. Малютина.

(Для характеристики этого человека я не буду, хотя и хочется, употреблять высоких слов, а просто расскажу.

Нас было 14 человек, приехавших на открытие памятника из Москвы. Поезд пришел в пять часов утра. Стоял теплый автобус и... мэр Галина Анатольевна. На мой возглас «Это невозможно!» она очень спокойно и ласково сказала: «Вы бы поступили иначе?»)

* * *

Правда ведь, когда все «начальники» от мала до, особенно, велика будут такими, Россия выдюжит?

* * *

Мы пробыли в Себеже всего один день – на следующий день (21 сентября) надо было дома в Москве принимать гостей на Зямин день рождения. Для всех, кто ездил, этот день стал ярким событием, которое, встречаясь, продолжаем вспоминать: помимо волшебной природы – озера с угрями и лебедями, живого леса, храма и кладбища, которые явно окружены заботой, – конечно же, люди! Было ощущение, что весь город стоял в едином порыве на берегу озера, где открывали памятник. Произносили теплые, искренние слова, поэтессы-себежанки читали стихи.

А на щедром застолье после церемонии открытия был православный священник. Он истинно верующий – подумала я про себя, – ведь не похороны были, а прославление артиста, к тому же еврея (!); очевидно, он – что счастье для себежан – умный, чувствующий, *настоящий* интеллигент! Все, и москвичи, и местные, дивно говорили. А себежский прокурор (!) читал Ахматову! Вот тебе и провинция! Только ею Россия и выдюжит...

Послесловие

Извините за повтор: дни идут, а годы летят... У меня без Зямы три юбилея: 75, 80, 85 – скорость экспресса! Жуть какая-то!

Одиночество – это не тогда, когда ты один, тогда это уединение. Одиночество – это когда ты рядом, так сложилось, с людьми чуждыми тебе. Чуждыми по взгляду на людей, на обстоятельства, чуждыми по образу жизни... в общем, по духу.

В уединении тоска подступает, но с ней справляюсь. А при чуждых людях затягивает сильнее. Наверно, от того, что возникает острее мысль – они здесь, а тех, кто нужен, нет. Дней прошедших нестерпимо жаль.

Будущее в прошлом. Вот печаль...

* * *

Саша (Александр Моисеевич) Володин – позволяю себе так сказать, мы были на «ты» – кратко и очень тонко и точно сформулировал время:

*До войны – дело раннее. Нету опыта.
Недолюблено, недоедено и недопонято.*

*На войне – годы зрелые, годы лучшие,
Только там больше отдано, чем получено.*

*Ну, потом был культ личности, дело прошлое.
Недодумано, недосказано, недопрошено.*

*До сих пор мы послушные и несмелые:
Неотвечено, недокончено, недоделано...*

* * *

Пора остановиться. Главное – люди. Всё в жизни каждого зависит от того, кто рядом, с кем ты. Я, наверное, надоела читателям повтором утверждения, что я счастливая. Столько у меня в памяти людей! Стоящих! Последние в жизни слова Зямы, произнесенные на сцене во время бенефиса, после концовки прочтенных им стихов Самойлова:

*...О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,*

*И что порой напрасно
Давал страстям улепись,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...*

– были: «хороших людей на свете больше, чем плохих»...

* * *

После выхода книги «Зяма – это же Гердт!», где в первом издании 2001 года во вступлении говорилось, что это воспоминания части тех людей, которых любил Гердт (в смысле не «кто его любит», ответ ведь банален – «все любят», а которых любил он), были такие замечательные звонки: Вася Аксёнов: «А меня разве Зяма не любил?», Юлик Крейндли (для меня больше «хирург Крейндли» – оперировал мой аппендицит) с тем же вопросом, даже самый образованный из всех, кого знала и знаю, Кома (Вячеслав Всеволодович) Иванов и еще, еще...

Часть тех людей, которых любил Гердт, – тридцать два человека – составляли: Исай Кузнецов, Львовский, Махлах-Львовская, Самойлов, Швейцер, Константин Райкин, Шергова, Ляпидевский, Либединская, Скворцов, Петр Тодоровский, Рязанов, Успенский, Валерий Фокин, Володин, Ширвиндт, Окуджава, Трунов, Гафт, Ким, Горин, Чичибабин, Михаил Ульянов, Гурченко, Виктор Некрасов, Татьяна Никитина, Арканов, Махаринский, Погреб, Шендерович, Евгений Миронов. О них написано мною в книге. Много, к сожалению, траурных отметок...

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
А с благодарностию: были.*

(Жуковский)

Написано двести лет назад, а единственное утешение...

Повторяться не дело. В Интернете «Зяма» есть.

Еще о некоторых *им* и *мною* любимых поговорила здесь.

Обо всех и всём написать не смогла (раньше надо было начинать). Очень многие любимые и мной, и Зямой (знаю твердо) – у меня в душе. Мое счастье, что я попала на их пути...

Татьяна Правдина. Июнь, 2016

Некоторые мысли – мои и чужие (с которыми я согласна)

- *Надо уметь менять точку зрения.*
- *«Наши век – торгаши, в сей век железный
Без денег и свободы нет». (А. С. Пушкин)*
- *Соловьи не поют хором.*
- *Недосказанность подлинного искусства.*
- *«Привилегии нужны тем, кто без них ничего не стоит».*
(Зиновий Гердт)
- *Помнят матерей седые дети...*
- *Если любить жизнь – можно многое успеть.*
- *Надо не уметь утрачивать счастье жизни.*
- *«Пока мы недовольны жизнью, она проходит».*
(Лидия Либединская)
- *«Смерть – всех загадок разрешение». (Е. А. Баратынский)*
- *Талантливая блядь – очень часто обаятельно!*
- *Намажь губы, но без наглости.*
- *Не талантливый и бездарный – равны?*
- *Есть евреи, есть жидаы, жидаы не национальность, а характер, они есть во всех, без исключения, нациях и национальностях, например: у русских – советские мещане, у грузин – кикелы, у французов – мелкая буржуазия, у англичан и вообще у европейцев – те люди, которые завистливы, ловкачи, лицемеры, скаредные, неталантливые, редко умелые и чаще всего не сильно счастливые.*
- *Не боюсь умереть, боюсь умирать.*
- *Простота высшего аристократизма.*
- *Эмоционально глухие.*
- *«Оскорбительный ветер забвения». (Михаил Дудин)*
- *А вас порали?*
- *«Любую страницу заветного тома
Открой – и дама». (Андрей Антипов)*
- *«Из неба синь тянуть,
С усилием, но вздохнуть». (Сара Погреб)*
- *«Вставай, участник эпоей,
Чайку горячего попей». (Сара Погреб)*
- *«И на Шопена ни малейших шансов...» (Сара Погреб)*
- *«Эти званья не втиснутся в строчку». (Сара Погреб)*
- *«Мать и бабушка я. И жена.
И дитя в нескончаемой ночи,
Пока мама моя жива.
Плохо – было,
Но маминной дочкой
Вдалеке и вблизи я жила.
Все мы дети в недобрые ночи,
Пока мама наша жива.
Семисвечников многоточия...
Гасит звезды рассветная мгла.*

Детство кончилось майской ночью.

Умерла. Умерла». (Сара Погреб)

- *«Но Россия осколком во мне».* (Сара Погреб)

- *«О рыбина, плесни!»* (Сара Погреб)

- *«В окне открытом шум дождя*

Хочу я слышать, уходя». (Сара Погреб)

- *«Нет у жизни конца,*

Восклицательный знак кипариса!» (Сара Погреб)

- *«Запахи! Щели в заборе природы*

В дальние дали. В сбежавшие годы». (Сара Погреб)

- *«Что жилье? Мы же все в этом мире*

Проживаем на съёмной квартире,

В нас стреляют, прицелясь, как в тире,

Жизнь – опасна. А как хороша!» (Сара Погреб)

- *В Библии сказано, что люди низкого душевного уровня развития ненавидят и даже стремятся уничтожить тех, кто исповедует духовные ценности.*

- *Хуже комплекса неполноценности, причем намного, комплекс полноценности.*

- *Патриотизм – любовь к своим – людям и земле, а не вражда к чужим.*

- *Все меньше людей, для которых более привычно и естественно сказать: «уборная», «сортир», а не «туалет», «большое, или просто – спасибо», а не «огромное», «скажите, пожалуйста», а не «не подскажите?», «садитесь», а не «присаживайтесь», «говорил», «сказал», а не «озвучил» и, к сожалению, и так далее, и так далее... От этого вдобавок ко всем потерям, которые с разным успехом заставляешь себя считать правильным течением времени, и возникает одиночество. Уходят «свои». Обостряются вопросы, которые только идиоты не задают себе: зачем все? Откуда все? Банально и вечно. «Зачем живем, зачем коней купаем?» (Самойлов, «Цыгановы»).*

- *Бог? А Он откуда? Завидую верующим, не воцерквленным, а истинным, как и творцам музыки, и ею владеющим. Если Он – это Добро, то откуда столько Зла? Значит: не Всемогущ? Стоять у бездны непознаваемости обречены все.*

- *Искусство не имеет определений: иногда говорят «высокое» искусство, но это неверно, означает, что есть «низкое», а на самом деле искусство или есть, или нет, нельзя измерить его величину, есть только «наличие» или «отсутствие».*

- *Друзья – товарищи, которые сами, для себя, нуждаются в тебе, как и ты в них.*

- *«Когда я пишу, мне начинает казаться, что я хороший человек».* (Михаил Светлов)

- *Мужчина – умный и добрый (идеал: + обаятельный и щедрый).*

Женщина – добрая и веселая (идеал: + умная и красивая).

- *«Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России, интеллигенты они или мужики – в них сила, хотя их и мало».* (А. П. Чехов)

- *Зачем путешествовать? Чтобы возвращаться!*

- *Основа дружбы – искренность.*